

В.А. ОСТАНИН

**ФИЛОСОФИЯ
ПРИСВОЕНИЯ**

Федеральная таможенная служба
Государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российская таможенная академия»
Владивостокский филиал

В.А. Останин

Философия присвоения

Монография

Владивосток
2011

УДК 1+331
ББК 87.3
О-76

Рецензент:

М.В. Терский, доктор экономических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет

*Под научной редакцией Ю.В. Рожкова,
доктора экономических наук*

Останин, В.А.

О-76 Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. – 300 с.

ISBN 978-5-9590-0570-2

УДК 1+331
ББК 87.3

Монография посвящена методологическим проблемам познания процессов присвоения в обществе. При этом само присвоение рассматривается скорее в философском ключе не только как система отношений собственности, но и как форма освоения человеком своей сущности, затрагивая проблемы и противоречия познания, этики, культуры, справедливости.

Представляет интерес для широкой научной общественности, а также студентов, магистрантов, преподавателей вузов и всех, кто интересуется этой философско-экономической проблемой российского общества.

ISBN 978-5-9590-0570-2

© Владивостокский филиал
Российской таможенной академии, 2011
© В.А. Останин, текст, 2011.

От научного редактора

Что мы ценим в книге, претендующей на статус научной? Во-первых, самого автора. Его статус в повседневной жизни и науке. Автор монографии «Философия присвоения» профессор Останин Владимир Анатольевич предстаёт перед нами как скромный человек, не обременённый непомерной гордыней. Однако это не означает, что он не умеет отстаивать свою точку зрения. Его крылатое выражение, высказанное более десяти лет назад в отношении отдельных непорядочных учёных, – «холуи от науки» – до сих пор живёт в научной среде Дальнего Востока. Поражает обилие публикаций Владимира Анатольевича на темы, казалось бы, совершенно далёкие друг от друга. Здесь и финансы, и банковское дело, и страхование, и таможенное дело, и Но самое главное, – многие его работы обильно «сдобрены» хорошей теорией, которую до сих пор называют философией. Это, например, монография «Воля в структуре смысла» [22].

Во-вторых, книга ценна, если она опирается на богатое теоретическое наследие, которое накопило человечество. То, которое сегодня, к сожалению, перестали изучать. Это не только признанные классики (Кант, Гегель, Маршалл, Кларк, Харрис и другие), но и марксизм, который профессор В.А. Останин знает досконально. Он не охаивает его, как это делают многие безликие «учёные»-обществоведы, а точными и яркими мазками вносит в изучение этого до сих пор распространённого учения свои «перлики». Владимир Анатольевич пишет: «... исключительно высоко оценивая место классиков марксизма, мы, тем не менее, пытались отойти от традиционной для марксизма трактовки экономических закономерностей общественной жизни. Поэтому тот, кто не приемлет иного, кроме марксизма, понимания мира, может отложить эту работу. Он только потеряет время».

Коллега, впрочем, не вполне прав в вышеуказанном утверждении. Именно марксистам стоит прочесть эту монографию. Она раскрывает социально-экономический мир более зрелый и не закостенелый, чем он предстаёт в публикациях авторов, оставшихся по своему мировоззрению в прошлом или даже в позапрошлом веке.

Мне приятно было осуществлять научное редактирование, ибо я во многом разделяю взгляды профессора Останина. Ведь в далёкой молодости пришлось изучать (и досконально изучать!) классическое наследие в более масштабном ракурсе, чем это делают аспиранты сегодня. Согласись, читатель, было бы глупо браться за научное редактирование, находясь по другую сторону «баррикады» автора.

Следует обратить внимание на важный авторский посыл. Человек, в понимании В.А. Останина, стал собственно человеком, когда набрал необходимый перечень качественных и количественных атрибутов человека целостного (*homo totalitet*). Автор в категоричной форме предлагает не ограничивать этот качественный скачок исключительно только одним признаком – трудом.

Вся монография «Философия присвоения» пронизана бескомпромиссным подходом автора, который, я бы не побоялся сказать, немного «давит» на читателя, заставляя его понять: «Суть диалектики не в раздвоении мысленно противоречивой природы предмета, а в расщеплении на бесконечное множество этих самопротиворечивых моментов». Владимир Анатольевич свободно оперирует противоречиями, что делает его работу максимально лёгкой для понимания. Этот обширный труд не делает его чтение по-научному каторжным.

Следует согласиться, что и материально-вещественное, и социально-общественное содержание бесконечно богато по своей природе. Но в процессе познания оно должно стать ещё более бесконечно богатым и духовным. Впрочем, автор предупреждает, что данное требование выражает в себе противоречие. Рано или поздно исследователь вынужден останавливаться перед бесконечно богатой природой предмета.

*Ю.В. Рожков,
доктор экономических наук, профессор*

Введение

Когда автор пытается более глубоко, уже на философском уровне осмыслить те или иные явления экономической жизни, то неизбежно наталкивается на ограниченность экономического аппарата, его инструментария, наконец, на методологическую ограниченность подхода. Уже изначально встает вопрос о том, может ли считаться достаточным господствующий в экономической теории подход о примате материального производства над общественными формами, политическими институтами, наконец, самим осознанием этого мира-экономики. Вопрос, поставленный подобным образом, звучит оскорбительно ясно, как выразился однажды Ницше (*belegendige Klarheit*).

Автор, несколько лет назад уже сделавший попытку философски осмыслить мир-экономики как некоторую сферу целостного мира воспроизводства человека в обществе, становится более строгим к ранее допущенным неточностям и преодоленным, по его мнению, заблуждениям. Это следует воспринимать как вполне естественное состояние, когда изменяющийся мир получает уже иные формы в моделях субъективного восприятия этого целостного и противоречивого мира. Особенность этого процесса заключается в том, что для понимания, теоретического объяснения этого противоречивого мира-экономики недостаточно опираться на принцип детерминизма. В противном случае, мы будем постоянно наталкиваться на детскую непонятливость, ибо следствие уже может пониматься как причина. Как мы полагаем, это познание следует довести до понимания мира воспроизводства человека в обществе как причины самого себя, как самопричины, или спинозовской *causa sui*.

Если под философией понимать эпоху, схваченную в мышлении, то философия экономики есть теоретическое отражение целостного

мира воспроизводства человека в обществе и посредством общества. Экономика не может более рассматриваться исключительно как сфера отношений, институтов, структур воспроизводства материальных благ. Воспроизводство, понимаемое нами как воспроизводство человека, включает в себя процессы материального производства не более как моменты. Наряду с этим в равной степени важности и актуальности занимают процессы воспроизводства идей, теорий, нравов, привычек, мирознания, институтов. Поэтому историческая школа в период своего формирования в лице Р. Рошера, Б. Гильдебранта, К. Книса, Г. Шмоллера совершенно обоснованно высказывала свои критические суждения в адрес принципов классической школы политической экономии, делая ударение, в первую очередь, на абстрактный конструктивизм. Например, историческая школа вполне обоснованно отмечала, что невозможно изучать политическую экономию в отрыве от правовых, политических, религиозных, нравственных институтов, более того, в отрыве от этнографических, психологических аспектов общественной жизни. Экономика не может ограничивать себя исключительно проблемами производственных отношений, экономических законов.

Вслед за классической английской политической экономией К. Маркс, заслугу которого переоценить невозможно, сделал решающий шаг в направлении экономического детерминизма. Все нравственные, правовые, религиозные связи и аспекты в процессе воспроизводства человека в обществе и посредством общества были им проигнорированы. Вся теория свелась к весьма простой схеме: каковы производительные силы, таковы и производственные отношения. Последние, будучи названными базисными отношениями, определили, в данном случае детерминировали, отношения надстройки, т. е. правовые структуры, нравы, религиозное сознание. Безусловно, все это сделало экономическую теорию марксизма строгой, убедительной, но только на первый, непосвященный. взгляд, но одновременно бедной, выхолощенной, бессодержательной. При этом мы совсем не отрицаем истинность марксовской теории капитала. Нет! Марксизм действительно раскрыл важнейшие экономические зависимости и законы. Но он схватил в теории только одну связь, вернее, только один из ее противоречивых моментов.

Здесь К. Маркс сам нарушил свой собственный методологический принцип, отчетливо выраженный в тезисах о Фейербахе: *Мир следует брать не только объективно, но и субъективно.*

В исследованиях Маркса нет конкретного человека. А ведь только последний становится субъектом своих собственных изменений. Речь идет, конечно же, не о том, чтобы заниматься робинзонадами. Поэтому Маркс был прав, когда писал, что нельзя понять способы присвоения, исходя из абстрактных привычек, психологических вожделений абстрактного человека. Но Маркс был точно так же не прав, когда исходил из абстрактно осуществляющихся экономических законов собственного человеческого бытия. Принцип целостности человеческой жизни был заменен иррациональными принципами абстрактных всеобщностей, которые доминируют над деятельностью индивидов. И хотя марксистская политическая экономия очень много писала о единстве логического и исторического, именно она нарушала этот принцип, выбрасывая из своего предмета человека. Поэтому первые критики марксовой теории, например М. Вебер, были вполне справедливы, когда подчеркивали забвение принципа историзма.

Здесь не следует вдаваться в крайности исторической школы, например, требовать, как это делал К. Менгер, жестко разделять историю и теорию. При этом не следует отбрасывать фундаментальные вопросы социальных наук, поднятые в свое время М. Вебером. Имеют ли науки о человеке и об обществе свою специфическую логико-теоретическую базу, каков принцип образования понятий в социальных науках, дают ли социальные науки знания, имеющие всеобщий и необходимый характер, как, например, естественные науки? И наконец, являются ли гуманитарные знания по своей природе дискурсивными или интуитивными?

Как нам представляется, марксизм на все эти вопросы ответил не особо мудрствуя. В единстве логического и исторического основная тяжесть пала на логическое. Когда не хватало фактов для логического объяснения и теоретически состоятельных суждений, наконец, выводов, которые совсем не вписывались в теорию, то использовались, и порой чрезмерно, иррациональные приемы, например, теория превращенных, модифицированных форм. Как пишет по этому поводу Л. Мизес, истинными суждения могли признаваться уже на тех основаниях, что из них вытекали следствия, лежащие в русле желанных целей. Если же эти выводы отличались, то научная критика уступала место объявлению результатов ложными

на основании того, что авторы объявлялись предателями идей, прежних концепций, оппортунистами, наконец, врагами.

Человек как таковой был исключен из теоретического анализа, если не считать крайне абстрактные выводы в философских рукописях 1844 года. В выводах возобладал неприкрытый махровый детерминизм, когда законы общественного развития были сведены к механизму осуществления естественных законов.

Не все в марксистской политической экономии, что не прошло проверку временем, следует относить непосредственно к К. Марксу и Ф. Энгельсу. После их смерти появилась целая плеяда марксистов, которые последовательно стали превращать политическую экономию из науки в идеологию. Более того, в принципах политической экономии даже появился принцип партийности. Случилось то, против чего возражал в свое время М. Вебер. Следовало бы в общественных науках строго отделять моменты субъективной практической оценки от момента теоретического отнесения и ценности (это положение заимствовано у Г. Риккерт, когда последний вслед за И. Кантом выделяет субъекта эмпирического и субъекта трансцендентального).

Особая заслуга в прямом искажении марксизма принадлежит, как это ни парадоксально, тем ученым, которые боролись за чистоту марксизма, делая учение все более строгим и непротиворечивым. Если разложение классической политической экономии Маркс связывает с именами Дж. Ст. Милля, то разложение политической экономии марксизма следует связать с именами Розенберга, Ойзермана и др. Последние даже не столько вынули из марксизма душу (хотя ее там и не было), сколько извратили и окончательно обеднили учение.

Наше понимание этих философских вопросов экономики исходит не только из марксистской политической экономии и материалистического понимания истории. Более того, исключительно высоко оценивая место классиков марксизма, мы, тем не менее, пытались отойти от традиционной для марксизма трактовки экономических закономерностей общественной жизни. Поэтому, тот, кто не приемлет иного, кроме марксизма, понимания мира, может отложить эту работу. Он только потеряет время. Мы не претендуем на истину в последней инстанции, но мы хотели бы сохранить свободу в собственном осмыслении общефилософских и общеэкономических проблем. Хотя одновременно полагаем, что наше понимание этого противоречивого мира уже изначально отягощено многими теориями и мировоззрениями, в том числе и марксизмом.

Человек и общество

Человек становился собственно человеком как член стада. То есть уже в стаде человек был, если не общественным животным, то, по крайней мере, животным стадным. Можно спорить и говорить о размерах стада, но факт остается фактом: человек формировался как существо изначально общественное. Другое дело, насколько правомочно утверждать о том, что человек в стаде приобретал черты индивида?

Если взять за исходные посылки данные антропологии и этнографии, то человек как человек разумный появился на земле не ранее, чем 26–40 тыс. лет назад. Можно утверждать, что начиная с этого момента человек активно формируется как человек политический (*homo politicus*), человек религиозный (*homo religios*), человек умелый (*homo faber*), все более и более формируясь в человека целостного (*homo totalitet*). Мы не возьмем на себя смелость утверждать, что здесь существовала какая-то детерминированность. Эту концепцию мы отвергаем. Человек с самого начала выделения его от животных приобретал в себе черты человека целостного. Одновременно человек как существо, воспроизводящее себя посредством воспроизводства материальных благ, т. е. человек экономический, был только моментом этого процесса становления целостности. Поэтому утверждение Ф. Энгельса о том, что признаки выделения человека от животного можно считать какими угодно, вплоть до того момента, когда он сам начинает выделять себя от животного, нуждается в существенном уточнении.

Критериальный признак – трудовая деятельность – должен быть увязан с самосознанием себя как микрокосма в мире. Без этого нам не понять, чем все-таки отличается организованная стая волков в операции по загону животных от стада предков при охоте на тех же животных. Вдобавок еще никому не удалось объяснить факт собственно человеческого сознания, не говоря уже о процессе идеального отражения собаки – спутницы человека. Тем более, выводы З. Фрейда свидетельствуют что не все наши поступки являются осознанными. А объем неосознанного в сознании намного порядков превышает объем осознанного, схваченного в мышлении как знание предмета, процесса. Поэтому мы будем несколько скромнее в своей категоричности. Мыслить дискурсивно, опосредованно, логически – это признак необходимости сознательного отражения мира. Но мы не можем взять на себя смелость утверждать, что это признак достаточности, чтобы говорить, что мыслит только человек. Мыслить, в смысле – сознанием отражать мир, себя, общество, которое ему противостоит. Вообще мы склонны заметить, что в доводах классиков гораздо больше категоричности, жесточечности, нетерпения к чужому мнению, чем спокойной аргументированности.

Мы могли бы согласиться с доводом Ф. Энгельса о труде как целесообразной деятельности по производству материальных благ, если бы целесообразность сама была бы выведена и объяснена. Ведь очень часто сама целесообразность навязывается как бы извне, а не из субъекта. Поэтому совершенно недостаточно ограничиваться аспектом материального производства. Наряду с материальным производством осуществляется процесс воспроизводства идей. Последние же могут воспроизводиться исключительно в сознании, хотя мы вполне допускаем, что воспроизводиться они могут и интуитивно. Поэтому человек стал собственно человеком тогда, когда он осознал себя человеком, окончательно выделив себя из природы. Человек стал субъектом своего собственного производства. Его адаптивное бытие стало бытием, творчески преобразующим окружающий его объективный мир. Но творческое преобразование и отражение объективной действительности вполне возможны и при интуитивном отражении, и при трудовой деятельности, когда человек может и не осознавать всю целостность, или хотя бы часть всего многообразия природных и общественных взаимосвязей. В некотором

пессимизме мы пребываем под впечатлением одного вопроса Вольтера, в котором он вполне правомочно сомневается в том, что остается непонятым даже сам процесс формирования идей, понятий.

Объяснения, которыми наполнены сейчас книги по теории познания, нельзя признать ни убедительными, ни достаточными. Поэтому, как нам представляется, человек стал собственно человеком, когда набрал необходимый перечень качественных и количественных атрибутов человека целостного (*homo totalitet*), не ограничивая этот качественный скачок исключительно только одним признаком – трудом.

Одно из великих открытий К. Маркса заключается в объяснении им двойственного характера труда, а, следовательно, и производства материальных благ. Но из этого следует важный вывод о том, что хоть производство осуществляется в обществе и посредством общества, то и продукты этого материального производства имеют двойственный характер. Есть отношение человека к вещи, и есть отношение человека к человеку. Эта двойственность противоречия труда конкретному труду абстрактному. Тем самым констатировалось, что была понята глубинная сущность процессов присвоения результатов производства в обществе.

Как нам представляется, данное положение о двойственном характере труда, безусловно, подтверждается. Не подтверждается то, что общественная форма труда и производства была ими сведена исключительно к производственным отношениям. Но ведь отношения, которые можно характеризовать как общественные, отражают тот факт, что это производство осуществляется в обществе и посредством общества. Производственные отношения сводимы к общественным, но последние не сводимы исключительно к отношениям, которые складываются между людьми в процессе производства материальных благ. В обществе существуют отношения права, нравственности, религиозные, наконец, социальные, классовые, этнографические, отношения властных функций. Эти отношения, и особенно взаимосвязь между ними и взаимообусловленность, не представляются такими уж простыми. Ф. Энгельс в одном из писем к К. Шмидту раскрывал, хотя и в тезисной форме, взаимообусловленность правовых функций государства и развитием базиса, подчеркивая их тройственную роль. Но это совсем не означает,

что на производственные отношения не оказывают не менее противоречивое воздействие отношения нравственные. Из этого следует один из существенных недостатков методологии марксизма, а именно, экономический детерминизм. То, что Ф. Энгельс признавал обратное влияние отношений права на производственные отношения, подтверждает ограниченность экономического детерминизма. Следует помнить его теоретическую ограниченность, когда улавливается в мышлении только одно из направлений сложного противоречивого взаимодействия. Более того, уровень взаимодействия – тоже не последний момент осмысления природы мира. За взаимодействием есть конечная причина – самопротиворечивая природа объекта. Этот уровень уже достаточен для понимания предмета как субстанции, как причины своих собственных изменений, т. е. как *causa sui*.

Как нам представляется, самопротиворечивой природой труда, производства, продуктов может быть не его материально-вещественная сторона или система производственных отношений. Они будут не более как моменты целостности. Следовательно, ленинское понимание диалектики как раздвоение единого и познание противоречивых сторон его, не есть главное. Эту сторону следует характеризовать как первую, а не главную, или второстепенную сторону. Суть диалектики не в раздвоении мысленно противоречивой природы предмета, а в расщеплении на бесконечное множество этих самопротиворечивых моментов. Материально-вещественное и социально-общественное содержание бесконечно богато по своей природе. Но в процессе познания оно должно стать бесконечно богатым и духовно, когда мышление схватывает это бесконечно богатое материальное и общественное содержание. По мере продвижения познания оно становится конкретным, проходя путь от абстрактной всеобщности к конкретной всеобщности, к особенности, и наконец, к единичному.

Принцип двойственности, открытый Шеллингом, есть не более как частный случай более сложного принципа – принципа бесконечного внутреннего противоречивого богатства. Принцип двойственности имеет место в природе и общественных явлениях, проявляясь как, например, северный и южный магнитные полюсы, этой же электромагнитной природы положительный и отрицательный заряды, мужской и женской яйцеклетки, и т. д. Но это только часть, момент

сложной и противоречивой природы мира. Общественные явления свидетельствуют о более сложной природе, игнорировать которую нельзя, если мы не хотим сознательно упростить наши представления о мире.

Необходимо к этому заметить следующее. В природе, в мышлении мы можем обнаружить бесконечное богатство соотнесенных противоречивых сочетаний материально-вещественного содержания и всего многообразия различных моментов общественной формы: производственных, религиозных, нравственных, психологических отношений и т. д. Эти взаимоотношения дают наиболее адекватный образ диалектического противоречия. Следовательно, каждому отношению к вещи, явлению, процессу непосредственно тождественно свое противоположное, каждая содержит в себе свое иное.

Этот взгляд, безусловно, существенно усложняет противоречивую картину отношений человек – вещь и человек – человек. Однако этого не следует опасаться исследователю, который ставит себе задачу наиболее адекватного теоретического отражения объективной реальности.

Безусловно, данное требование выражает в себе противоречие. Рано или поздно исследователь вынужден останавливаться перед бесконечно богатой природой предмета. И в этом осознании природы, как окружающего его мира, так и собственной человеческой природы, не следует претендовать на абсолютность и законченность, наконец, целостность. Целостный образ внутреннего и внешнего мира следует понимать как формирующуюся целостность, которая преодолевает свою абстрактность, но никогда её не преодолевает.

Представляется, что экономические науки могут синтезировать в себе принципы естественных наук и исторических. Между ними, как показали в свое время М. Вебер и Г. Риккерт, существует различие в самом методе. Если естественные науки от единичного поднимаются к осмыслению и раскрытию всеобщего, то исторические науки, предварительно вырабатывая понятия от всеобщего, идут к единичному, пытаясь осознать и понять прошлое. Инструменты познания – понятия, которые выработаны в изучении настоящего. Поэтому нам представляется, что экономические науки синтезируют методы исследования как естественных, так и исторических наук. Метод исследования не может исходить исключительно

из единичного, чтобы выявить всеобщие закономерности: светила движутся по небу, но законы движения светил на небе не начертаны (И. Кант). Можно повторить поэтому вслед за И. Кантом, что и экономические законы, как и законы других областей научного знания, не начертаны на небе, они отражают внутреннюю природу предмета, могут быть выявлены исключительно в процессе активного творчества познающего мир субъекта.

Метод же исторических наук отражает стремление субъекта понять единичное в первую очередь. И только потом, поняв и осознав единичное, исторические науки стремятся выявить и закономерности прошлого, т. е. понять его со стороны всеобщего, существенного и необходимого.

Экономические науки включают в себя оба этих метода, начиная с единичного, они восходят к всеобщим закономерностям и законам, вырабатывая понятия экономических наук. Но так как исторический аспект обязан присутствовать в исследованиях экономистов, то экономисты вынуждены обращаться к прошлому. При этом законы настоящего не могут быть перенесены на прошлое. Законы должны выразить существенное и необходимое в единичном и конкретном. Следовательно, следует осознавать единичное в прошлом. Отсюда вытекает необходимость осознания всей совокупности моментов материальной и духовной жизни индивидов в их наиболее полной взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому ленинская формула – от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике – скорее отражает метод исследования естественных наук, и не исторических или экономических. Наконец, не сама ли практика, подвергнутая мышлением творческой обработке в преходящих идеальных моделях, должна приниматься в качестве основания и исходного, если не принимать всерьез врожденных идей Р. Декарта?

Если познание от живого созерцания поднимается до осознания абстракций, отражающих исключительно всеобщности, и на этом останавливается, то это не может быть признано как процесс осознания действительности. Это только первый этап сложного процесса познания. Далее исследователь должен понять конкретные формы бытия этого всеобщего в единичном, т. е. понять предмет в его конкретно-особенном, конкретно-всеобщем и единичном. При этом мы считаем, что единичное не следует отождествлять

с действительным. В этом разведении понятий, на наш взгляд, очень удачно срабатывает формула познания, предложенная Г.В.Ф. Гегелем. Для него действительное не есть единичное, действительное должно вобрать в себя всеобщее, сущностное и саму вещь в бесконечных формах своего существования. Если использовать терминологию Гегеля, действительность следует представлять как единство сущности со своим существованием.

Если исследователь останавливается на единичном, а он тогда может его только собрать и описать, то это «удел муравьев от науки», как образно выразился Гегель.

Критика, которая в последнее время раздается в адрес диалектической логики, скорее свидетельствует о научной капитуляции исследователей понять противоречивую природу мира-экономики. Попытки игнорирования возможностей инструментария диалектической логики, замены ее возможностей утилитарными приемами, как это предложил однажды М. Фридмен, не могут быть признаны нами состоятельными. Аппарат диалектической логики не может быть выброшен на свалку истории и теории познания. Перефразируя экономистов-классиков, мы можем предложить тезис: диалектическая логика имеет значение.

Диалектическая логика как наука сформировалась в XIX веке. К этому времени метафизический метод обнаружил свою состоятельность в объяснении современных открытий в сфере естественных наук. Застывшие категории формальной логики с ее применением в условиях домашнего обихода проявили свою ограниченность.

Фактически творцом, создателем этого нового направления в теории познания, преодолевающего узкие границы формальной логики, стал Г.В.Ф. Гегель. Однако диагностическая логика в работах ее творца была построена на позициях, основах абсолютного идеализма. Основной ее недостаток сводился к тому, что мышление воспринималось как процесс, идущий к абстрактному, к неконкретному, начиная от самых простых, бедных абстракций, например, с чистого бытия как объекта познания. Познание шаг за шагом идет от минимальной определенности к все более глубокому, богатому содержанию.

В итоге конкретные объемы познания начинают вовлекаться в процесс конструирования. Последний осуществляется методом

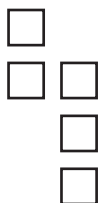
анализа и синтеза. В итоге спекулятивное мышление представляется как процесс последовательного анализа и синтеза, в результате чего объект познания начинает впервые конструироваться для исследования.

Недостаток идеалистической диалектики Г.В.Ф. Гегеля проявился в том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному был фактически отождествлен с формированием самих объектов познания. Воспроизведение объектов, отражающих мышление, превратилось в их конструирование. Мышление уже не только отражало содержание, строение объекта, а стало привносить, конструировать сам объект познания.

Однако основная цель познания остается прежней и не подвергается сомнению. Отражающее объективный мир сознание, разум должны формировать адекватный научный образ объекта. Этот образ будет тем более адекватным, если он в отражении сознания будет представлен как целостный образ объекта. И хотя последнее недостижимо принципиально, тем не менее сам процесс постепенно и последовательно приближает исследователя к теоретическому образу истинного.

Другая проблема возникает уже в постановке вопроса об истинности как достаточности результата теоретизирования субъекта. Сам результат следует понимать как взаимодействие и взаимосвязь в мышлении субъекта, предлагаемого им метода, который уже отягощен в силу этого субъективными, в том числе научными, эгоистическими, нравственными, институциональными, наконец, пристрастиями, и самого объекта. Прежняя диалектическая логика обходила эту проблему, делая ударение на признание противоречивой природы познаваемого мира. Она не принимала во внимание аспекты воли, которой наделен субъект. Отбросив это основание, исследователь опять не погрузится в очередные абстракции, или отвлечения от реально воспринимаемой противоречивой картины объективного мира. Противоречия теоретического образа предопределены также и противоречивым отношением к нему самого субъекта познания. Абстрагироваться от него, преодолеть субъективность есть не достоинство, а существенный недостаток всей методологии познания, которая господствует в теории познания до сегодняшнего момента. Дальнейшее развитие аппарата диалектической логики, как это

нам представляется, следует видеть на пути более всестороннего рассмотрения объекта со стороны множества субъектов познания. Тогда и целостный образ будет формироваться не как суммативный образ, а как формирующийся и достраивающий себя до целостности теоретический образ субъекта. В этом множестве субъективность не отбрасывается, не игнорируется, она вносит свою лепту в это единое знание целостности, но одновременно множество преодолевает единичную субъективность отдельного и частного. В результате мы можем утверждать, что возводимый теоретический образ отдельных частных субъектов познания способен формировать ту модель, которую И. Кант назвал объективным знанием, объективностью. Для него это общезначимое, которое приобретает признание господствующего и признаваемого большинством. Последнее ничего общего не имеет с ущербно понимаемым образом объективного как существующего вне сознания. Это не только примитивно, т. е. удовлетворяющее познающего на начальном этапе, как первое, первичное. Но примитивное не означает ложного. Оно присутствует как рудимент в истории познания, эволюции формирования целостного мира.

Воля в структуре формирующегося смысла явлений социально-экономической действительности

Познание социально-экономических феноменов в любом случае преследует цель раскрыть содержание и объем понятий, являющихся ступеньками в процессе последовательного приближения некоего формирующегося абстрактного образа предмета, вещи, явления к целостному теоретическому образу. Начиная от некоторого состояния набора абстрактных, оторванных друг от друга предпосылок как некоторой механической совокупности, теоретический образ начинает приобретать признаки целостности. Этот процесс можно было бы охарактеризовать как логику саморазвития идеи, ее теоретического образа, по Гегелю. По мере становления теоретического образа как целостности, последний приобретает признаки обнаружения сущности, способности понятия воспроизвести в качестве единства свои противоположные элементы, противоположные определения, преодолевая тем самым свою односторонность и абстрактность.

Будучи взятыми отдельно одно от другого, эти противоположные определения будут страдать существенным недостатком, а именно, – абстрактностью.

Сама же вещь, процесс, социально-экономический феномен внутренне самопротиворечив. Точно также и отражающий это явление субъект познания вынужден схватывать то одну, то другую сторону этого противоречивого социально-экономического бытия. Последнее также стремится к некоторому целому, законченному, постоянно достраивая недостающие и реформируя уже имеющиеся элементы противоречивого социально-экономического бытия. Другими словами, и само бытие, окружение человека находится в движении,

в становлении целостного мира-экономики. Причиной здесь, безусловно, является само бытие человека, которому внутренне присуще самоотрицание самого себя, как причина самого себя, т. е. спинозовская *causa sui*.

Следовательно, это достраиваемая целостность социально-экономического бытия есть некоторая самопротиворечивая данность в единстве с человеком, как самого себя воспроизводящим в границах формирующейся целостности, с человеком, познающим эту целостность. Другими словами, социально-экономическое бытие предстает уже не просто как данность формирующейся целостности, но и как процесс формирования этой целостности социально-экономической жизни. Противоречие бытия начинает представляться уже как противоречивый процесс, или как процессуальное противоречие.

Человек в процессе собственного воспроизводства относится к другому и как к цели, и как к средству. Это бытие становится противоречивым. Он является носителем глобальных, государственных, межгосударственных, корпоративных, семейных, общинных, наконец, своих эгоистических интересов (эгоизм здесь мы понимаем как состояние, направленное на самого себя; эго (от лат. «*ego*» – я) – поведение, определяющееся интересами собственного бытия, бытия человека как индивида). Мы не склонны придавать эгоизму исключительно негативный характер, как поведение, целиком определяемое мыслью о собственных интересах, собственной пользе, выгоде, собственном предпочтении своих интересов в противопоставлении интересам других. Следовательно, если это не медицинская патология, то эгоизм, как нацеленный на свои собственные интересы, имеет место быть как естественное состояние. Если уж говорить об аномалиях человеческого состояния, то это, скорее, можно отнести к альтруизму.

Противоречивость отношения любого человека есть часть самовоспроизводственного процесса а, в сущности, к самому себе, является основным законом человеческого бытия, основным законом социально-экономической жизни. Отношение любого члена сообщества к другому самопротиворечиво, на поверхности это отношение самопротиворечивости представлено как эгоистическое отношение. По отношению к целому оно есть негативная, отрицающая сторона противоречия целого и части, и именно этой отрицающей стороне

принадлежит доминирующая роль в развитии самого противоречия, в становлении целостности социально-экономического бытия.

Это внутреннее противоречие «ego» и целого, одновременно есть их тождество. На поверхности это противоречие проявляется во внешних формах своего существования, в противоположности интересов личности и коллектива, личности и общества в целом, личности и другой личности, коллектива и общества в целом.

Каждый из этих социально-экономических субъектов присвоения условий своего собственного бытия, диалектического отрицания другой противоположности тем самым, одновременно утверждает свое собственное бытие. Более того, каждая из сторон кровно заинтересована в своей противоположности. Человек, полагая себя как цель, а другого как средство, наталкивается на свое противоположное отношение, но уже со стороны иного. Ибо последний также видит себя целью, а другого – средством. Разрешение этого противоречивого социально-экономического бытия выливается, обнаруживается в синтезе обоих противоположных состояний человека с другим, человека с коллективом, коллективом и обществом в целом. Этот синтез есть форма диалектического единства человека как средства и как цели. Оно является основанием и для других форм синтеза производных от первого, например, человека и коллектива, человека и общества в целом, коллектива и общества. Тем самым теоретически преодолевается бытующее ныне крайне одностороннее понимание этой проблемы, а, следовательно, принципиально неверные, теоретически не обоснованные приоритеты в разведении ценностей этого противоречивого социально-экономического бытия. Представляется, что после известного периода новейшей советской истории, когда человек рассматривался как средство, хотя прокламировалось диаметрально противоположное, словами И.В. Сталина, как «винтик великого государственного механизма», в сознании маятник качнулся в крайне противоположное состояние. Признали высшей ценностью человека, однако ценность коллектива, региона, государства была проигнорирована. Другой формой этого «крутого поворота» в осознании ценностей социально-экономического бытия, было признание как доминирующей ценности – ценности нынешнего, живущего, правящего, управляющего и пользующегося благами бытия поколения. Но если вступающее в жизнь поколение принимало как «дар Божий» все, что оставили ему в наследство все предшествующие

поколения, т. е. все позитивное мировой цивилизации, то перераспределение в пользу себя за счет будущего поколения, уже никак нельзя признать ни справедливым, ни гуманным. За 10–15 лет последней российской действительности за каждым членом общества образовался внешний и внутренний долг. В эти последние годы невозможно привести ни одного примера, который свидетельствовал бы об адекватном вкладе в созданные общие блага. Долг только внешний, составивший, по некоторым данным, около 150 млрд. долларов, будут отдавать последующие поколения. Итак, долг есть, общих благ нет. Что в «твердом остатке?», – как говорят химики. Перераспределение собственности, ресурсов, денежных средств в свою частную собственность за счет общества.

Что могло стать причиной, создать предпосылки подобного социально-экономического российского явления? Нам представляется, что в обществе постепенно накапливается отрицательный, разрушительный потенциал к интересам целого. В данном случае под интересами целого мы понимаем интересы государства «Россия». Личные интересы возобладали над корпоративными, когда бывшие директора, руководители растаскивали как прежние «несуны» коллективную собственность. Корпоративные интересы преваляли над всеобще-общественными (*Allgemeingessellschaftliche*, по К. Марксу, интересами). Интересы территорий, республик получили доминирующее звучание над интересами федерального центра. Государственные интересы остались неудовлетворенными, приносимыми в жертву «ego»-тенденциями.

Противоречие части и целого разрешилось в пользу части, однако не за счет развития через свою противоположность, т. е. за счет укрепления интересов корпоративных, укрепления интересов государства, а в форме их примитивного поглощения.

Теоретически этот процесс был подготовлен. Нашлось соответствующее скопище «наемных писак», в т. ч. теоретиков, заказчики были готовы, а «конюшенный корм профессуры самый подходящий для отгрыгающих жвачку» (А. Шопенгауэр). Но так как число сторонников ни с одной, ни с другой стороны не поубавилось, отточенность теоретических суждений не притупилась, и каждая из сторон находила свою паству, то во весь рост встает вопрос о природе смысла происшедшего.

Каждая сторона теоретически безукоризненно формулирует свои положения. Все правы, но почему такая несправедливость?

Первое, что может приобрести теоретическую ценность – это критический анализ самих суждений, хотя бы позиций формально-логических законов правильного, т. е. логического мышления. Однако этот путь вряд ли приведет к успеху. Нельзя от формальной логики требовать невозможного. Эта сфера знаний о законах и формах правильного мышления используется всеми противоположными сторонами как органом. Тогда проблема встает с «оскорбительной ясностью» (Ф. Ницше). Одно и то же социально-экономическое явление приобретает либо различное содержание мысли, т. е. различный концепт, либо проблема в чем-то ином. Одному и тому же содержанию мысли придают различный смысл.

Из общеизвестного курса формальной логики следует, что любое важное в той или иной степени явление, вещь, процесс отражается в познающем сознании в форме мысли, понятия. Последнее характеризуется именем, как термином, объемом, как денотат и концептом как смыслом. Здесь концепт напрямую связан со смыслом. Концепт (от лат. *conceptus* – есть понятие, мысль, содержание) в современной логике отражает содержание понятия, связан со смыслом, по крайней мере, опосредовано. Смысл есть внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом. Во-вторых, смысл соотносится с неким разумным основанием, назначением, целью. Наконец, смысл соотносится с разумностью, разумом.

Соотнесение этих понятий, с позиции теории семантики, позволяет сделать некоторые выводы. Сухое отражение реальности, по мнению философов, способно формировать понятие, развивая последнее из восприятия через представление. В концепте, по мнению некоторых, отражается как бы надсубъективное формирование понятия. Существует некий объективный мыслящий разум, что-то наподобие коллективного желудка у полипов.

Итог подобных выводов – это следствие объективного идеализма, с его объективной идеей, могущей существовать, бытийствовать вне субъективного познания. Другими словами, это есть пристанище в некоем «безмозглом мире» потустороннее. Здесь несложно уловить наследие течения объективного идеализма. Субъективное восприятие если не изменилось, то, по крайней мере, игнорировалось.

В содержании понятия «смысл» уже имманентно присутствует момент, что само чистое мышление наполняется, ведется, направляется чем-то иным, третьим. В прежнее содержание понятия приносится нечто субъективное. Здесь появляется цель, назначение. Но тогда один и тот же предмет может иметь один и тот же концепт, но различный смысл.

Представители старой традиционной школы познания, воспитанные и воспринявшие немецкую классическую философию, а до нее всех ее предшественников, стоявших у истоков, начиная с Платона, Аристотеля, фактически отождествляли понятия «смысл» и «концепт». Этой же традиции придерживались многие представители как Российской дореволюционной философской школы, так и самого последнего времени. Исключение составляет величайший представитель немецкой философии А. Шопенгауэр.

Спрашивать о смысле, задает вопрос Е. Трубецкой, и сам на него отвечает, – это значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т. е. о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли [подчеркнуто авт.]. Вопрос здесь ставится резко и бескомпромиссно. Также звучит и ответ на него. Здесь, т. е. в значении понятия «смысл», речь идет не о том, что значит данный термин для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно значит для всех. Смысл есть логически необходимое предположение и искомое всякой мысли. Основное задание логической мысли – избежать субъективного переживания, утвердиться в чём-то безусловном и всеобщем. Мысль же только субъективное, которое не достигает цели этого стремления. Она не способна стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим как бессмысленная. Другими словами, смысл есть общезначимое мысленное содержание, как общезначимая мысль, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое. Следовательно, осмыслить, «со-знать» – отнести сознаваемое к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу [30. С. 5].

Мысль о том, что адекватное отражение действительности, следовательно, может претендовать на истину, не сводится исключительно к абстрактной всеобщности. Это отражение включает в себя нечто иное, – что другие не видят, не могут или не хотят видеть своим разумом. В этом отношении весьма примечательно суждение отца

П.А. Флоренского: «Я не знаю, есть ли Истина, или нет её. Но я всем нутром ощущаю, что не могу без неё. И я знаю, что если она есть, то она – всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье».

Позиция окончательно проясняется в следующем суждении: «Там на небе – единая Истина, а у нас множество осколков Истины, неконгруентных друг с другом» [30. С. 164–165].

Как первое, так и второе направление не ново в философии. Первое исходит к Платону, второе получает свое выражение у И. Канта. Суть последнего можно выразить тем, что интеллигенция познаёт вещь по-кантовски, т. е. как чисто субъективное, антропологически обусловленное формами человеческой мысли. Следовало бы лишь добавить, что в этом отношении ничто не ново под луной. Однако остаётся невыясненным одно существенное обстоятельство – что, в конечном счете, предопределяет эту чисто человеческую субъективность в формировании теоретических образов социально-экономической действительности? Почему нет того всеединства в смысле, в противоположность тому, о чем писал Е.Н. Трубецкой? Почему люди видят одну и ту же социально-экономическую реальность, а её теоретический образ у каждого индивида свой?

Данные поставленные теоретические проблемы в гносеологии наводят на мысль, что всё представляется с точностью до наоборот, по-Трубецкому. В смысле, в содержании смысла есть не только та часть, которая раскрывает содержание понятия независимо от места в процессе воспроизводства самого индивида, но есть нечто иное, которое дано самим бытием индивида, его самостью, его субъективностью. Признавая роль разума в формировании понятия, мы, тем не менее, не можем согласиться с тем, что эта сфера есть сфера исключительно разума, и тем более рассудочного мышления. Есть нечто такое, что лежит за разумом, а, следовательно, за сферой его возможного влияния и воздействия. Можно предположить, что он сам есть нечто иное, как органон более скрытого, более существенного и неподдающегося рациональному объяснению со стороны другого. Как невозможно собственным глазам увидеть самого себя, так и разум не может осознать эту сферу, запредельную для него самого. Эта существенная, запредельная для разума сфера есть воля.

И. Кант разводил понятия «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас», однако эта сфера лежала в сфере разума. Познаваема ли «вещь-в-себе», либо не познаваема? Эта проблема для нас переходит в иную

плоскость, которую впервые выразил А. Шопенгауэр в работе «Мир как воля и как представление». Бытие человека это и есть его собственный опыт. Здесь он дан в своей самости, в своей нише разделения труда. Опыт есть сам человек с его вожделениями, желанием, потребностями. Они осознаются лишь отчасти, но это не мешает осуществляться человеческой жизни. Разум не осознает наше непосредственное бытие. Он не вмешивается в процесс переваривания пищи, работу органов секреции, дыхания. Однако это нисколько не умаляет способностей человека. Следовательно, разум ограничен сферой опыта по определению «...Основательная критика убеждает нас, что никакой разум никогда не может в своем спекулятивном применении выйти ... за сферу возможного опыта, и что истинное назначение этой высшей познавательной способности состоит в пользовании всеми методами и их основоположениями только для того, чтобы проникнуть в самую глубь природы сообразно всем возможным принципам единства, из которых главное составляет единство целей, но никогда не переходить границы природы, за которыми для нас нет ничего, кроме пустоты» [37. С. 373].

Всегда ли один разум в гордом одиночестве противостоял, в том числе, самому себе, решая проблемы познания? Можно ли утверждать, что разум сам ведом чем-то третьим, что есть еще одна субстанция, которая содержит меру самого разума?

Обычно в отрицательном ответе на этот вопрос делают ссылку на И. Канта, для которого разум, рассудок заполняли все поле познавательной деятельности субъекта. Однако непредвзятое прочтение отдельных положений «Критики чистого разума» свидетельствует, что наряду с разумом присутствовала некая субстанция, которая выполняла оценочную функцию самого разума. Разум не может, либо может найти удовлетворение в своем спекулятивном применении. Разум, например, в сфере опыта никогда не может найти полного удовлетворения, следовательно, нечто его выталкивает из сферы опыта в сферу спекулятивного применения. Сфера же спекулятивных идей не может удовлетворять разум, и он опять возвращается назад в сферу эмпирии. Что выталкивает разум из одной сферы в другую, а затем опять возвращает его назад? Представляется, что здесь проблема не может быть сведена только к проблеме разума вообще.

Далее И. Кант уже однозначно начинает утверждать об интересах своего разума, причем эти интересы лежат как в сфере практики,

так и в сфере спекулятивного применения. «Все интересы моего разума (и спекулятивные и практические) объединяются в следующих трех вопросах:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться? [11. С. 419]

Уже ответ на третий вопрос И. Кант связывает с надеждой, утверждая, что каждая надежда имеет в виду блаженство, и в отношении практического, и в отношении нравственного закона составляет то же самое, что знание и закон природы в отношении теоретического познания вещей. Блаженство же И. Кант соотносит с удовлетворением всех наших склонностей (и «*extensive*» по их многообразию, и «*intensive*» по их степени, и «*protensive*» продолжительности). Сам практический закон основывается на мотиве блаженства. Этот практический закон И. Кант назвал прагматическим законом.

Закон же, имеющий своим мотивом только достоинство счастья, есть моральный закон, или нравственный. Прагматический закон советует, что нужно делать, если мы хотим быть причастными к блаженству, а нравственный закон повелевает, как мы должны вести себя, чтобы быть достойными блаженства.

«Я допускаю, что действительно существуют чистые нравственные законы, которые совершенно *a priori* не принимая во внимание эмпирические мотивы (т. е. блаженство) определяют наше поведение, т. е. применение свободы разумного существа вообще, и что эти законы повелевают, безусловно (а не только гипотетически, т. е. при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях... Чистый разум содержит в себе, правда, не в своем спекулятивном, а в некотором практическом, именно в моральном, применении принцип возможного опыта, а именно таких поступков, которые могли встречаться в истории человека сообразно нравственным предписаниям. Думается, что следующая фраза И. Канта не вписывается во все то, что было приведено чуть ранее. Мы это воспринимаем как оплошность. Если чистый разум стоит на некоторых принципах, то не он, т. е. разум, может повелевать этими принципами. Скорее дело обстоит с точностью до наоборот. Не «чистый разум повелевает», а чистым разумом повелевают, и эта субстанция

повелевающая чистым разумом есть воля. Моральные принципы разума могут, правда, порождать свободные поступки» [11. С. 421].

Только предвзятый ум, изначально не принимающий изложенное И. Кантом, может отрицать очевидное. Разум не один в поле познания. Есть еще повелевающая им субстанция, преследующая цели достижения блаженства. Если же наши оппоненты будут утверждать, что это противоречит самому духу книги «Критика чистого разума», то мы можем отметить следующее. Ни одно великое творение гения не свободно от противоречий. Во-вторых, наличие противоречия, скорее, говорит о глубине гениального исследования, в-третьих, каждый видит в произведении гения то, что желает видеть. Последнее только подтверждает наши выводы для относительно непредубежденного читателя.

Если таким категориям теории познания как «явление», «сущность», «действительность», «сознание», «знание», «закон» и т. д. уделено значительное место, то категории «понимание» не уделялось должного внимания. Видимо, полагалось *a priori*, что понимание есть само собой разумеющееся, логичное и не вызывающее особых возражений у специалистов. Обычное сознание «схватывало» мысленно понимание как процесс субъективного, индивидуального восприятия личности знания, механизмов, навыков. Проблема понимания сводилась, таким образом, к способности воспринимать знание. В итоге понятие «понимание» оказалось в научной и специальной литературе крайне размытым, его определение постоянно вращается в порочном тавтологическом круге. Понимание подводилось под понятие «знание», знание же само определялось через процесс понимания, а последнее объяснялось через объяснение смысла, растолковывание и т. д.

Современный толковый словарь русского языка понимание объясняет, как способность осмыслить, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-либо. Во-вторых, понимание трактуется как та или иная точка зрения на что-либо или иное толкование, объяснение чего-либо, например, правильное, или неправильное понимание значения слова, или «материалистическое понимание истории».

Суть этого второго значения можно было бы свести к тому, что понимание есть процесс проникновения в чьи-то мысли, состояние, чувства. Например, рассчитывать на чье-то понимание,

т. е. на понимание со стороны третьего лица; понимать друг друга; или с пониманием относиться к кому-либо, к чему-либо, относиться с сочувствием и вниманием; с пониманием войти в чье-то положение.

Вопрос о природе понимания остается чрезвычайно сложным и запутанным. Более того, этот вопрос до самого последнего времени серьезно не обсуждался в научной общественности. «До сих пор остается невыясненным, имеем ли здесь дело с собственно философской или же преимущественно с психологической и педагогической проблемой, относится ли она к любой сфере человеческой деятельности, или только к социально-гуманитарному знанию, либо исключительно к индивидуальному, «личностному бытию», являются ли существенно различными как в принципе совпадающими проблемы понимания человека и понимания текста, как соотносятся между собой знание и понимание, понимание и объяснение и т. д.» [8. С. 124].

Серьезную попытку предприняли авторы С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский – дать, по возможности, системный анализ комплексной и междисциплинарной проблемы понимания в последний период. При этом авторы не пошли по наиболее легкому и привлекательному пути обзора различных точек зрения на проявление понятия «понимание» в обыденном познании, в научном познании, на проявлении понимания в осмыслении языкового текста, или взаимопонимание в процессе общения.

В работе был избран более сложный путь – выявить механизмы и основания понимания, которые определяют его «прорастание» в различных сферах познания и общения, вскрыть скрытый механизм понимания, дать анализ его основных процедур, динамики и тенденций его развития [8].

Мы ставим перед собой более скромную задачу. Во-первых, раскрыть природу смысла и попытаться обнаружить в его структуре признаки воли. Во-вторых, развести понятия «смысла» и «знания» по признаку содержания и проявления воли в первом и отсутствие ее признаков во втором. В-третьих, для нас представляет исключительный интерес раскрытие роли и места смысла в механизме формирования целостного знания. В-четвертых, – понять, что противоречивость, порой непримиримость различных точек зрения на про-

блемы социально-экономического обустройства современной «послеперестроечной» России только внешним образом отражает внутреннюю самопротиворечивость социально-экономического бытия россиян, их различное положение в системе присвоения-отчуждения в обществе. Снятие напряженности подобного противостояния видится, в том числе, в выработке механизмов получения нового знания, выявления «скрытых смыслов» как партий, открыто манифестирующих свои позиции, так и тех социальных групп, которые даже не в состоянии понять смысл происходящего и становящихся в этом строе просто электоратом, а что еще хуже – объектом манипуляций в достижении другими, как правило, власть предержащими, своих «скрывааемых смыслов», скрывааемых интересов.

Разводя понятия «знание» и «смысл», можно отметить следующее. Если соотнести объемы этих понятий, то можно заметить, что понятие «смысл» более объемно. Более того, смысл может приобретать и признаки «не-знания». Другими словами, «знание» может не-знать смысл, т. е. быть не-знанием смысла. Смысл, как явный так и скрытый, всегда предполагает знание. Формирование содержания смысла прошло через процесс понимания. Понимание и процесс становления знания – понятия не тождественные. Знание может базироваться на некоторых предпосылках, которые принимаются как само собой разумеющееся, на веру, без критического осмысления всех причинных, функциональных, структурных связей. Так, мы можем не сомневаться в том, что в канун очередных парламентских выборов в России на головы избирателей обрушатся всевозможные программы. Основное их содержание – проявление заботы о нуждах и чаяниях простого рядового гражданина-россиянина. Однако мы не понимаем, почему, будучи уже избранными в Федеральное собрание России, этим избранныкам становится не до избирателей, не до их собственных программ. Взаимоотношение между людьми, между людьми и окружающим их миром порождает сложные связи и отношения между процессами понимания и познания. Каждое из этих понятий, как понимание, так и познание отражает процесс формирования содержания этих понятий. Если познание есть процесс формирования осознанного бытия предмета, вещи, т. е. сознания, или *das Bewusstsein*, то последнее и есть, как замечали классики, не что иное, как осознанное бытие, или *das bewusste Sein*. Понимание же для нас –

это, в первую очередь, осознание уже смысла, т. е. осмысление. Здесь знание выступает не как индифферентное к познающему субъекту, как равнодушное и инертное. Понимание привносит в этот процесс заинтересованное, оценочное отношение осмысляющего социально-экономическое явление индивида.

В теории познания представлены и иные точки зрения на процесс осмысления, в нашем случае, понимания. Так, речь может идти о так называемой аналитической традиции, которая развивается наиболее плодотворно в границах англоязычной философии языка. Здесь ударение преимущественно переносится на логический и семантический анализ естественного языка, а также иных искусственных формализованных языков.

Второе направление развивается в границах герменевтики. Здесь ударение переносится на процедуры толкования текстов и явлений культуры, на раскрытие общекультурных контекстов осмысления человеком реальности, а также специфические аспекты познания человека другим человеком, одной социальной группы другой, людей одной культуры представителями других культур.

Проблема смысла являлась одной из ключевых проблем герменевтики как науки. Герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий) понимается как теория и искусство толкования текстов, первоначальный смысл которых не ясен вследствие их древности или неполной сохранности. Задачи, которые ставит перед собой в настоящее время и решает наука – герменевтика ставились и ранее. Достаточно упомянуть работу Аристотеля «Об истолковании». В античности наряду с термином «герменевтика», использовался термин «экзегеза» (от греч. *exegesis* – толкование), который относился к толкованию, объяснению неясных спорных мест в древних текстах, обычно религиозных.

В латинском языке за подобным явлением закрепился термин «интерпретация» (от лат. *interpretatio* – разъяснение), раскрывающийся в толковании, объяснении, разъяснении смысла, значения чего-либо. Интерпретация также означала творческое раскрытие образа или музыкального произведения исполнителем.

В раскрытии природы, т. е. осмысления, существенную роль сыграли представители немецкого романтизма. Последние видели свою главную задачу в анализе художественного творчества, в раскрытии

понимания автором своего произведения, мира его переживания, чувств. Другими словами, главная задача сводилась к пониманию, исходя из собственных умонастроений, мира чувств, переживаний автора.

Более того, преследовалась цель – понять автора лучше, чем он понимал свое произведение сам. Ибо гений творит бессознательно. Так, из писем Навалиса становится ясно, что «мы с миром составляем интегральные половины, и поэтому мы поймем мир, когда поймем самого себя» [8. С. 28].

О том, что в осмыслении явления обнаруживается место воли, можно судить по работам Х.Г. Гадамера, ученика, последователя М. Хайдеггера. Понимание затрагивает все стороны жизни человека, всех сторон его деятельности. Здесь понимание становится фундаментальной характеристикой человеческого бытия вообще. В работах Гадамера понимание начинает представляться не просто как метод, а как существенный момент универсальной философской доктрины, которой предстает герменевтика. Именно здесь начинают отчетливо обнаруживаться моменты, которые позволяют обнаружить в процессе осмысления, т. е. понимания, нечто третье. На наш взгляд, эта третья субстанция в процессе понимания есть воля. Понимание, по мысли Навалиса, осуществляется не только через разум, но и посредством всех духовных сил человека.

Для понимания необходимы предпосылки, которые делают этот процесс возможным и необходимым. Эти предпосылки формируют сами условия человеческого бытия, его место в разделении труда, места в иерархии власти, в механизме распределения общественных благ. Все это формирует определенную традицию, в которой пребывает человек, и которая предопределяет характер его осмысления. Беспредпосылочное понимание, как пишет по данному поводу Гадамер, есть «функция рационализма». Сознание схватывает сферу вторичную, когда оно уже предварительно оформилось, оно предопределено в направлении своего поиска истины и ее оправдания.

Если рассматривать понимание как осмысление предмета, исходя не только из познания самого предмета, т. е. из него самого, но и из признания противоречивого, противоположного отношения людей к предмету, т. е. признания того важного факта, что отношение одной социальной группы, одного индивида к предмету есть

часть целого, то следует признать, что эти отношения есть отражения абстрактные, односторонние. Они не выражают истину, скорее несут лишь момент истины. Истина есть осознание целого. Все иное есть ее моменты.

Здесь познание целого есть его знание как целостного, преодолевшего одностороннее и абстрактное отношение отдельных индивидов, групп, коллективов к предмету. Знание целого, когда целое познается через его части, а части осмысляются исходя из знания целого, следовательно, возможно только в том случае применительно к сложнейшему предмету – социально-экономическому бытию как индивидов, групп, так и общества в целом – когда мы признаем один следующий существенный момент. Противоположность членов социума порождает селективную направленность на конечный результат, каким бы его хотели видеть, что от него, т. е. целого, хотели бы ожидать, что это целое могло бы привнести в бытие индивида, группы, общества.

Если любая иная сторона «войдет в положение», предпримет усилие для понимания интересов другого, не отбросит интерес другого как малозначимый, то можно утверждать, что формируются условия становления целостности восприятия всего сообщества, обнаруживается «консенсус воле» сторон. Если будет выполнено последнее, то предмет исследования, прошедший через процесс понимания, осмысления целей, задач, мотивов, интересов отдельных частей, приобретает признаки знания его как некоторой целостности, т. е. тотальности как целокупности. Здесь отдельный член, звено, группа уже не рассматриваются другими только как средство, но и как средство и цель одновременно. Следовательно, индивид, группа как часть исчезает, начинает формироваться индивид, группа как орган. Механическое целое переходит в новое качество. Совокупность элементов часто приобретает черты, которые трансформируют его в целокупность.

Воля единичного не подавляется, она начинает приобретать значимость, ее интересы учитываются, становятся моментом всеобщего интереса.

Итогом этого процесса становится перерастание знания, индифферентного к субъекту, в смысл. Этот процесс не отбрасывает, не отрицает знание, он лишь привносит к знанию, т. е. осознанию

предмета, свое специфическое отношение к предмету. Процесс понимания, следовательно, есть процесс наполнения знания субъективным моментом заинтересованного отношения индивида, группы к предмету, в нашем случае к социально-экономическому бытию.

При подобном понимании, т. е. осмыслении явлений социально-экономической действительности, следует в то же время преодолевать две возможные крайности. Во-первых, наша концепция природы понимания отрицает, преодолевает психологизм. В этом случае осмысление сводится исключительно к процессам индивидуального сознания, способного отрываться от объективной реальности, и бесконтрольно со стороны разума конструировать субъективный образ. Во-вторых, следует преодолевать трансцендентализм, как это имело место в концепции Е.Н. Трубецкого, когда смысл представляется в качестве посюсторонней объективной идее, мирозначимому смыслу.

В последнем случае должно быть ясно, что бесконечность процесса познания обусловлена не только бесконечностью и неисчерпаемостью материальной действительности, но и неисчерпаемостью практической форм деятельности по освоению природного и социального мира. Следовательно, можно говорить о бесконечности форм заинтересованного отношения человека к познаваемому миру. «Природа, материальный мир, взятые сами по себе, вне социального субъекта – человеческого общества и его предметной преобразующей деятельности, – не могут быть источником знания... Теория познания не сводит отражение к простому механическому соответствию знания и действительности, она утверждает активный характер отражения, направленного и мотивируемого общественной практикой» [8. С. 47].

В этом плане интересны взгляды на роль практики. Последняя не может быть исключительным критерием истины с точки зрения гносеологии. Во-первых, потому что практика есть одновременно и критерий истины, во-вторых, есть «практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку». В-третьих, практика, чтобы претендовать на роль критерия истины, должна сама быть понята в своей истинности.

Последнее опять как бы вводит нас в герменевтический круг, сформулированный во времена патристики св. Августином: «Надо верить, чтобы понимать, и понимать, чтобы верить». В формулировке

В. Дельтея и Ф. Шлейермахера этот герменевтический круг принимает форму связи единого, т. е. понимания и объяснения. (Чтобы понять, надо объяснить, но чтобы объяснить, необходимо понять).

Применительно к предмету нашего исследования эта проблема понимания, т. е. осмысления, увязывается воедино в герменевтическом круге. Мы понимаем то, что мы желаем понять, а желать мы можем то, что понимаем.

Следовательно, противоречивость, неоднозначность, диалектичность процесса познания обнаруживаются в сложных, неоднозначно протекающих процессах самого отражения. Азбучность истины этого феномена в том, что знание есть познание объективных свойств, т. е. свойств, бытие которых не зависит от индивидуальных воле и индивидуальных сознаний. Здесь объект существует как онтологически целостный, т. е. как объективное целое. С другой стороны, субъективный теоретический образ, идея этого объекта, ставшая предметом индивидуального сознания, может формироваться только как результат влияния на интеллигенцию, но и как результат заинтересованного, направленного отражения объекта познающим субъектом. Объект может отражаться в индивидуальном сознании в той мере, в которой его ориентировала индивидуальная воля, в той мере, в которой объект соответствует целям, потребностям, значимости для индивида, в его практике. Всё это свидетельствует о социально-экономической значимости объекта как предмета осмысления для индивида, группы, общества в целом.

Последнее может свидетельствовать и в некоторой степени пояснить, почему прежде в СССР доминировала марксистско-ленинская теория познания, марксизм как учение, например, и не развивались иные теории? Ответ, как нам представляется, лежит в следующем. Именно марксизм-ленинизм в наибольшей степени отвечал потребностям правящей Коммунистической партии СССР. Именно это учение соответствовало ценностным ориентациям партии. Всё это придаёт познанию конкретно-исторический характер, где ключевое место отводится ценности, отражающей ориентиры, приоритеты в практической деятельности, который всегда является целенаправленной, целеполагающей деятельностью.

Вся человеческая жизнь есть процесс освоения, присвоения в процессе обмена человека с природой и другим человеком

условий, факторов своего собственного бытия. При этом орудия, предметы труда, являясь средством достижения главной цели – воспроизводство жизни – сами приобретают момент целеполагания. Человек ранжирует все факторы своего собственного воспроизводства в соответствии со шкалой ценностей. Но так как деятельность по собственному воспроизводству есть деятельность индивида, наделённого способностью не просто отражать действительность, но отражать её теоретически, т. е. в идеях, то знание становится таким же целеполагающим результатом, как и сами орудия, предметы производства. Следовательно, познание есть такой же процесс присвоения мира, в т. ч. социально-экономических форм бытия индивида, группы, общества в целом, как само производство орудий и предметов труда. Различие здесь только в сфере, где протекает это присвоение. Познание есть процесс теоретического духовного присвоения вырабатываемого мышления, знания. Следовательно, познание есть как процесс получения нового, усвоения старого, переработка прежнего, применительно к изменившимся социально-экономическим условиям бытия знания, так и его духовное присвоение. Суть последнего можно охарактеризовать как процесс становления, формирования предпосылок в духовной сфере для его собственного воспроизводства.

Но присвоение духовное, как и присвоение материальных условий собственного человеческого бытия, не может протекать вне постановки и ответа на вопрос – насколько значимо, ценно это присвоение. Поэтому человек смотрит на мир и на самого себя через сетку ценностной оценки мира. Следовательно, и сам мир отражается сознанием через луч направленности своих интересов.

Проблема исчезает, когда человек осознал свои интересы, познал ближайшее окружение с позиций ценностной шкалы. Однако проблема возникает каждый раз, когда человек не знает предмета, он лишь может осознать свои потребности, но мир для него остаётся непонятым. Человек познает его, исходя из некоторых предположений. Однако его поиск целенаправлен, заинтересован. Разум ещё не освоил, духовно не присвоил предмет вождений человека, и последний смотрит на мир через призму своего целеполагания. Направленность неосвоившего предмет разума может сформулировать не сам разум, ибо в его содержании этот предмет вначале есть чистое «ничто», которое потом только перерастает, по-Гегелю,

в «нечто». Эту направленность формирует воля, которая противоположна разуму, хотя в познании разум, освоивший предмет, осознает и волю. Тем самым происходит процесс отрицания воли разумом.

Выявление ценностных для индивида характеристик предмета и есть его осмысление. Если окружающая человека социально-экономическая действительность приобретает смысл для человека, то эта действительность становится понятной, хотя возможно и не принятой. Осмысление и понимание имеют место только в контексте целесообразной практической и духовной деятельности. Последняя обусловлена множеством, богатым многообразием прямых и опосредованных связей и целей. При этом каждая цель, средство как условие бытия индивида, приобретает, занимает особое место в шкале ценностей человека. Познание тем глубже, чем оно более широко охватывает эту паутину бесчисленных прямых и опосредованных связей. Тем самым одновременно индивид всё глубже проникает в сущность явлений, в большей степени реализуя цель – понять специфическую природу исследуемого социально-экономического явления.

Этот социально-экономический феномен тем самым приобретает значение и смысл для отдельной личности, социальной группы, общества в целом. Следовательно, сущность того или иного социально-экономического явления есть не просто индифферентное для индивида отражение глубинных свойств, характеристики явления. Сущность для нас это, прежде всего, дифференцированность, селективность отраженных социально-экономических характеристик, или дифференцированная сущность. Само по себе незаинтересованное, как бы независимое от вожделиний исследователя, отражение вещи, только потенциально несет в себе возможные ценностные характеристики. Не случайно, что под ценностью вещи понималось это единство самой вещи и ее смысла, т. е. значение для индивида. Так, К. Маркс при анализе товара и стоимости различал собственно ценностную вещь (*die Wertding*), ценностную предметность (*die Wertgegenstandlichkeit* – как конкретное деятельностное состояние вещи, в т. ч. ее функциональное предназначение) и саму ценность, которую не совсем правильно и оправданно впоследствии стали именовать стоимостью (*das Wert* – как проявление ценностной предметности) [40. С. 50]. Последнее есть уже собственно не вещь,

а сущность этих сложных общественно-экономических отношений, которые сложились между людьми в процессе воспроизводства товаров. Товар есть не просто вещь, но и носитель ценностей, т. е. воплощение, опредмечивание производственных общественных отношений. Все сказанное можно отнести и к конкретным материальным формам, являющимся сгустком, материализацией производственных отношений, например, к деньгам. Деньги есть вещь, деньги есть носитель ценностей, деньги воплощают определенный смысл. И без последнего вообще становится невозможно понять ни характера производства, ни его целей.

Целое всей системы социально-экономического бытия определяет, в конечном счете, сущность конкретных исторических форм, конкретной формулировки проблемы, их внутреннюю мотивацию, интерпретацию поведения. Именно осмысление целого предопределяет формы, результаты осмысления конкретных шагов в социально-экономических феноменах на местах, в отраслях, на предприятиях, хозяйствах, наконец. Другими словами, понятие смысла целого есть шаг, предпосылка к пониманию смысла частных в социально-экономическом обустройстве общества.

Внутренне присутствие воли в структуре смысла позволяет утверждать, как философствует по этому подходу А. Шопенгауэр, примат воли над разумом, иррационального над рациональным. Разум, каких бы ступеней совершенства ни достиг, дает лишь внешнее знание о мире, он не может постигнуть его изнутри. Это способна сделать только воля, через которую индивид связан с космической первоосновой мира. Не воля подчиняется разуму, а разум – воле.

А. Шопенгауэр разводит понятия «самосознание» и «сознание» как сознание других вещей, или познавательную способность. Самосознание есть сознание собственного «я», т. е. оно противоположно сознанию. Сознание, направленное во вне, служит ареной для реального внешнего мира, сознание как бы перемальывает добытые им же, т. е. сознанием, данные, перерабатывает их в понятия, что и составляет содержание процесса мышления.

Самосознанием, следовательно, будет только то, что останется за вычетом собственно сознания иного. Сущностная доля самосознания, как форма непосредственного осознания собственного «я», есть нечто «волящее».

Отец церкви Августин по этому поводу пишет об «аффектах» души (*affectionibus animi*), замечая, что именно в аффектах души прибывает воля. Более того, все формы аффекта души есть ничто иное, как побуждение воли, ибо чем могут быть вожеление и радость, как не волей одобрять то, что мы хотим? И чем могут быть страх и печаль как не волей не одобрять того, что мы не хотим? [38. С. 52]

Самосознание исключительно занято волей «когда человек хочет», он всегда хочет чего-нибудь: его волевой акт неизменно направлен на какой-либо предмет и может быть мыслим по отношению к какому-нибудь такому предмету. Что же значит «хотеть чего-нибудь»? Это значит: волевой акт, сам представляющий собою, прежде всего лишь предмет самосознания, возникает по поводу чего-либо, принадлежащего сознанию других вещей, т. е. являющегося объектом познавательной способности, объектом, который в этом качестве носит название мотива и в то же время даёт содержание для волевого акта; последний на него направлен, т. е. имеет целью какое-либо изменение, следовательно, реагирует на него, в такой реакции и заключается вся сущность этого акта. Уже отсюда ясно, что он не может наступить без какого-либо подобного мотива, так как, в противном случае, ему не доставало бы как повода, так и содержания» [38. С. 54]. Воля предстает как внутренняя движущая сила самосознания, отдельное проявление которого есть мотивы. Разум, как и вообще познавательная способность, представляет собой нечто вторичное, принадлежащее явлению, даже прямо обусловленное организмом.

Подлинное же зерно, единственное метафизическое и потому неразрушимое в человеке, есть его воля. Познание же и воля нераздельны, связаны и спаяны неразрывными единствами. Правда, если абсолютное большинство философов считало и считает, что воля, обусловленная познанием, являлась основой духовной сущности, то некоторые, и среди них ярко выделяются своей категоричностью суждений об обратном (А. Шопенгауэр), считали обратное. Воля полностью отделена от познания. В его учении «вечное и нерушимое в человеке, которое составляет его неизменное начало, – не душа, а ... радикал души, и это есть воля... Воля первична, она *prius* (первое) организма, и организм обусловлен ею.

...Воля есть та сущность в себе, которая только в представлении (простой функции мозга) предстает как органическое тело; посредством форм познания (или функций мозга), ... тело дано каждому как протяженное, расчлененное, органическое, а вне этих форм непосредственно в самосознании [37. С. 29]/

Воля у А. Шопенгауэра полагается как «вещь в себе», как нечто совершенно первичное. Ее объективация, простая зримость, есть тело, познание же есть простая функция организма. Когда волю освещает познание, то она становится произволом. Движущими причинами воли здесь выступают мотивы, т. е. представления. Другими словами, мотив определен как внешнее раздражение, под воздействием которого в мозгу возникает образ, и при его посредстве воля совершает действие, например, формируется понятие. Истинная сущность человека не только в сознании, но и в воле. Воля «не связана с сознанием, а относится к сознанию, т. е. познанию, как субстанция к акциденции, как освященное к свету, как струна к резонатору, и проникает в сознание изнутри, как физический мир проникает в него извне» [37. С. 267]. Воля по существу, следовательно, не повинуетя инстинкту, последний многое предлагает воле, однако она выбирает то, что соответствует ее сущности, в нашем случае самой специфической природе человека, группы, общества, определяясь при этом с необходимостью.

У А. Шопенгауэра ключевое понятие в соотношении воли и познания, и в чем мы не можем ни соглашаться, ни принять это положение в дальнейшем построении системы аргументации, заключается в том, что воля и интеллект разведены по разным сферам. Правда, эта связь все-таки А. Шопенгауэром устанавливается, когда он рассуждает о взаимосвязи воли и интеллекта. Существенное в расхождении наших позиций отмечается в том, что у А. Шопенгауэра невозможна принципиально этика, которая формировала бы волю. Ибо каждое учение действует только на познание, а оно никогда не определяет саму волю или основной характер воления. Учение определяет лишь его применение к предлежащим обстоятельствам. Регулирующее познание может модифицировать деятельность лишь тем образом, что более точно, тщательно определяет доступные выбору воли объекты и позволяет более правильно судить о них. Другими словами, воля в состоянии по своей природе более правильно

оценивать своё отношение к вещам, определять, что она хочет, следовательно, меньше ошибаться при выборе средств, методов благодаря познанию. Однако над самой волей, над процессом воления, над его главной направленностью и главной максимой интеллект власти не имеет. Как образно по этому поводу выражается А. Шопенгауэр, полагая, что познание действительным и коренным образом определяет волю, равносильно утверждению, будто фонарь, которым человек освещает путь ночью, есть *primum* его шагов. Человек может обнаруживать свои недостатки, вредные привычки и пагубность их последствий для организма. Наступает пора раскаиваний, сожалений, увещеваний. Однако со временем этот недостаток опять может проявиться и несколько раз с различной периодичностью. Пережив эти циклы, человек понимает, что он не может исправиться, что этот порок, недостаток в его собственной природе и личности, более того, он образует с этим пороком нечто единое и нераздельное. Теоретическое или обыденное осмысление этой противоречивой ситуации, как способности осознать, становится явно недостаточным для того, чтобы деформировать волю. Воля выказывает себя как более сильное, неодолимое, неизменное, первичное и одновременно более существенное. Интеллект становится как бы зрителем чужих деяний, который он сопровождает бессильным одобрением или порицанием.

Если бы воление происходило бы только из познания, то гнев человека должен был бы соответствовать в каждом данном случае его поводу, или, по крайней мере, его пониманию, ибо он должен быть ничем иным, как результатом познания. Однако этого как раз и не наблюдается.

Интеллект как простое орудие воли так же отличается от нее, как молот от кузнеца. Пока в беседе действует только интеллект, она остается холодной. Создается даже впечатление, что человек как бы и не участвует в беседе. Он не может скомпрометировать себя, разве что, обнаружив недостаток знания. Только когда вступает воля, спор становится жарким. Последнее приписывают воле, т. е. жаркость спора, оживление, бурный характер его протекания, о рассудке же говорят, что он холодный. Подвергнуться холодному теоретизированию, значит мыслить без влияния воли.

Поэтому нет ничего досаднее, чем убедить человека в ходе спора посредством доводов и объяснений, полагая, что мы имеем

дело только с его рассудком. В конце концов, мы удостоверяемся в том, что он не хочет, не желает, не имеет смысла, интереса понимать. Здесь мы имеем дело не с его рассудком и его интеллектом, а с его волей. Его рассудок не воспринимает истину, более того, намеренно выдвигает свое непонимание. Подступиться к человеку в этих условиях становится невозможным, ибо все доводы, аргументы, доказательства направлены против его воли. Поэтому тщетно ждать признания важнейших истин от тех, кто заинтересован в том, чтобы они не утвердились. Неважно почему, потому ли, что они противоречат тому, чему учила и учит профессура, или тому, что этими истинами будет недозволено воспользоваться, либо потому, что выводы, последствия, практические действия других будут направлены против его интересов. Следовательно, тот, кто ждет от оппонентов признания своих идей, окажется обманутым. Более того, в течение определенного времени он даже не поймет, почему оппоненты так себя ведут, пока не придет к мнению, что, когда он обращался к рассудку, к познанию, он, тем не менее, имел дело с волей. Как пишет по этому поводу А. Шопенгауэр, человек прибывал в этом положении подобно подсудному в суде, все члены которого подкуплены [37. С. 286–289].

При всей фундаментальной важности привнесение в процессе познания момента воли А. Шопенгауэр, как нам представляется, через 150 лет после выхода его главного философского произведения «Мир как воля и представление» предельно упростил проблему формирования понятия. Вряд ли можно серьезно говорить о предопределенности в отношениях воли и интеллекта. На уровне сущности нет, и не могут возникать отношения детерминации, как не могут возникать какие-то предопределяющие отношения между двумя принципиально различающимися сферами бытия представления у А. Шопенгауэра, или явления, и сущности. Явление есть не явление чего-либо, т. е. какого-либо иного явления, или феномена. Сами явления не являются. Явление есть явление сущности. И здесь нет и не может быть предопределенности внутри явления и сущности, а есть явления самой сущности. Этот же довод направлен и против второго фундаментального положения теории А. Шопенгауэра, а именно, первоосновы, как порождающей все и вся, включающей все свои бесчисленные модусы, или акциденции. Эта та надуманность

теоретизирования, которой грешит А. Шопенгауэр, и по поводу которой он обрушивает свой гнев против схоластов, помещая в первые ряды такие великие, глубокие по своей пронизательности умы, как, например, Г.В.Ф. Гегель. Объявляя волю как «вещь-в-себе», по аналогии с И. Кантом, А Шопенгауэром, по сути, закрывает за собой дверь этой кантовской невозможности познавать *Sache-in-sich*, ибо перед исследователем есть воля как «вещь-в-себе», но не непосредственно, а лишь в форме ее явления. Однако, разделяя самым существенным образом в теории познания явление вещи и саму вещь, ее сущность, А. Шопенгауэр самым существенным образом ограничил возможности для своих оппонентов, оставляя для всего остального мира веру в его откровение.

Как нам и представляется, проблема смысла социально-экономических явлений более глубокая и неоднозначно воспринимаемая. Во-первых, мы исходим из предпосылок, что воля не может раствориться в природе. Она оставляет свой след в жизни общества, природы лишь постольку, поскольку этот след оставили сознательно действующие в исторически определенные периоды времени люди. Последние действительно воплощали волю в себе, действуя как люди, как индивиды, группы, социальные сообщества, народы, наконец, члены которых наделены сознанием и волей. Скорее, можно допустить, что след в истории в большей степени оставили люди не осознавшие до конца своих действий, поступков, не схватившие истину исторически определенного бытия. Однако то, что были люди, индивиды, наделенные волей, носители воли, это положение вряд ли может быть опровергнуто.

Воля и сознание не разделены, как полагает А. Шопенгауэр, а целостны. У воли и сознания общий дом – «индивидуальное совместное бытие» – мозг.

Наличие воли есть наличие способности осуществлять, в т. ч. в процессе мышления, действия, направленные на самознание своего «я», своего места в системе отношений «Я к иному», «Я к объекту», который является объектом воледеланий «Я», его хотения, его потребностей, его интересов. Осуществление воли, ее явление вовне есть проявление потребностей «его» как поведение, определяемое мыслью о своем собственном воспроизводстве, о своей собственной жизни. Эта тенденция не может получать ту или

иную оценочную характеристику. Здесь неуместны различного рода модальные, аксиологические, например, суждения.

Следует в познании видеть сложный процесс, который в своей собственной внутренней природе несет диалектическое противоречие. Познание есть приобретение знания о другом. Знание есть осознание природы бытия другого, мира, потустороннего «я».

Однако это познание, приобретая в сознании бытия другого, «не-я», есть лишь одна сторона, точнее диалектический момент, познания вообще. Это познание «не-я» всегда осуществляется с позиций ценности, значимости, полезности для индивида. Это отношение «я» к самому себе и есть воля, как некоторая дифференцированная сущность познания вообще, как некоторой ценности. Это отношение «я» к самому себе не есть то отношение, которое Г.В.Ф. Гегель определяет как саморефлексию, или мышление, направленные на само мышление. То, о чем идет речь у Гегеля, это сфера гносеологии, теории познания. То, что есть проявление отношения «я» к «не-я» опосредованное отношением «я» к самому себе есть этика.

Действительно, познание не может войти внутрь себя самой, если внутри есть сфера принципиально иной природы. Познание «не-я», исходя из природы ценностей для «я», есть процесс уже не просто познания, а процесс его понимания. Если в процессе познания формируется знание, как осознанное бытие вещи в сознании, то процесс понимания оформляет понятие смысла. Следовательно, смысл – более объемное понятие, включающее в себя как знание иного, так и осознание отношения «я» к объекту. Последнее позволяет осуществлять селекцию в отношении метода, форм познания, привлечение фактов в качестве аргументов и способности вообще принимать данные в качестве либо исходных посылок, либо итогов мышления.

Воля, будучи в самосознании, причем совсем не обязательно как познанная, т. е. остающаяся как «вещь-в-себе», как сущность, как основная детерминанта нашего поведения, таким образом, формирует направленность нашего познания через систему ценностей самого процесса познания.

Будучи моментом в познавательной деятельности и формируя понятия, суждения, воля всегда остается как бы на заднем плане, дирижируя всем оркестром инструментов, методов и приемов познания.

Ее роль в этом диалектически противоречивом процессе познания–отношения негативна, с точки зрения отрицания, с другой стороны, воля как самосознание или, наконец, усвоение на веру ценностного отношения «я» к объекту познания, который всегда есть предмет вожделения самой воли, осуществляет свою ведущую роль. На поверхности социально-экономического бытия это проявляется в предельно простой форме – мы видим, познаем, то и тогда, что и когда мы желаем, когда и в отношении чего заявляют о себе наши желания, вожделения. Еще ничего не понимая в действительности, нас туда направляет наша воля, смутно угадывающаяся сквозь призму личных, корпоративных и иных потребностей и интересов. Следовательно, знание о предмете, *во-первых*, может генерироваться отдельными индивидами только как абстрактное знание о целостной социально-экономической действительности.

Во-вторых, если исследователь стремится к некоторому целостному теоретическому образу, целостной идее социально-экономической действительности, то результат может быть получен как в большей степени удовлетворяющий принципам целостности, если он является результатом теоретического отражения предмета индивидами различных социальных слоев, представителями различных экономических страт в едином процессе присвоения, распределения и, наконец, воспроизводства условий собственной человеческой жизни.

В-третьих, никогда нельзя дать целостный теоретический образ социально-экономической действительности. Это всегда будет модель действительности, отмеченная односторонностью. Однако принцип целостности позволяет наиболее точно, с учетом большинства охватить в сознании объект социально-экономической жизни, учитывая, а не игнорируя интересы, потребности избирательного отношения индивида к объекту, а, следовательно, и к предмету познания.

В-четвертых, познание объекта с позиции его ценностных характеристик формирует смысл для познающего. В этом процессе формирования смысла ведущая роль отводится воли в ее внешнем проявлении и осуществлении, например, в интересах, мотивах.

□
□ □
□
□

Особенности методологических оснований исследования экономических систем: западный и российский опыт

Общеизвестно, что национальная экономика как теория есть систематизированное изложение объективной экономической действительности на основе раскрытия экономических законов производства, распределения обмена и потребления экономических благ в границах единого социального, относительно однородного экономического сообщества как целого. В качестве последнего в этом специфическом объекте теоретического исследования выступает нация, народ, обладающий политическим суверенитетом. Из этого совсем не следует, что экономическая жизнь социально-экономического сообщества должна рассматриваться как изолированное от мирового экономического сообщества образование.

Методологически национальная экономика как объект теоретического исследования рассматривается в единстве и взаимосвязи с такими своими атрибутами, как национальная территория, национальные ресурсы, рабочая сила, государственное устройство, традиции, институты экономического и внеэкономического воздействия на экономику, в том числе и со стороны мирового экономического сообщества. Следовательно, национальная экономика может рассматриваться в упрощенных моделях как некоторое замкнутое образование, либо как открытая система. В последнем случае национальная экономика должна рассматривать не только социально-экономические процессы развития национального сообщества под воздействием как внешних, так и внутренних факторов, но и процессы естественного развития самого сообщества, его главного элемента – человека

во взаимосвязи с естественной природной средой как неразложимое целое.

Производство благ, их распределение, обмен и потребление всегда традиционно оставались предметом экономического исследования в различных экономических теориях. И эти действия исторически человек копировал с естественных процессов. При этом индивид воспроизводит не только сами блага, но и ресурсы для производства потребляемых благ, ибо как первые, так и вторые ограничены. Тем самым эти блага приобретают экономическую ценность, стоимость, которая в координатах рыночной экономики получает свое косвенное, опосредованное в деньгах выражение, т. е. в цене.

В координатах же национальной экономики значительное место отводится уже перераспределительным процессам в границах государства, обеспечивая тем самым жизнеспособность нации, государства. Таким образом, можно концептуально выразить экономическое бытие нации в некоторых принципах, которые отражают как индивидуальные ценности его граждан, так и системные ценности всего социально-экономического сообщества. Таким образом можно выделить некоторые основания, которые будут выполнять самую существенную роль в построении таких моделей национальных экономик, которые могли бы претендовать на адекватное, т. е. истинное отражение социально-экономического бытия народа. К ним можно отнести следующие.

Национальная экономика эволюционирует, развивается и самоорганизуется как любая органическая система. Однако этот процесс развития не следует понимать как некоторый детерминированный процесс, predetermined историческим наследием прошлого и однозначным видением на основе осмысления настоящего ясных перспектив будущего.

Для национальной экономики уже в меньшей степени характерен принцип невидимой руки в распределении и обмене благами и ресурсами, здесь в большей степени осуществляется концепция планомерности развития нации как целого.

Нация способна вырабатывать и ставить перед собой стратегические цели экономического развития, осуществляя перераспределительные процессы во все возрастающих размерах.

В границах национальной экономики человек может рассматриваться исключительно не только как средство производства, как главная производительная сила, но и как цель развития самой нации. Из этого принципа неизбежно следует вывод, что понятия «эффективность», «производительность» наполняются иным, более богатым содержанием. В диалектическом противоречивом единстве – человек есть средство и человек есть высшая цель и одновременно средство – активная, отрицающая роль в разрешении этого противоречия отводится последнему. Экономическая теория в состоянии сформировать предпосылки разрешения данного противоречия в пользу человека как высшей ценности и одновременно как собственного средства своего расширенного воспроизводства. Как нам представляется, только в координатах национальной экономики как целого может утвердиться и концепция бизнеса в той форме, в которой ее сформулировал П. Самуэльсон: *Любовь не в смысле греческого понимания eros, а в смысле agape, заботы о других человеческих существах, вот что, в конце концов, можно считать хорошим бизнесом и хорошей экономикой.*

Экономические отношения, которые складываются в государстве, оказывают исключительно важное значение на все стороны общественной жизни общества: политику, идеологию, культуру, сознание и т. д.

Экономическими субъектами в границах национальной экономики будут домашние хозяйства, являющиеся собственниками факторов производства и предоставляющие последние бизнесу, сам бизнес в форме комплексов, отраслей, предприятий, организаций различных форм собственности, наконец, лиц, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность, связанных вместе посредством рынка, государство с его институтами власти и управления, а также социальные институты: профсоюзы, общественные организации, политические партии, формирующие социально-экономическую политику. Попытка исключить их из экономического анализа не может сформировать целостный теоретический образ национальной экономики, раскрыть её имманентные сущностные формы саморазвития и функционирования, следовательно, этот недостаток следует трактовать как методологический изъян. Национальная экономика представляется как органическое целое,

а не как некоторая механическая совокупность взаимодействующих экономических агентов разного уровня. Наконец, национальная экономика как наука имеет и свои специфические особенности в методе исследования, что составляет предмет методологии. Научность методов познания экономических процессов, которые имеют место в национальной экономике, достигается применением общенаучных методов и специфических методов национальной экономики как частной науки. В результате научного исследования экономисты получают некоторую модель национальной экономики. Последняя есть предельно упрощенное представление экономической действительности в понятиях, категориях, схемах, графиках, таблицах, формулах, наконец, в тексте. Это упрощение достигается за счет абстрагирования от несущественного, случайного, что имеет место в исследовании. В качестве исходных, отправных положений исследователи выдвигают некоторые постулаты, например, экономические агенты ведут себя рационально, стремятся достичь своих целей – получить максимум прибыли, обладают всей полнотой информации, в состоянии принять единственно правильное рациональное решение на основе анализа полезности продукта, его ранжирования на шкале потребностей, и т. д. Это дает основание характеризовать данные модели как оптимизационные и позволяет определить, при каких значениях экзогенных переменных целевая функция принимает экстремальное значение. Чтобы получить данный результат, вся система национальной экономики должна стремиться к состоянию устойчивого равновесия, быть статичной, детерминируемой, прогнозируемой, т. е. рациональной. В итоге в западной экономической школе оформился своеобразный экономический *мейнстрим*, когда приоритеты экономии, рациональности, оптимизации в освоении ресурсов начинают доминировать над этикой, эстетикой.

Однако данный подход в теории начинает все в большей степени давать сбои, в результате чего в науке может сформироваться осознание необходимости нового понимания истинности модели, в т. ч. и применительно к предмету национальной экономики. Этот образ истины постигался в синтезе рационального, этического и эстетического.

Данное направление имеет свои истоки и традиции в России. Вообще античную концепцию познания можно понимать не только

как направление «познай самого себя», но и как «заботиться о самом себе», что древние греки обозначали как *epimelia*.

Русское православие предлагало такую возможность в опыте христианского исихазма как некоторого пути, восхождения человека к Божественной истине. Этот путь одновременно можно понимать как соучастие, содействие, или с греческого, *синергия*. Это соучастие, сотрудничество человека с Богом должно способствовать истинному пониманию человека в мире его собственного бытия. Такое понимание истины пыталась возродить в свое время русская религиозная философия. В итоге смысл истинности теоретических моделей был обогащен моментами, которые сущностно достраивали эту модель до некоторого целостного образа.

Есть основания для суждения о том, что с Аристотеля начинает утверждаться направление в методологии, суть которого можно выразить в претензии на истинность модель, когда она безупречна с точки зрения рациональности, т. е. логична, соответствует нормам и правилам формально-логического мышления. Фраза Аристотеля о том, что *Платон друг, но истина дороже*, как нам представляется, подвела некоторый итог этому направлению в методологии науки. Хотя Платон не сводил истину исключительно к рациональности, его мысль была более глубокая. В своих диалогах, ссылаясь при этом на Сократа, Платон полагал, что это есть момент истины, а в своей более законченной, завершенной форме истинная модель включает в себя эстетику и этику.

Однако после Аристотеля проблема метода сводилась в основном к логичности, строгости и безупречности суждений, чтобы они не нарушали обоснованные им три закона в современной формальной логике.

Развитие западной ветви в теории познания в лице древних диалектиков-схоластов, немецкой классической философии привело, в конечном счете к тому, что все эти добавки к целостному образу истины (этика, эстетика) были отброшены как несущественные. Все мыслительное пространство было заполнено разумом, рассудком, дающим возможность сформировать логически корректный, эмпирически аргументированный теоретический образ истины. В итоге рациональность в поведении экономических субъектов с необходимостью вела к эффективности. Но всегда ли все,

что признавалось эффективным, например, прибыльным, несло в себе признаки блага обществу, его агентам? И всегда ли эффективный проект нес в себе признаки красоты? Как показывает практика, эффективность моделей присвоения богатства в России в новейшую историю скорее отличает аморальность поведения экономических агентов и государственных деятелей, а эффективное освоение лесных ресурсов в России явило утрату красоты природного ландшафта и самой среды жизнеобитания населения.

Следовательно, уже метод познания не может довольствоваться только знанием, как осознанным бытием. Необходимо понимать смысл и смысл смыслов происходящего в национальной экономике и обществе в целом. Для этого необходимо не только первоначально познать самого себя, но и заботиться о самом себе.

Познание выступает как двусторонний процесс. Человек постигает истину, но одновременно этот процесс предъявляет и свои требования к самому исследователю, действующему агенту, заставляя его меняться и переоценивать свое отношение к объекту, процессу присвоения, наконец, к самому человеку. Из метода исследования следует убрать безапелляционные суждения и утверждения, а также взаимоисключающие суждения. В методе необходимо принять положение, что истина всегда есть истина данной ситуации, что дает основания осторожно относиться к рекомендациям иностранных экономических экспертов, которые они предлагают в России. Любой исследователь либо находится вне исследуемой системы, либо внутри неё. В первом случае он абсолютный наблюдатель, его знание, предлагаемые модели не соприкасаются с особенностями российского грунта. В итоге его рекомендации и модели скорее приводят к ошибкам. Во втором случае, когда исследователь находится внутри системы, впитал особенности российского грунта, он не только познает экономические процессы, но и соотносит результаты с собой, что дает ему основания к изменению, более критическому восприятию не только самих теоретических моделей, которые обрушились на российских экономистов, преподавателей, студентов, но и методологических подходов к исследованию. Российская особенность моделирования экономических процессов может и должна освоить исторически более богатое содержание, а не слепо заимствовать как чужие модели, так и сами методы исследования.

Сейчас находит свое отражение в научной литературе положение о том, что познавательный аппарат человека устроен отнюдь не только в целях рационального познания. Мир, который окружает нас, мир, который есть некоторое фихтевское *Я*, наконец, истолковывают влечения человека. Эти влечения приобретают статус целеполагания, формируют надежды, способствуют развитию теории в этом желаемом для исследователя направлении, которые он считает перспективным, плодотворным, рациональным. Становится в этом логическом ключе понятной мысль Ф. Ницше о том, что мир не имеет какого-нибудь одного смысла, он имеет бесчисленные, зачастую противоположные толкования и смыслы.

Если сейчас попытаться найти некое разумное основание для объяснения российской реальности начала третьего тысячелетия, то мы можем констатировать неэффективность функционирования экономики. Выйдя весьма потрепанной из одного финансового кризиса, Россия погружается в очередной. Снижается жизненный уровень населения, утрачивается социальная защищенность основной массы населения. Однако для некоторых весьма состоятельных олигархов оценка эффективности их бизнеса может быть дана как высокая. Реализуемые по их сценарию модели управления российской экономикой следует признать как высоко эффективные. Растет капитализация бизнеса, растут активы, размещенные за рубежом. Более того, даже кризис не стал особым препятствием для реализации их моделей приращения богатства.

Однако, если выйти за границы этой специфической группы олигархов и посмотреть на российскую экономику как некоторое целое, то нельзя не заметить, что периодически накатывающие волны финансово-банковских кризисов свидетельствовали о неэффективности экономической политики реформаторов-олигархов. Форма разрешения этих кризисов усматривалась в поиске дополнительных финансовых ресурсов, которые были бы в состоянии разрешить эти противоречия. На внутреннем денежном рынке шаг за шагом создавалась государственная финансовая пирамида, операции на открытом рынке по привлечению финансовых ресурсов стали постепенно превращаться не только в форму, посредством которой государство получало цивилизованную возможность осуществлять посредством Центрального банка денежно-кредитную политику,

но и форму перераспределения ресурсов в интересах, далеких от национальной экономики. Имелось достаточно оснований для Бориса Немцова охарактеризовать их как междусобойчик и потребовать прекращения практики разворовывания бюджетных средств опять же в самой что ни на есть беловоротничковой форме. Бюрократия, превратив государство в свою частную собственность, по-Марксу, реализовывала свою частную государственную политику.

И если сравнить эффективность использования финансовых ресурсов для целей реорганизации национальной экономики в условиях их недостаточности, то можно отметить резко существенную разницу. Собственный капитал корпораций всегда оказывался более эффективным по сравнению с отечественными государственными финансовыми ресурсами. В этом отношении форма собственности на финансовые ресурсы оставалась определяющей. Собственник в сфере корпоративных финансов оставлял, сохранял за собой право и возможность оперативного контроля за эффективностью его использования. Реализация же собственности на заемные финансовые ресурсы наталкивалась на проблемы уже при их распоряжении. Собственник сохранял за собой право собственности, однако право временного распоряжения, временного пользования этими денежными ресурсами передавалось другим, в т. ч. исполнительным органам федерального центра. Собственник уже как бы расщепился, раздвоился на собственника, сохраняющего свое право формально, и собственника, реально осуществляющего отношения распоряжения и пользования заемными ресурсами заемщика, носителя реальной финансовой власти. Этот процесс расщепления носителей отношений собственности не мог не привести и к переоценке ценностей на заемные финансовые ресурсы. Их ценность по мере удаления от собственника-владельца начинает падать. Последнее становится причиной их неэффективного использования. Результат этого процесса многократно усиливается в период утраты государством своих функций, потерей управляемости, частыми сменами кабинетов министров, провалов в нормативно-правовой базе, и т. д.

Речь, конечно же, не идет об отрицании возможности привлекать финансовые ресурсы государством у иностранных источников. Мы высказываем идею, что механизм заимствования финансовых ресурсов у иностранных институциональных инвесторов нуждается

в более тщательном изучении и анализе под призмой их эффективности. В противном случае мы можем поставить вопрос: почему кредиты Международного валютного фонда и подобных ему международных финансово-кредитных институтов привели к росту мировой задолженности? Вряд ли может удовлетворить россиян признание эксперта Дж. Сакса, что воплощаемые им на практике рекомендации МВФ по реструктуризации экономики не прошли испытания. Как тогда отнестись к такому факту, что уже в кабинетах исполнительной власти федерального центра с рецептами, экспертными заключениями стоят другие американские экономисты? Вопрос обостряется уже потому, что их выводы повторяют рецепты эксперта МВФ Дж. Сакса с точностью до наоборот. Для россиян этот вопрос архиважно, ибо неправильное следование рекомендациям МВФ уже приводило ранее к потере финансовой независимости России. Громадных размеров внешний государственный долг в середине 1990-х годов привел к утрате самостоятельности в осуществлении экономической политики вообще. Тогда на каждого россиянина от младенца до старика приходился внешний долг примерно в тысячу долларов, в то время как размеры собственности у других членов, непосредственно осуществляющих свою власть в сфере финансов, измерялись миллионами долларов.

Приведенная ранее мысль К. Маркса о национальной бюрократии может быть усилена дополнением, что эта мировая финансовая бюрократия в современных условиях уже превращает в свою частную собственность все сообщество государств. И это становится возможным в результате утраты собственником кредитных ресурсов реальной власти в отношениях кредита, а у заемщика не формируются ценностные параметры к чужим заемным ресурсам. Следовательно, вопрос об эффективности привлечения заемного капитала следует рассматривать во взаимосвязи осуществления дополнительного контроля, ответственности органов государственной исполнительной власти за его использованием.

Второй наш аргумент в пользу более низкой эффективности использования заемного капитала сводится к следующему. Для финансовой системы, как и для любого системного образования характерен синергетический эффект. Финансовые ресурсы могут представляться и как некоторое суммативное образование, и как целостное

образование. Во втором случае эффект частей есть нечто отличное от эффекта целого. Однако присутствие в структуре капитала как собственного, так и заемного с разной степенью оценочного отношения субъекта финансовой власти к отдельным составным частям снижает общий синергетический эффект финансов.

И, наконец, третья проблема лежит в сфере познания самих экономических явлений и их оценки субъектом познания. Это наглядно просматривается уже на диаметрально противоположных оценках видных экономистов одного и того же экономического явления. При этом мы далеки от мысли, что эта проблема есть проблема только экономического невежества исследователя экономиста. Проблема нам видится в способности в принципе сформулировать научный образ этой экономической целостности, т. е. сформировать целостный научный образ экономического объекта.

Проблема целостности познания экономических явлений определенным образом связывается с оценкой последствий принятия экономических решений, насколько экономист-исследователь способен сохранять беспристрастность в выборе метода исследования, если он заранее предопределяет результаты своих выводов. Уже в вопросе Сократа о том, насколько человек, поступающий несправедливо, действует добровольно, обнаруживаются первые проблески проблемы формирования истинного знания. Способен ли экономист-исследователь, предмет которого имущественные интересы, быть свободным вообще, либо быть свободным в какой-то мере? Экономист не есть воплощение или олицетворение какого-то мирового духа, объективного и блуждающего вне субъективного мира индивида, равнодушного ко всему тому, над чем бьется мятежная душа исследователя. Вопрос, поставленный Сократом, получил свое выражение в работах И. Канта. Его «вещь-в-себе», как нам представляется, становится недоступной в том числе в силу специфики предмета экономики, его опыта, наконец этой сетки интереса, через которую исследователь смотрит на объективный мир-экономики. Эта сетка – экономический интерес – есть форма его сопричастности к предмету научного познания. В итоге, мир-экономика предстает в том виде, в котором его желает увидеть сам исследователь. Результат же научного исследования причитывается другими аналогично, т. е. так, как его хотят видеть, исходя уже из своего места в общественном

разделения труда, его места в распределительном процессе общественного богатства.

Изложенное нами положение не следует считать, однако, как некую крайность, абсолютную форму отрицания возможности отразить мир научно и адекватно. Мы только хотели бы подчеркнуть, по крайней мере, две вещи. Истина не может являться одному исследователю, ибо его выводы будут отягощены уже своим собственным отношением к предмету Целостное, а следовательно, адекватное научное отражение в теории может дать исследование многих, принадлежащим к различным слоям, партиям, классам. Каждый из исследователей выхватывает в своем сформированном научном образе одну из сторон целостного образа экономического явления. Это абстрактный научный образ самого исследователя, а следовательно, его осознание всего мира присвоения индивидом своей сущности. Другими словами, этот образ есть одновременно результат преследования в процессе присвоения и познания своих целей.

Образ целостности, безусловно, может нести момент истины, но только момент, а не саму истину. Последняя может, как нам представляется, быть исключительно целостностью. Следовательно научная истина остается для исследователя не некоторой данностью, а процессом последовательного приближения к ней многих, по крайней мере некоторых исследователей.

Следует еще раз вернуться к вопросу о роли и месте рационального, сознательного и бессознательного, лежащего как бы за разумом. Последнее предопределяет, иницирует блуждание разума. Это есть воля, а следовательно и все, что связано со свободой. Разум не свободен, хотя так думают практически все. И мы в этом тезисе открываемся под удары всей научной школы рационалистов. Разум следует вслед за волей. Он однозначно предопределяет все логичные ходы и обоснования в аргументации. Мышление не свободно. Оно детерминировано самим волей. Воля же ломает стереотипы логичного в науке. Рассудок еще в большей степени, чем разум отягощен осознанием прошлого, предрассудками и интересами настоящего, последствиями будущего. Он цепенеет от нелогичности, отходом от проторенных в науке троп, научных школ, казалось бы, выверенных научной практикой методов научного познания.

Рассудок желает свободы в научном исследовании, более того, может показаться, что разум, как и рассудок свободен. Однако это кажущаяся свобода. Разум только подходит к пониманию, что все-таки есть какая-то трудно улавливаемая грань, перешагивая которую, разум отказывает себе в праве больше именоваться разумом.

Воля же в познании свободна по своему определению. Она противоположна по своей роли в познании теперь уже разуму. Хотя по мере накопления знания, формирования целостного образа истины экономического объекта, разум уже сам ограничивает свободу воли. Он сужает ее рамки, раскрывает объект в мыслительных образах, закрепляя его в научной теории, это ограничение осуществляется тем образом, что предмет становится неинтересным, чтобы туда могло занести интерес научного исследования. Интерес есть не что иное как олицетворение, выявление воли. Изначально разум еще ничего не имеет в своем содержании о предмете. Понятия не сформировались, категории не оформились, знания пусты. Сознание даже не может предопределить результаты, их последствия для мира. И этот этап не есть свобода разума, а есть блуд, или свобода воли. Подтверждением этому может стать то, что если бы разум был в состоянии предопределять и волю, то вряд ли предпринимались научные попытки таких научных поисков, которые приводят, хотя и потенциально, уже к отрицанию в прямом смысле самого *homo sapiens*. Свободы жаждет рассудок, свободы же хочет дикая страсть. Человек со своей волей не обособлен от мира, он – член общества и всей мировой жизни, с которыми он связан посредством своей воли. Следовательно, свободен безумный, сумасшедший, ибо его покинул разум.

В состоянии аффекта безумные генерируют идеи, которые лежат за рамками логичного, привычного, укладывающегося в общепринятые нормы отражения действительности. Для этого достаточно посмотреть на картины Сальвадора Дали. Данное утверждение резко контрастирует с общепринятым в философии положением о соотношении свободы и разума. Быть свободным – значит повиноваться разуму. Так определялась свобода в работах Спинозы и Лейбница. Чем больше человек действует на основании разума, тем больше его свобода. Чем больше человек повинуетя страсти, тем больше он раб. Так предельно лаконично выразил свое отношение

по этому поводу Лейбниц. Однако разные методологические основания обнаруживаются предельно отчетливо. Еще более отчетливо обнаруживается противоположность нашего понимания свободы в мышлении с трактованием его Гегелем. Его категорическое выражение о свободе как познанной необходимости не оставляет возможности на даже диалектический синтез. У Гегеля разум раскрывает поле свободы, у нас наоборот. Познанное сужает, ограничивает поле свободы, а для нас однозначно свободу воли.

Наши выводы определенным образом соприкасаются с рассуждениями В. Виндельбанда. Правда, он оперирует понятием произвольного и непроизвольного в мышлении, одновременно утверждая, что различие между ними несущественно. Оба процесса произвольного и непроизвольного мышления составляют лишь один процесс. Однако мышление всегда находится в своем движении под влиянием воли. Воля же сама по себе бессознательна и осознание ее есть по сравнению с ее внутренней сущностью лишь случайное дополнительное определение.

Виндельбанд утверждает, что распространенное воззрение о том, что будто воля противостоит мышлению как чему-то ей чуждому и лишь отдельными толчками вводит в его спокойное течение свои определяющие намерения. Данное положение не может быть признанным в качестве основания в дальнейших наших исследованиях. Как нам представляется, следует быть предельно корректным в тех областях, которые являются существенными для всей последующей аргументации. Воля и разум в разрез взглядам В. Виндельбанда обнаруживают единство в своей роли в процессе познания. Однако воля изначально была и остается неосознанной детерминантой в процессе познания. Разум же есть осознание, в т. ч. и самого себя, и как научное осознание он не может быть свободен, ибо должен оставаться научным осмыслением. Воля, порождая, инициируя разумное осмысление, тем самым отрицает, однако уже посредством разума саму себя. Познанная воля – уже не воля, а разум, его результат, есть следствия разумного, т. е. логичного, не свободного, уложенного в прокрустово ложе научного. Будучи бессознательной воля есть момент самого познающего субъекта с его материальными интересами, его бессознательным вожелением справедливости, красоты, т. е. предчувствования позиций этики и эстетики.

Она, т. е. воля, только вырисовывает контуры процесса познания предмета как целостности. Разум же исходит из общепринятого места самого исследователя в этом процессе, своей заинтересованности. Он, отражая природу материальных экономических отношений, самих ученых, если использовать и несколько перефразировать слова К. Маркса, превращает последних в сообщество наемных писак, в нашем случае, заказных, оплачиваемых исследований.

В результате истина, в лучшем случае, предстает односторонней, она несет в себе момент ее, а не целостный теоретический образ. Экономическая наука очень часто обременена классовыми наслоениями, идеологизирована, политизирована как никакая иная. Следовательно, отдельные ее представители принципиально не способны сформировать целостный, а, следовательно, истинно научный образ своего предмета. Интерес, который мы рассматриваем как некоторую объективацию воли, ее явление во вне, несет существенно тот момент, что преодолевает недостатки сознания, разума. Как следует из рассуждений А. Шопенгауэра, именно воля придает сознанию единство, связывает его представления и мысли. Без воли интеллект обладал не большим единством сознания, чем зеркало, в котором последовательно отражается то одно, то другое. В лучшем случае и разум был бы подобен зеркалу, лучи которого соединяются в воображаемой точке за его поверхность. Воля есть единственное устойчивое и неизменное в сознании. Воля придает направленность мысли, последнее используется в качестве средства для своих целей, придает им окраску своего характера, своего настроения и своего интереса, владеет вниманием и держит нить мотивов. Одновременно можно бы было полагать, что разум, вступив в свои права, будучи инициированным волей, уже становится способным преодолевать личное отношение самого исследователя к предмету. Как бы реализуется тезис: истина всего дороже. Интерес самого исследователя уступает на задний план, исследователь, особенно все, что связано с материальными интересами, преодолевается субъектом. Здесь как бы осуществляется тезис И. Канта: *Я мыслю должно сопровождать все наши представления*. Однако, како замечает А. Шопенгауэр, этот тезис опять же становится недостаточным. Здесь Я – величина абсолютно неизвестная, т. е. самому себе тайна.

Существенным моментом в аргументации нашего тезиса о невозможности принципиально сформировать отдельным исследователем целостный научный образ предмета, служит то обстоятельство, что сознание отражает предмет, представляет его в сознании как некоторый ряд сменяющих друг друга представлений. Возвращение к уже ранее запечатленному, выхваченному из общего потока ранее, само требует некоторого обоснования. Его можно назвать проявлением интереса, осознаваемого, или, скорее всего, еще не осознаваемого самим исследователем. Следовательно, субъект и на этом этапе интеллектуального созерцания, на этапе, когда только формируется научный образ предмета, когда еще не определились ни объем понятия, ни его концепт, не в состоянии ни преодолеть свое Я, выйти за его пределы, даже объяснить его. Его собственное Я не может не нести в себе неосознанное влечение к выбору приоритетов в ряду научных образов. Его собственное отношение принципиально не может быть преодолено им. Выйти за пределы Я самому Я принципиально невозможно. Следовательно, его научный поиск на самом предварительном этапе уже несет в себе импульс, момент индивидуального отношения, индивидуального интереса.

Данное положение можно предварительно обобщить в следующих положениях. Объект научного познания всегда представляет по своей внутренней природе как некоторое единое противоречивое целое. Для экономического объекта – мира-экономики – это внутреннее единое противоречивое целое предстает как внешним образом положенное предметом противоположных определений его. Одновременно это представление схватывает и противоположный характер отношений к нему со стороны участников общественного производства. Сам экономист-исследователь, задача которого сформировать целостный научный образ своего предмета, изначально является носителем определенных интересов. Основанием этого интереса здесь он выступает в форме научного интереса, является воля, противопологающая себя разуму. Разум не в состоянии по своей природе преодолеть волю. Он способен ее не более как отрицать, в смысле ограничивать в процессе познания. Иначе говоря, воля в самом процессе познания использует разум как самоограничение и преодоление самого себя, как новый момент своего отрицания и одновременно воспроизводства на новом уровне.

Это Я является не просто носителем сознания. Оно вмещает в себя как волю, так и сознание, и не может сбросить с себя свое собственное отношение к предмету, ибо последнее всегда есть его собственный интерес. Интерес, как внешнее неосознанное проявление воли в том числе, ибо интерес может и осознаваться, есть выражение собственного отношения Я к предмету научного исследования. Воля есть тот необходимый момент, от которого нельзя освободиться как от грязного рубища. В итоге исследователь, предмет которого материальные интересы, выявляющиеся в мире-экономики, принципиально не может выработать целостный научный образ. Принцип целостности познания экономических явлений остается недосягаемым для отдельного исследователя, каким бы оригинальным методом он ни оперировал. Для отдельного исследователя, изначально отягощенного своим собственным отношением к исследуемому предмету, принцип целостности остается декларируемым, не осуществляемым принципом в результате, но осуществляемым в стремлении, в движении, в процессе.

Проблема формирования целостного образа мира-экономики лежит как в сфере самого мышления, осознания, т. е. сфере рассудка, разума, так и в сфере, запредельной для самого разума, или воле. Для процесса познания эта проблема проявляется в том, что целостный образ исследуемого экономического объекта есть его целостная, конкретно-всеобщая форма мысли. В ней отражается содержание понятия, его целостный концепт, приближающий нас к целостному образу мира-экономики. Они не есть копии мира-экономики или отдельных его фрагментов, не прямые эмпирии, а свободные изобретения разума, по А. Эйнштейну. В результате этого свободного изобретения разума достигается отображение мира-экономики не просто таким, каков он есть, а таким, каким бы мы его хотели видеть, исходя из научных позиций исследователя, его места в системе распределенных в обществе материальных интересов. Отдельный исследователь формирует абстрактный образ мира-экономики. Некоторые в своем интегральном образе приближаются к целостному образу, однако этот этап приближения способен, как нам представляется, сформировать не сам научный целостный образ действительности, а ее рассеянный образ мира-экономики в абстрактных понятиях.

В качестве важного момента формирования, научного образа в понятиях следует указать на то, что нельзя отбросить роль и место воли в процессе самого мышления, понять, или хотя бы представить гипотетически сам процесс обусловленности волей самого процесса мышления, его интересами. Если этого не принимать во внимание, абстрагироваться от процесса формирования научного образа, то сами понятия, по мысли Луи де Бройля, будут совершенными, строгими, но одновременно все более и более бесплодными.

Вряд ли будут убедительны те аргументы, а точнее, те основания, из которых исходит сам исследователь. Ведь принципы не доказываются, потому они и есть принципы. В последних как раз и раскрываются позиция исследователя, его метод. И хотя, как часто утверждают, метод как бы предопределен самим объектом, как бы вытекает из последнего, мы имеем основания добавить, что на метод оказывает влияние субъективный фактор. Он предопределен научной позицией, самим объектом и интересами исследователя. Последние оформляют их осознанное воплощение в целях исследования, определенным образом уже предопределяя сами результаты. Как писал по этому поводу классик, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Следовательно, роль и место разума в формировании целостности научного образа не представляются как простая и однозначная научная проблема. Расхожому утверждению, что разум способен сформировать целостный научный образ, подчеркивая и абсолютизируя роль мышления в познании как сознательно формируемый процесс понятийного аппарата, мы высказываем аргументированный ранее следующий тезис. Его суть можно свести к тому, что именно сознание, разум, будучи предопределены волей, становятся тем органом, который заставляет его самого следовать тому пути, который заложен в самих принципах научного подхода, ибо он предопределен самим исследователем. Его Я включает в себя собственно субъективное научное отражение и его субъективную волю. Разум сам закрывает за собой ворота целостного отражения мира-экономики. Принцип целостности познания экономических явлений, следовательно, всегда будет оставаться как некоторый принцип, к которому следует

стремиться, и который никогда не может реализоваться в действительности для отдельного исследователя. Мир-экономики может быть схвачен в целостности, если он станет предметом исследований многих, представляющих всю гамму своих собственных интересов. Провозглашаемый прежде принцип партийности был своего рода антиподом принципа целостности, преодоление которого и в настоящее время не завершено.

Полагаем в качестве основания положение, в соответствии с которым продуктивным методологическим направлением в исследовании может стать реанимированная в своих возможностях диалектическая логика. Прорыв в раскрытии истинных целей и мотивов в поведении индивидов может обеспечить положение о диалектической, противоречивой связи, взаимообусловленности разума и воли индивидов и их сообществ. Следовательно, основным принципом диалектической логики должен стать принцип целостности сознания объекта. Данный принцип целостности в качестве основного принципа диалектической логики выдвигался видным представителем абсолютного идеализма Ф. Бредли [F.H. Bradley, 1846–1924].

Диалектическая логика, прорывая узкие возможности формальной логики, становится тем самым важным органом в процессе формирования целостного теоретического образа исследуемых объектов. Однако при всей тривиальности подобного суждения остается до сих пор не выявленным вопрос о самой природе диалектической логики как науки. Более того, до сегодняшнего дня существуют различные определения самого предмета диалектической логики, хотя все сходны, по крайней мере, в одном и самом существенном. Диалектическая логика есть наука о законах и формах теоретического мышления. Существенным здесь является то, что предмет должен браться всесторонне, опосредованно в его развитии, в его самодвижении. Практика должна занять основное место в процессе верификации и войти в полное определение предмета, в т. ч. как критерия истины. Истинный образ ограниченного сознанием предмета есть не некоторое абстрактное суждение, не абстрактная истина, а конкретная истина. При этом конкретное нами ассоциируется, наконец, отождествляется с целым, с тотальностью. В итоге можно сделать вывод, что одна из важнейших функций диалектической логики состоит в том, что она формирует основания для теории логического

вывода, формирует принципы логически правильного мышления, являясь тем самым теорией самой формальной логики. Диалектическая логика в центр своего предмета переносит проблему истины, проблему формирования адекватного теоретического образа, а, следовательно, пути, методы достижения этого целостного теоретического образа.

Проблема обнаруживается в соотнесении предмета диалектической логики с предметом материалистической или идеалистической диалектикой и теорией познания. Здесь мнения встречаются самые различные. Их обобщенное изложение с элементами критического отношения к точкам зрения различных авторов можно найти в работах последних лет.

Многие авторы считают, что диалектическая логика, материалистическая диалектика и теория познания целиком совпадают.

Другие подчеркивают их единство, однако в границах единства вышеупомянутого тождества не обнаруживается. Диалектика, логика, теория познания, являясь сферами философии, тем не менее, имеют каждая свой предмет.

Встречается и некоторое компромиссное понимание этих двух точек зрения на характер единства. Так, диалектическая логика рассматривается в двух ипостасях, в широком и узком смыслах этого понятия. В широком смысле этого понятия диалектическая логика совпадает по объему с материалистической диалектикой как наукой и наиболее общих законах не только мышления, но и самого бытия. Диалектическая логика в узком смысле понятия есть область знания о законах и формах мышления. Тем самым она уже не совпадает с материалистической диалектикой, ибо является лишь только ее составной частью.

Встречается и такой взгляд на диалектическую логику, согласно которому марксистская логика есть систематически развитая и систематически изложенная философия диалектического материализма. Нетрудно заметить, что, отбросив несущественные дополнения, здесь диалектическая логика совпала с философией диалектического материализма.

Беда авторов подобных концепций состоит в том, что они не критически заимствуют некоторые положения классиков, приводя высказывания последних в качестве аргумента в процессе

верификации. В результате утверждения о творческом подходе к наследию классиков сами допускают элементарные ошибки в системе доказательства, применяют положения, которые с точки зрения формальной логики считаются недопустимыми. Речь идет о аргументах, суть которых сведена к ссылкам на авторитет. Последнее есть запрещенные формальной логикой способы и методы верификации.

Утверждения о совпадении предмета диалектической логики и всей марксистской философии обосновывают тем, что только опираясь на определенные знания о мире можно выводить соответствующие нормы подхода к изучению объективной реальности. При этом опять же ссылаются на утверждение Ф. Энгельса о том, что единственным содержанием мышления является мир и законы мышления. Однако это точка зрения уже спорна по одному принципиальному моменту. Содержание мысли, т. е. концепт и сама форма мысли лежат в одной сфере – в среде мышления. Сам объективный мир и его отражение в сознании – это две разные формы бытия. И с точки зрения бытия – эти принципиально различающиеся сферы.

Если следовать этой неправомерно расширительной концепции, то диалектическая логика изучает не только законы и формы мышления, но и законы бытия. Тем самым по своему предмету она перекрещивается с предметом антологии как науки о всеобщих законах бытия, как учение об объективном мире и его закономерностях.

Не развивая далее критический анализ различных взглядов на предмет диалектической логики, мы принимаем понятие диалектическая логика, которое охватывает сферу знания о законах и формах мышления в самом широком смысле этого положения. Диалектическая логика вошла по объему своего понятия в объем понятия теория познания, но не заполнила весь его объем. При этом совсем не следует теорию познания ограничивать сферой познавательной деятельности в аспекте отношений субъекта и объема, а диалектическую логику – сферой отношений между логическими формами мышления и объективным содержанием мышления.

Тем самым диалектическая логика не вникает в себя такие сферы научного знания, как формы правильного (логического) мышления, что является предметом формальной логики. Сама же диалектика, в т. ч. марксистская, должна пониматься как диалектическая

логика. Понятие же «объективная диалектика» есть понятие нулевое. Суть диалектической логики можно свести к диалектическому методу в познании, к диалектической методологии в познании. Следовательно, теория познания только включает в себя диалектическую логику как момент, как часть, но полностью с последней не совпадает. В противном случае теорию науки о познании мира, природы, общества, самого мышления можно начать, по крайней мере, с Г.В.Ф. Гегеля.

Основная проблема диалектической логики – это проблема истины. Логика ставит во главу угла своего предмета законы и формы познания. Последние облекаются в систему общих принципов процесса познания, или методологических принципов. Но если наука претендует на истинность своих выводов, то первые требования к самой науке можно сформулировать требованием истинности форм постижения объективного мира. Критерий истинности форм и методов познания многими авторами усматривается в требовании соответствия последних законов самой объективной действительности. Это может развиваться, например, в историческом аспекте. Понять сегодняшнюю действительность можно только проследив ее генезис, становление, развитие, ее противоречие. Тогда логика должна отразить развитие самого объективного мира. В итоге последний в своем обновлении становится логично ставшим, а не привнесённым откуда-то в результате блуждающего мышления. Следовательно, основная проблема диалектической логики, как и теории познания вообще, это практика истины. Однако – понимая и трактуя истину в теории познания, мы обнаруживаем самый широкий спектр мнений и суждений. От характера понимания самого предмета и задач логики зависит понимание истины, например понятие формальной истины. Последняя реализуется тогда и постольку, когда и поскольку само мышление соответствует определенным правилам, независимо от реального содержания самого мышления, их соответствия объективной действительности. Если мышление правильное, т. е. соответствует и не противоречит принятым канонам мышления, то мы получаем результат, который называют формальной истиной. В итоге само мышление должно укладываться в прокрустово ложе правильных форм мышления.

Однако истина не может быть определена как некоторый результат, получаемый как бы автоматически. Главное – должны быть выполнены все требования правильного, формально-логического мышления. Результат предстает как некоторая данность, уже предопределенная самими исходными посылками. Нового знания формальная логика не достигает. Она лишь делает понятным, осознаваемым ход вывода, результат становится логическим следствием посылок и форм правильного вывода.

Понятие же истины как диалектического процесса уже перестало удовлетворять достаточность прежних требований формальной правильности мышления. Результат, т. е. истина, перестал рассматриваться как автоматический полный результат. Истина стала представляться как действительное целое, которое стало действительностью для мышления в результате рассмотрения его становления [Г.В.Ф. Гегель]. В результате истина предстает не как полный результат, а как процесс. В итоге проблема истинности знания разрешается таким образом: соответствует ли содержание (концепт) понятия природе самого предмета. Но и первое, и второе есть сфера мышления. Гегель вывел сущность в объективную реальность. Для нас этот путь закрыт. Объективная реальность не может быть представлена для исследователя иначе, чем посредством органов чувств и самого мышления. Для Г.В.Ф. Гегеля сущность, предмет, истинное есть объективное, для нас же это есть содержание мышления, отражающее законы, тенденции становления объективного мира. Если мы назовем знание понятием, а сущность, или истинное, – сущим, или предметом, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли понятие предмету. Если же мы назовем сущность, или в себе – (бытие), предметно понятием ... то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли предмет своему понятию. Очевидно, что то и другое одно и то же (Гегель).

Понятие принципов в диалектической логике и их критический анализ

Любая наука в своих теоретических обобщениях исходит из некоторых основ, являющихся отправными, опорными пунктами мышления. Эти исходные положения отражаются понятием принципы (от лат. *principium* – начало).

Концепция данного понятия раскрывается как основное исходное положение какой-либо теории науки, учения, как руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности, как внутренняя убеждённость в чём-либо, точка зрения, норма поведения, и наконец, как основная особенность устройства, действия механизма.

Принцип в теории познания, на наш взгляд, не должен сводиться к тому или иному приёму, методу познания, а сам должен определять эти методы, их характер. Поэтому вряд ли убедительна позиция тех учёных, которые растворяют принцип в сфере конкретной научно-практической деятельности низводя их, по существу, до уровня приёма, самого метода познания действительности.

Так, в диалектической логике закрепились в качестве общепринятых положений, согласно которым принципы диалектической логики сводились к принципу объективности рассмотрения, к принципу всесторонности, к принципу определённости, к принципу конкретного тождества, к принципу детерминизма, к принципу причинности, к принципу необходимой связи, принципу сведения к закону, к историзму как принципу диалектической логики, к принципу системности, к принципу противоречия, к принципу субстанциального

подхода, к принципу восхождения от абстрактного к конкретному, к принципу единства анализа и синтеза и др. Однако уже беглый взгляд на этот широкий спектр принципов диалектической логики позволяет усомниться в самой правомерности употребления последних в качестве принципов. Многие из них, как это будет показано далее, не могут претендовать на место принципов, ибо они производны от более основательного, исходного основного положения – принципа целостности. В этом положении мы принимаем как достаточную всю систему аргументации, приведённую сто лет назад известным философом, представителем абсолютного идеализма Ф. Бредли.

Ф. Бредли развил идею Г.В.Ф. Гегеля, в частности, метод воспроизведения в мышлении целого, хотя и на позициях идеалистической диалектики.

Формальная логика уже изначально ограничена в своих познавательных возможностях познать целое, сформировать его адекватный теоретический образ. Это видно уже в процессе абстрагирования, который описывается формальной логикой и подчиняется закону обратного соотношения объёма и содержания понятий.

Мысль, пытаясь схватить целое, не может воспроизвести это сразу. Человеческое мышление не охватывает действительность во всех его взаимосвязях в её сути. «Вещь-в-себе» не является непосредственно, она скрыта. Сознанию ничего не остается, как решать задачу познания таким образом, чтобы абстрагироваться от внешнего, несущественного, а иногда и от существенного. Предмет познания в его мыслительных формах огрубляется, обедняется.

Далее сознание совершает как бы обратный процесс, двигаясь от абстрактных образов к конкретному. Содержание нашей мысли становится более богатым, но одновременно объём понятия, или денотат, охватывающий это возросшее богатство конкретного, становится всё меньшим и меньшим. В итоге, чем о большем мы мыслим, тем о меньшем мы знаем.

Далее, формальная логика не позволяет воспроизвести целое. Для формальной логики целое либо дано изначально, либо не может быть дано принципиально, например, в суждении «субъект есть предикат». Если предикат расщепляется до известного предела, то это суждение превращается в мало значимую для познания тавтологию.

Суждения, исходящие из принципа целостности предмета, становятся утверждением о качествах, свойствах, действительности, вычленением из нее некоторых элементов. Развивающееся знание о предмете как о целом, есть, таким образом, действие мыслительной функции, которое расширяет еще неполное конкретное до целого посредством идеального синтеза. В этом заключается один из основополагающих принципов диалектической логики.

Однако целое не конструируется, не изобретается из ничего. Это целое оформляется творческим мышлением, преодолевая односторонность, абстрактность, наконец, однобокость и ущербность теоретического образа данного на начальном этапе познания в процессе анализа. Из этого следует, что вышеназванные принципы есть, скорее всего, методы формирования конкретно-всеобщего, целостного, тотального образа. Они есть необходимое логическое следствие, а не причина, не основание, от которого следует отталкиваться и исходить в процессе познания.

Принцип объективности рассмотрения

Принцип объективности рассмотрения некоторыми авторами (например, В.П. Кохановский, Й. Элез и др.) раскрывается в функции связи материалистической традиции в философии, материалистическим характером философии и марксистским диалектическим методом.

Недостаточность системы аргументации обнаруживается уже тогда, когда теорию познания, диалектическую логику насильно, произвольно ограничивают сферой марксистской диалектики, марксистской диалектической логикой. Однако вся теория познания не сводима исключительно к вышеупомянутой сфере, разделу философии. Она есть её не более как ветвь, часть. И последняя никогда не может быть сведена к целому, к философии вообще. Далее, сам термин объективность рассмотрения, как нам представляется, несет в себе внутреннее противоречие в рамках материалистической диалектики. В любом случае знание укладывается в форму мышления субъект есть предикат, т. е. суждения. Носитель знаний есть субъект, это наше знание о предмете посредством наполнения знания его качествами, признаками предиката. Предикат (лат. – *predicatum*) есть то, что в суждении мыслится и высказывается о предмете, являясь логическим сказуемым, указывающим на свойства предмета,

его состояние и отношение к другим предметам. Если буквально трактовать объективность рассмотрения, то субъект должен быть каким-то образом перенесен в сам предикат, в объект. Однако тогда исчезает и сам субъект.

Если же это означает, что есть некий всеобщий разум, отличающийся от индивидуального сознания, от Я, то это противоречит самим принципам материализма.

Если же объективность рассмотрения сводится к попыткам преодоления человеческой субъективности, т. е. чувственной практической деятельности, то это уже давно преодоленное философское положение, которое однако может обнаружить и обнаруживает свое двойное дно.

Если же под объективность рассмотрения принимается метод постижения истины, как со стороны результата, так и со стороны процесса, то этот взгляд был уже преодолен Г.В.Ф. Гегелем в его критике философии Канта. Это заслуга не материалистической диалектики, а идеалистической диалектики Г.В.Ф. Гегеля.

С последним пониманием мы могли бы согласиться, только если эту объективность рассмотрения предоставить как всесторонность рассмотрения, позволяющую фактически постигать целостно теоретический образ предмета. Сам же термин, при этом объективность рассмотрения, как и понятия «объективная истина», «всеобщий интеллект» есть понятия идеалистической диалектики, а в границах материализма они есть нулевые понятия.

Категоричность суждений, типа: методы, исключаящие принцип объективности, не могут быть методами отыскания истины, тем более не могут быть научными, ибо научный метод может быть только материалистическим, что объективность рассмотрения в своем истинном значении и есть принцип материалистического мышления, – только лишний раз свидетельствует о схоластичности, надуманности, ненаучности подобного принципа.

Научная необстоятельность принципа объективности подчеркивается и усиливается тем обстоятельством, что последний напрямую увязывается с принципом партийности, ибо материалист, как отмечает К. Маркс, последовательнее объективиста и полнее проводит свой объективизм. Материализм включает в себя партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто отстаивать точку зрения определенной общественной группы.

Принцип всесторонности рассмотрения

Суть данного принципа олицетворяет стремление человека к познанию того или иного явления общественного бытия в его целостности. Раскрывается принцип всесторонности в ценностном охвате явления в процессе познания, фиксации всех сторон явления, нахождении цепи опосредующих звеньев и их воздействие на предмет и на самих себя, выделение сущностного уровня со стремлением понять явление, которое уже было накоплено сущностным «светом», т. е. превращением явления в действительность, по-Гегелю. Считалось, что принцип всесторонности рассмотрения реализуется в системе всеобщих категорий. Диалектическая логика выступает как предпосылка, процесс, итог и сумма всего опыта познания.

При этом данный принцип как бы осуществляется в двух сферах: на эмпирическом уровне и на сущностном, или теоретическом уровне. Считается общепринятым в научном исследовании, что существенное отношение, выделение которого составляет предпосылку всестороннего рассмотрения предмета в теоретическом названии, должно удовлетворять следующим требованиям. *Во-первых*, теоретический образ должен быть действительно всеобщим, и, *во-вторых*, этот теоретический образ должен охватывать в своей целостности как глубину существенного, так и богатство особенного. Если это требование не соблюдается, то неизбежен следующий результат. В первом случае, если исследователю не удалось проникнуть в сущностный уровень, то он не может выйти и на закон. Он вынужден довольствоваться внешними сторонами предмета, описывая факты, не переходя в сферу логического мышления. Это удел муравьев, по образному замечанию Г.В.Ф. Гегеля, – «собирать и описывать факты».

Во втором случае, если не достигается единство всеобщности и особенного, и исследователь остается на уровне умозрительных заключений, результат и все исследования как бы теряют свое основание. Начинают строиться умозрительные логические конструкции, но птица истины, по меткому замечанию Бём-Баверка, в этом научном здании не поселяется. Следовательно, ставится задача развести понятия «принцип всесторонности рассмотрения» и «принцип целостности познания». Употребление понятия «всесторонность» рассмотрения представляется не совсем корректным. Объем понятия

«всесторонность» не совпадает с объемом понятия «целостность». Можно утверждать, что всесторонность есть один из способов познания предмета в его целостности. Аргументируем мы тем общеизвестным и принятым в теории познания положением, суть которого сводится к суждению: – в сфере сущности нет каких-то «сторон». О сторонах рассмотрения можно вести речь лишь тогда, когда наше познание оперирует ощущениями, возникают так называемые апперцепции [от лат. «*ad*» – при – и «*perceptio*» – восприятие]. Последние как бы подготовили почву для дальнейшего теоретического познания. Эти апперцепции в отличие от перцепции [*perceptio* – лат.] дают, по-Лейбницу, ясное и осознанное восприятие. Следовательно, только на уровне эмпирического можно утверждать, что принцип всесторонности может определенным образом реализоваться как рассмотрение явления с одной стороны, затем с другой стороны, и таким образом может привести к противоречиям в формировании теоретического образа. Поэтому далеко не случайно И. Кант наряду с этой «эмпирической апперцепцией» вводит понятие «трансцендентальной апперцепции» как изначального неизменного единства сознания, в качестве условия всякого опыта и познания, позволяющего синтезировать многообразие восприятия.

Из этого можно заключить, что принцип всесторонности рассмотрения в диалектической логике должен быть дополнен таким необходимым моментом в познании, благодаря которому первый начинает восприниматься как необходимый, но недостаточный метод, способ в формировании целостного теоретического образа. Следовательно, и в этом случае «принцип всесторонности» рассмотрения сводится, поглощается более фундаментальным основанием, а следовательно, и имеющим больше оснований быть отнесенным к принципам диалектической логики – принципу целостности. Принципу целостности, а не принципу всесторонности, как нам представляется, присущ характер рассмотрения явления, вещи самой по себе, взятой как бы в обособленности от других вещей, то есть рассмотрение внутренней структуры в системе, обусловленной внутренними причинами и связями. Этот процесс органически дополняется и рассмотрением структуры, ее природы, генезиса, в свете внешних связей, обусловленности последней внешними факторами, окружающей это явление экономической, политической, социальной, культурной

действительностью. Целостный подход в познании внешнего и внутреннего взаимодействия и взаимообусловленности позволяет сформировать теоретический образ экономического явления, предмета, вещи, события с позиции органического целого, то есть как организма. Внутреннее, существенное явление не может являться исследователю непосредственно как некоторая данность. Внутреннее, постигаемое исключительно умозрительно, выходит во вне, через другое. В этом и раскрывается так называемая у Г.В.Ф. Гегеля, «тотальность отношений» – то, что явление есть в себе, есть целиком, полностью в своей внешности. Следовательно, внешность, экономическое явление можно охарактеризовать как целостность, как тотальность, как рефлексированное в себя единство. Выхождение во вне целого представляется, таким образом, как рефлексия не только в другое внешнее, но и в себя. Следовательно, явление в своей внешности есть проявление, отражение во вне того, что оно есть само в себе, в своей самости. Другого приема для современного рационального познания механизма не существует, если, конечно же, не принимать во внимание такие теории, которые оперируют понятием «сущностное видение» и т. д. Сформировать целостный теоретический образ экономического явления становится возможным благодаря целостному подходу. Целостность теоретического образа может сформироваться целостным подходом, принципом целостности самого познания, преодоления абстрактности, и одновременно, однобокой спекулятивной умозрительности в исследовании.

Здесь именно принцип целостности в познании, а не всесторонность рассмотрения позволяет перейти к субстанциальному подходу в формировании теоретического образа. Однако, субстанция [*substantia* – лат. – сущность, то, что лежит в основе] понимается как некоторая реальность, однако взятая вместе со своими апперцепциями, формами своего бытия и движения, есть конкретностная всеобщность, как целостность, как тотальность. Между сферами сущности, которые как таковые, взятые вне внешности, могут бытийствовать исключительно в сознании и самой ощущаемой объективной реальностью, и не могут находить никакие опосредующие звенья.

Есть внутренняя природа, рефлексированная во вне, и тем самым одновременно и на саму себя, и сама внешность есть явление

этой внутренней природы, как сущности. Между ними нет взаимодействия. Сущность лишена сама по себе движущей силы. Последняя проявляется, находит формы своего бытия именно в субстанции, которая должна пониматься нами так, как это было отмечено несколько ранее. Только в этом случае позволительно применять, оперировать понятием субстанции как «причины самой себя», то есть как спинозовской *causa sui*.

Содержание принципа определенности в диалектической логике

Утверждается, что содержанием принципа определенности теоретического мышления является закон перехода количественных изменений в качественные, ибо всякая определенность вещей, явлений, событий есть определенность их качества, а точнее как того, так и другого.

Если качественная определенность вещей связана с их структурой, так называемым системным качеством, то это позволяет отличить природу одной вещи от другой, то количественная определенность раскрывается в массе, количестве, множестве. Последнее, однако, берется не столько абсолютно, сколько относительно.

Отсутствие определенности, т. е. неясности относительно внутренней природы явления, его коренного, системного качества наблюдается в тех моментах, когда этот вопрос для исследователя приобретает особую важность, а именно, в момент перехода от одного качества к другому. В этот момент перехода еще обнаруживается единство элементов, связывающих предшествующее качество и последующее качество. Однако изменение качества вещи уже размывает, делает неопределенной саму границу во внутреннем взаимодействии составляющих элементов. Определить, однозначно зарегистрировать, отразить этот переход предоставляется крайне затруднительно, порой теоретически невозможно. Это объясняется уже тем, что изменение внутреннего системного качества не может быть обнаружено непосредственно. Данную проблему можно обнаружить уже в попытках софистов разрешить парадокс брадобрея, лысого и т. д. Этот процесс может только рефлексироваться во внешность, а тем самым и на самоё себя. Проблема, однако, заключается в том, что эти изменения вовне, представляющиеся исследователю как апперцепции, в первую очередь, не говоря уже о перцепции,

несут в себе элемент консервативного, традиционного для прежних форм восприятия и осмысления. Другими словами, даже в процессе познания, в сфере мышления формирования теоретических образов обнаруживается инерционность апперцепции. И здесь существенную роль осуществляют не столько сами апперцепции, сколько перцепции. Последние есть вообще бессознательные восприятия. Игнорировать это важнейшее теоретическое положение теории познания невозможно.

Исследователь оказывается перед дилеммой. Либо он абстрагируется от этого процесса качественного перехода и в этом случае как бы перепрыгивает этот системный переход, достраивая размытость, неопределенность качественного быта новыми умственными конструкциями, либо он вынужден ожидать это формирование предмета, когда границы между элементами системы определились, выявились, стали более видимыми мышлению. Однако в конечном результате, как первого пути, так и второго, отмеченные недостатки хотя и в разной степени нежелательны.

В первом случае исследователь довольствуется нагромождением новых гипотез, новых теорий, имеющих под собой довольно слабые основания. Во втором случае исследователь теряет темп в научных поисках, ибо вынужден терять время на подобное созревание объекта. Каждое направление научного исследования может иметь место, в зависимости от природы исследуемого объекта, его развитости, созревания, а также располагаемых временных ресурсов.

Можно заметить, однако, следующее. Экономическое, социальное, культурное, правовое, этическое бытие человека обнаруживает глубокую инерционность в своей природе. Общество долго созревает к последующим переменам. Горячие головы исследователей, рождая внешне привлекательные идеи, конструкции будущего общественного устройства, порождают нетерпимость в действиях политиков. С одной стороны, мышление не оказалось способным определять природу объекта, раскрывая его качество, не говоря уже о процессе ломки старого качества и реформирования нового.

С другой стороны, появление политиков, уже не по разуму старательных, нетерпеливых, старающихся перепрыгнуть, ускорить, наконец, проигнорировать процесс эволюционного дозревания

общества, подталкивает последних к пути искусственного ускорения, формированию новой социально-экономической среды. Этот путь уже ничего не имеет общего с естественным путем становления социально-экономического бытия. Насильственное вмешательство в природу социально-экономического бытия, когда оно не познано в своей самости, не может привести ни к чему другому, как к навязыванию системы элементов чуждой самой природе. В итоге становление истины не ускоряется, а из-за деформации, чуждой ее внутренней природе, ее качеству, обнаруживает момент стагнации и регрессии.

Доказательством этого положения служит вся послереволюционная практика России, начиная с момента гибели великого реформатора П.А. Столыпина [1862–1911 гг.] Как нам представляется, это убийство обнаружило факт крайней реакционности, а в нашем понимании инерционности, социально-экономической жизни дореволюционной России. Не все элементы тогдашней России впитали в себя это новое формирующее качество. Последнее не определилось, а, следовательно, эта определенность не была достоянием всех слоев российского общества. Поэтому, будучи прогрессивными, по своей сути эти реформы натолкнулись на противоречия тех слоев, которые были носителями этой традиционности, реакционности прежних социально-экономических отношений. Природа последних раскрывается нами в инерционности социально-экономических систем. Их природу можно объяснить механизмом постепенного накопления потенциала экономических изменений. Именно этот период и придает системе способность сохранить традиционность своего социально-экономического уклада, всех форм общественного бытия. На этом этапе количественных накоплений новое качество не возникает. Система находится в границах прежней определенности. Связи между элементами сохраняют прочность, и попытка разрушить связи в отдельных элементах не может привести к коренной смене системного качества. Разрушенное навязанными извне насильственными воздействиями может привести только к временной утрате системой своих функций. Через некоторое время система как организм, как органическое целое, регенерирует утраченные органы и восстанавливает свои функции. Здесь система как птица феникс, сгорая, возрождается в прежнем своем обличье. И только тогда, когда система

накопила такие количественные изменения, которые как бы перешагивают ее границы, т. е. достигают меры в пределах прежнего качества, только тогда слом старого, прежнего системного качества становится необходимым объективно и логически оправданным.

Любые же попытки остановиться в познании на ступени конструирования мыслительных абстракций несформировавшегося в своей природе объекта, а, следовательно, и в самом сознании необходимо приводят к спекулятивному мышлению. [Мы употребим здесь понятие спекулятивное мышление не в смысле положительного мышления в противоположность отрицающему, негативному, или диалектическому, мышлению по-Гегелю]. В последнем предмет подвергается мысленному расщеплению, но осознаваемое целое определяется в мышлении, в своих составляющих, структурных элементах. На этапе спекулятивного мышления целое начинает конструироваться мышлением, охватывая всю совокупность его взаимосвязей и взаимозависимостей. В этом случае понятие спекулятивного или положительного мышления отражает процесс формирования органического целого, где каждый элемент уже воспринимается не столько как составная часть этого целого, сколько момент целого, его орган, осуществляющий определенную функцию целого. При этом целое начинает приобретать новое качество, которое имелось только в потенции у составных частей и которое никогда не могло проявиться у этой части, как обособленного элемента. Оно не могло проявиться и у целого, если это целое сформировалось объективно не как органическое целое, а как механическое целое. В органическом целом можно обнаружить так называемый эффект синергизма («*synergetikos*» греч. – совместный, согласованно действующий). Синергетический подход в познании объектов экономико-социальной действительности, как нам представляется, есть форма, реализующая принцип целостности в познании, когда сама синергетика воспринимается нами как научный философский принцип рассмотрения природного мира и самого процесса мышления как целостного, самоорганизующегося мира природы и его теоретического отражения.

Если же прогнозировать последнее в самом процессе познания, то широко открываются двери для злоупотребления диалектической

логикой, сведения ее к софистике и одновременно к эклектике. Более того, забвение принципа целостности познания наиболее сложного социально-экономического феномена, способно реализовать уже эффект синкретизма («*Synkretismos*» греч. – объединение). В итоге исследователь может получить различного рода сочетания разнородных и противоречивых воззрений и теорий, лишенных какой-либо внутренней связи и являющихся таким образом худшей разновидностью эклектизма.

Следовательно, то, что некоторые авторы, отмеченные нами ранее, понимают под принципами определенности в диалектической логике, мы склонны считать определенностью как требование осуществления действительного принципа познания – принципа целостности. Последний реализуется через метод, механизм определенности, позволяет преодолевать спекулятивность (в отрицательном смысле слова, а не в положительном), умозрительность, односторонность, и, наконец, синкретизм с его наихудшей разновидностью эклектизма.

Объект, представленный в теоретическом образе исследователя как целостный, включающий в себя всеобщность, существенность и многообразность своих модусов, внешних форм бытия, предстает уже не как этот набор несвязанных сущностью внешних своих определений, т. е. не как некий эклектический образ, а как единство внешне различных, но внутренне объединенных единой концепцией целого.

Данный механизм позволяет преодолеть противоречивость в сфере формально логического мышления. Эти различающиеся определения не должны разрушать единство органического целого, они лишь различающиеся определения одного и того же внутренне самопротиворечивого целого.

К сожалению, термин «самопротиворечивость» крайне неудачен. Объективно в самом объекте нет никаких противоречий в смысле *widerspruch* (нем.). Это скорее отражает социально-экономическое бытие в процессе саморазвития, самодвижения, когда этот мир воспринимается и как *causa sai* и как *causa finalis*.

Некоторые авторы усматривают принцип определенности в диалектической логике как требование к точным теоретическим

определениям, дефинициям. Безусловно, каждое понятие, отражающее объективный мир, как и сам процесс мышления, имеет свое имя, термин, свой объем, или денотат, и свое содержание, или концепт. Особенность теоретических определений состоит в том, что оно, т. е. определение должно отвечать всем вышеотмеченным требованиям. Одно определение не может заменить другое определение. Оно может его дополнять. Однако тогда мы должны отметить, что первоначальное определение было определением неполным, нуждающимся в дополнении. Одновременно и второе определение не есть определение, ибо без первоначального определения оно есть лишь дополнение без первоначального основания. В итоге следует отметить, что определение понятия приводит к множеству определений и ни одно из них не может считаться как самодостаточное, т. е., они есть односторонние определения. Эти определения часто находятся в соотношении контрарности, или противоположности. Между ними осуществляется закон противоречия, но не осуществляется закон исключенного третьего. *(Логически верно будет сказать, не закон противоречия, а закон непротиворечия. Исключение противоречия в мышлении следует считать законом, как сущностным, необходимым моментом самого формально-логического мышления, но никак не наоборот, как это принято со времен Стагирита).*

Эта совокупность противоположных определений не противоречит требованиям правильного, т. е. формально-логического мышления. Оно позволяет формировать целостный теоретический образ, эти определения могут быть истинными, однако истина здесь понимается не как соответствие полученного теоретического образа объективной реальности, а как момент постижения этой истины, когда последняя схватывается под углом зрения какого-либо субъекта присвоения в обществе.

Этот процесс позволяет т. о. формировать целое, как конкретно-всеобщее, что для нас есть тождественность. В итоге формируется понятие, как исчерпывающая определенность, по-Гегелю. Следовательно, принцип целостности есть одновременно принцип достижения исчерпывающейся определенности, а не определенности как формы соблюдения элементарных правил формальной логики в сфере реальных или номинальных определений.

Принцип конкретного тождества

Принцип конкретного тождества вытекает из требований закона тождества в формальной логике. Суть последнего можно свести к требованию тождественности всякого понятия и выражающего его слова. Каждая мысль, приводимая в суждениях, умозаключениях, должна сохранять свою мысль, т. е. сохранять свое логическое содержание.

Тождество предполагает бытие вещей более чем одной, либо одной, когда ее рассматривают, как нечто большее, чем одна. Следовательно, когда утверждают, что вещь (явление) тождественна самой себе, то эту вещь (явление) рассматривают как две. Данное трактование тождества Аристотелем не позволяет развести понятие абстрактного тождества, или формально-логического, различия и противоположности.

Этот недостаток преодолевается через 2 тысячи лет в философии Г.В.Ф. Гегеля. Абстрактное тождество не дает возможности приблизиться к сущности явления. Эту возможность дает диалектический метод в философии Г.В.Ф. Гегеля, когда последний вводит в научный аппарат понятие конкретное тождество. В итоге, по-Гегелю, истина достигает своей полноты лишь в единстве тождества с разностью. Тождество и различие начинают представляться как моменты различия, заключенного внутри самого предмета. В результате они представляются как рефлексированные моменты единства, в нашем случае, целостности, или тотальности. Каждое из этих противоположностей начинает находить формы своего выражения через свою противоположность. Отрицательное, которое противостоит положительному, имеет смысл только лишь в указанном соотношении с этим своим другим. Следовательно, каждое понятие содержит в себе своё внутреннее противоположное определение.

Тождество, которое может претендовать на некоторую гносеологическую ценность, должно быть, по-Гегелю, конкретно, как единство различенного. Из этого вытекает, что абстрактное тождество должно восприниматься само по себе как продукт абстракции исследования, отвлечение от внутренних различий в процессе изменений, перехода состояния, качеств вещей и явлений друг в друга. Каждый предмет находится в процессе изменения, он в каждый данный мо-

мент тождественен себе самому и одновременно отличен от самого себя.

Самые различные и порой внешне противоположные явления социально-экономической деятельности должны восприниматься как тождественные друг другу, ибо они вступают между собой во взаимодействие, переходя друг в друга. Эта объективная реальность должна соответственно получить и формы своего теоретического отражения в процессе познания. В итоге процесс познания представляется как процесс непрерывного воспроизводства тождества различного и противоположенного. И хотя образ предмета, явление всегда не совпадает с конкретностью, в то же время он ему тождественен со стороны структуры, являясь тем самым субъективным образом объективного мира. Можно обнаружить тождество бытия и мышления. Однако это не абстрактное тождество, это есть тождество объективного мира и субъективного теоретического образа, его мысленный аналог. Эти феномены противоположны в своей тождественности, т. е. они обладают признаками единства. Следовательно, понятие тождества, понятие единства во многом совпадают, однако они сами не тождественны. Тождество по объему своего понятия охватывает объем понятий «абстрактное тождество» и «конкретное тождество». С понятием единство совпадает понятие конкретное тождество, однако единство здесь рассматривается как диалектическое единство, которое включает в себя тождество как момент целостного отношения. Одновременно другим моментам единства становится различие. Диалектическое единство не есть простая совокупность тождества и различия. Оно представляет, скорее, процесс взаимодействия различных противоположных вещей, сторон, явлений, включая и самих понятий. Следовательно, это диалектическое единство следует понимать как процесс их взаимных переходов, в силу чего и становится возможным охарактеризовать этот процесс как конкретное тождество.

Представляется только как теоретическое недоразумение авторов некоторых утверждение о том, что конкретное тождество всегда имело место не только в объективном мире, но и в самом процессе познания. Для утверждения подобного об объективном мире исследователь должен выявить первоначально природу как одной вещи, так и другой, как одного социально-экономического бытия,

так и другого. Объявить их единство конкретным тождеством можно лишь тогда, когда будет выявлено это сущностно общее, или тождественное. В противном случае, это будет не конкретное тождество, совокупность разнородных вещей, событий и т. д.

Данный принцип конкретного тождества осуществляется, как было отмечено, во внешнем объективном мире, в самом процессе познания и в отношении к внешнему миру.

В процессе познания принцип конкретного тождества позволяет сформировать целостность теоретического образа путем присоединения противоположных признаков в вещах, явлениях, среди которых в объективном мире обнаружилось единство. Эти различные объемы понятий, которые в этом теоретизировании начинают занимать различные части объема, позволяют формировать целостный теоретический образ, как бы выстраивая эту формирующуюся тотальность. Следовательно, принцип конкретного тождества становится уже тем исходным основанием (т. е. действительно принципом), посредством которого и через который самоосуществляется принцип целостности познания. По сравнению с ранее рассмотренными принципами этот принцип конкретного тождества в диалектической логике позволяет формировать целостный теоретический образ. В результате этого процесса результат можно охарактеризовать как конкретную всеобщность, как конкретное, как целое, как тотальность, наконец. И в этом отмеченном совпадении конкретное тождественно целостности.

Однако это не абсолютное тождество, а само конкретное тождество. Для первого характерна пустота содержания абстрактного тождества, где $A=A$ в последнем даже имя понятия, т. е. термин, совпадает, например человек есть человек, жизнь есть жизнь и т. д.

Если исследователь поднимается до необходимости познания предмета в своей самопричинности бытия, когда последний есть причина самого себя, т. е. *causa sie*, то он вынужден не отбрасывать, не обрывать, тем самым не огрублять общую картину, а наоборот, мысленно достраивать в умозаключениях схему объективных связей объективного мира и самого мышления. Здесь понимание диалектики с ее внутренним присущим требованием – рассматривать мир в его бесконечной богатой всеобщей связи – становится законом в движении к идеальному образу целостного.

В стремлении к большей адекватности теоретического образа, стремящемуся к целостному отраженному в понятиях, суждениях, умозаключениях миру, исследователь наталкивается на объективные, практически непреодолимые трудности. Суть этой проблемы сводится к тому, что сами связи и отношения в объективном мире следует понимать в своей изменчивости, развитии, в постоянном самоотрицании уже устоявшихся, закрепившихся теоретических формах отражения – понятиях. Целостность теоретического образа требует не столько права всестороннего учета этих связей и взаимоотношений, сколько учета последних в движении, изменении. Данная проблема становится уже не только практически, но и теоретически неразрешимой. Учесть всю целокупность (а не просто совокупность) связей отношений не только в статике, но и в движении, развитии становится невозможным. Принцип целостности уже становится недостижимым принципом познания объективного мира и, что не менее важно, изменчивостью отношения познающего субъекта к предмету. Меняются ценностные ориентации познающего субъекта. Субъект не в состоянии охватить этот целостный образ в теоретическом отражении и вынужден довольствоваться сферой, которая лежит в запредельной для познающего разума, не говоря уже о познающем рассудке, области. Это область есть сфера, куда разум пытается проникнуть, но не проникает. Эта сфера, область, прерогатива воли. Воля, будучи все-таки схваченной разумом, не исчезает, она лишь самоотрицается. Следовательно, воля направляет разум на познание мира с целью удовлетворения его потребностей, и сама подвергается процессу самоотрицания. При этом инструментом, органом этого процесса является сам разум. Воля использует разум как инструмент, как органон.

В этом сложнейшем противоречивом процессе формирования целостного теоретического образа, как некоторого конкретного тождества с объективным миром и самим процессом мышления воля занимает доминирующее положение. И если в отношении к процессу познания объективного мира последнее утверждение становится не очень очевидным, то в отношении воли к мышлению о самом мышлении сказанное выше отрицать уже невозможно.

Исследователь выбирает, использует метод познания, т. е. форму проникновения в сущность познаваемого.

Расхожему утверждению о том, что метод дан самим объектом, мы противопоставим наше утверждение. Для формирования целостного теоретического образа исследуемого объекта мы используем метод, который дан не столько объектом, сколько и самим субъектом. В последнем воля воплощается, что отражается в направленности интересов (как научных, так и материальных, духовных и т. д.) познающего субъекта. Познающий субъект есть носитель не только идей, их генератор, но и носитель воли, в первую очередь.

Изложенное выше не отрицает роль познающего рассудка, разума, наконец, в познании социально-экономических явлений. Изложенное нами только подчеркивает неоднозначность оценки роли и места воли и разума в познании. И если сказанное выше в меньшей степени затрагивает область сферы, несколько удаленной от практически воплощаемых, реализуемых интересов, то в отношении познания социально-экономических явлений положение меняется самым существенным образом. Здесь уже нельзя абстрагироваться от противоречивости отношения субъектов к событиям социальной, экономической, политической жизни общества. Как члены социума последние не только занимают различные ступени и иерархии власти, но и, в первую очередь, различное положение в системе производства, распределения, присвоения факторов, условий своего собственного бытия, т. е. жизни.

И если принцип конкретного тождества, а в нашем случае являющегося не более как существенной формой, т. е. законом, в формировании целостного теоретического образа, может непротиворечиво уживаться с другими принципами материалистической диалектики как, например, принципом объективности рассмотрения вещей и процессов, то подобное мирное сосуществование мы принять не можем. Объективность рассмотрения, как это утверждалось нами несколько ранее, по существу, есть пустой принцип, если только он серьезно претендует на принцип истинности познания. Особенно это становится заметно в период сознательного, планомерного формирования пропорций условий общественного производства индивидуального бытия. Объективность не противостоит и, тем более, не отождествляется со стихийностью развития социума. Наоборот, чем более общество начинает проникать в сущность интересующих его отношений, тем более заинтересованный познающий субъект по своему, на свой

манер, в соответствии со своими потребностями и нуждами понимает всю окружающую его объективность.

Этот мир, познаваемый на принципе объективности рассмотрения вещей и событий, оказывается пропитан отношением субъективизма. Отражаемый мир видится, в первую очередь, в соответствии со своим заинтересованным видением действительно объективного мира. Субъективный образ объективного мира изначально отягощен первородным грехом своего заинтересованного отношения к объективному миру, как условием, фактором своего собственного бытия. Более того, это позволяет утверждать, что сам принцип объективности, формируемый в субъективных образах, в понятиях, суждениях, умозаключениях, несет в себе признаки *contradictio in adjekto*.

Насколько правомерны суждения о том, что принцип объективности позволяет преодолеть иллюзию полной свободы в познании, можно судить по более простым, доступным, понятным признакам. Теоретический образ объективного мира все-таки должен быть образом в форме понятий, суждений, умозаключений, имеющих право на утверждение о положительном содержании в понятиях.

Все сказанное, однако, не исключает того положения, что возможно и свободное, творческое конструирование реальности в познающем сознании. Тем более, на переломных этапах возможно кризисное конструирование, когда оформляются творческие идеальные образы, строятся социальные утопии, пути выхода, преодоления кризисной ситуации.

Применение принципа объективности не должно приводить к абсолютизации субъективного фактора, волюнтаризму, игнорированию объективных законов и условий. Мудрость познания лежит не в крайностях, а в мере. Неправомерно и непомерное раздувание роли личного, группового, корпоративного, политического фактора. Здесь не может иметь место доминирование той или иной роли познающего субъекта, его социально-экономической ниши в процессе присвоения и иерархии власти и т. д. Правило в практическом обустройстве социально-экономического, политического бытия, сводящееся к доминированию воли большинства при уважении прав меньшинства, здесь не срабатывает.

Существенность принципа целостного познания социально-экономической, политической и иной реальности сводится к позиции рассмотрения всех противоречивостей явлений с позиций всех

субъектов присвоения, а не интересов доминирующей социальной группы.

Состоятельность принципа объективности в познании с позиций материалистической диалектики не может приобретать свою значимость в противопоставлении, несовместимости с буржуазным объективизмом. Тем более, что последний отождествляется с ограниченностью констатации отдельных факторов, различных сторон и событий, находящихся на поверхности общественной жизни. Ему приписывается отказ от теоретического кассового анализа, от проникновения во внутреннюю природу явлений, от практических революционных выводов и оправдывания существующей социальной реальности. Признаками объективности рассмотрения, по мысли адептов марксизма, является то, что в момент познания реализующий этот признак объективности субъект должен доводить познание социально-экономической действительности до понимания необходимости революционных преобразований, в т. ч. насильственных действий.

Следует быть предельно корректным в критике принципа объективизма. Признавалось, что элементы субъективизма, волюнтаризма имеют место быть в процессе познания и преобразования действительности. Но именно принцип объективности и направлялся против реализации воли отдельных групп. Сообщество рассматривалось как некий однородный монолит, и субъективизм рассматривался как искажение, нарушение диалектико-материалистических принципов. Осуждая в своих документах волевые решения, субъективизм, волюнтаризм, тем не менее, подчеркивалась необходимость умеренного сочетания учета роли субъективного фактора с трезвым анализом и применением объективных экономических и социальных законов общества. Однако слабость этого принципа именно в том, что принцип объективности оказался несовместим с принципом конкретного тождества той же самой материалистической диалектики. Это уже противоречие самой теории, т. е. *contradictio in abjekto*, что низводит теорию до внутренне противоречивого учения.

Принцип конкретного тождества базируется на более фундаментальном, исходном принципе материалистической диалектики – принципе единства противоположностей. Именно в этом ключе можно искать и находить положительное содержание принципа кон-

кретного тождества. Различное отношение к условиям социально-экономического, политического бытия отражается в необходимости применения принципа конкретного тождества. Это различное, противоположное отношение есть форма противоречивого, противоположного бытия в границах целого.

Присвоение условий собственного бытия осуществляется в обществе посредством перераспределения создаваемого. Последнее само базируется на неких принципах справедливости. При этом каждая социальная группа в конкретные, исторические периоды времени наполняет понятие «справедливость» распределения своим содержанием. Но присвоение одними, есть то же самое, что отчуждение ими от иных участников социально-экономического бытия. Эти противоречивости диаметрально противоположны, однако в то же самое время в границах целостности они становятся тождественными. И теоретически рассматривать один и тот же процесс присвоения одними в изолированности от этого же процесса отчуждения от других несостоятельно.

Нельзя не учитывать эти принципы в познании социально-экономических явлений в отрыве их друг от друга. Тем более игнорировать различающееся, противоречивое, противоположное отношение различных субъектов присвоения к одному и тому же объекту.

Уже Аристотель отмечал, различал *тождество*, *инаковость*, *различие*. Если *инаковость* односторонне противоречит тождеству, то различие обнаруживает единство, или в нашем случае целостностный теоретический образ. Различными называются вещи, которые, будучи одинаковыми, в некотором отношении тождественны друг другу, но только не по числу, а или по виду, или по роду, или по соотношению, т. е. род которых неодинаков, а также противоположности, и те вещи, в сущности которых заключена инаковость, писал Аристотель.

Недостаток теории в рамках учения Аристотеля заключается в том, что здесь еще не рассматривалось единство тождества и различия как единства противоположностей в границах целостного теоретического образа, когда целое представляется как противоречивое единство.

Философия Г.В.Ф. Гегеля преодолела недостаточность метода Аристотеля. Гегель не отрицал необходимости абстрактного,

или формально-логического тождества. Подчеркивалась не более как принципиальная недостаточность этого метода познания. Истина может быть понята только как истина целостного теоретического образа. Истина достигает последнего лишь в единстве тождества с разностью.

Тождество и различия – суть момента различия, заключенного внутри него самого; они суть рефлексированные моменты его единства, писал Гегель. Отношения противоположностей, заключающих в себе момент тождества, есть момент противоположностей, доведенных в познании до противоречивости. Последнее Гегель рассматривает как различие вообще, как противоречие в себе.

Следовательно, любое социально-экономическое бытие есть конкретное, целостное бытие, обладающее внутренней противоречивостью. Это целое находится не только в многообразных отношениях с другим бытием вещей, связей, но и противоречиво само себе и другим одновременно. Следовательно, чтобы понять это противоречивое целое, необходимо понять его как конкретное тождество своих внутренних различий, противоположностей. Не отбрасывать, а понять их во внутренней противоречивой взаимосвязи. Все попытки рассмотреть социально-экономическое бытие с позиций интересов, доминирующих в обществе, социальной группе, обречено на теоретическую ущербность теоретического образа в силу односторонности интересов рассмотрения познающим субъектом, ведомого не только рассудком, разумом, но и волей.

Философия собственности

Вся человеческая жизнь есть непрерывно осуществляющийся процесс присвоения человеком материальных и духовных условий своего собственного бытия. При этом под присвоением понимается вся совокупность форм воспроизводства индивида. Это может осуществляться не только в процессе потребления материальных или духовных благ, но и в самом процессе их материального и духовного производства. Вполне естественно, что не вся масса произведенных благ потребляется их производителями. Между процессом производства и потребления лежит сфера распределения этого произведенного продукта. История человеческой цивилизации явила многие формы распределения произведенных материальных и духовных благ, начиная от форм коммунистического распределения продукта в первобытной общине, примитивных натуральных форм обмена, прямого изъятия не только прибавочного, но часто и необходимого продукта, обмена на основе принципа эквивалентности с использованием установившихся эквивалентов, форм планомерного в масштабе всего общества распределения. Момент распределения труда стал решающим для формирования той или иной формы движения продуктов и условий производства. Рабочая сила как способность к труду, или способность производительно присваивать жизненно необходимый продукт как условия своего бытия в процессе воздействия на природу, всегда составляла единство с человеком, и не может онтологически рассматриваться вне человека. Поэтому присвоение этой способности всегда было взаимоувязано с самим носителем этой способности, т. е. человеком. Но в любом случае

человека, следует рассматривать как субъект присвоения даже в тех случаях, когда он внешне, казалось бы, ничего и не присваивает. Все присвоение можно условно разделить на присвоение производительное, или присвоение в процессе производства, и присвоение в процессе непосредственного потребления. Если даже в процессе производства продукта в обществе действуют такие условия, что продукт первоначально полностью отчуждается от производителя, то не следует забывать, что необходимая доля продукта возвращается ему назад. При этом он, т. е. человек, воспроизводится прежде всего как носитель своей способности к труду, т. е. как производитель. При этом в процессе труда человек присваивает свою собственную человеческую сущность. Каким бы ни был труд, он всегда был тем решающим условием, которое отделяет человека от животного. Конечно, даже в период первоначального накопления капитала труд был чрезмерно тяжелым, низводящим человека до уровня функций животного. К. Маркс в своей критике капиталистического производства, а до него социалисты-утописты, были, безусловно, правы. Но, тем не менее, если рассматривать процесс исторически, то следует помнить, что развитие функций производительного присвоения объектов природы позволило смотреть на человека как на производителя, а не как на объект для утоления голода непосредственно. Например, древние инки в порядке выплаты контрибуции победителям поставляли своих соплеменников в качестве человечины. А неразвитость производительного присвоения делала возможным господство завоевательной политики с целью захвата и покорения соседних племен. Поэтому ужасы, которые приводит Ф. Энгельс в своей работе о положении рабочего класса в Англии, следует рассматривать и сопоставлять с более ранними эпохами человеческого бытия.

Можно утверждать, что процесс воспроизводства человеческого индивида всегда составлял диалектическое единство присвоения и отчуждения. Более того, непосредственное присвоение индивидом природных условий своего бытия есть одновременно процесс его отчуждения от других членов сообщества. Тем самым они образуют диалектические противоположности, для которых характерно взаимное полагание, взаимное отрицание и непосредственная тождественность. Здесь присвоение и отчуждение рассматриваются как процессы некоего третьего, которое выполняет роль ключа в процессе

разрешения этого противоречия. Как нам представляется, этим ключом становится процесс самовоспроизводства человеческого индивида, т. е. – собственно его жизнь в ее самодвижении. Ни одна из этих сторон, а точнее, моментов самовоспроизводства человеческого индивида, не может находить формы своего бытия вне другой, вне своего иного. Процессу присвоения характерно, таким образом, простое или расширенное воспроизводство, становление всей совокупности условий своего собственного бытия, или становления собственности. Следовательно, процесс присвоения есть само отношение собственности, когда последнее рассматривается не со стороны какой-то структуры, а формы ее движения, или осуществления. Поэтому К. Маркс, безусловно, прав, когда утверждает, что собственность есть присвоение. Собственность есть результат и условие процесса разделения труда. Мы считаем вполне схоластическими попытки поставить или вывести собственность из разделения труда, или наоборот, разделение труда вывести из собственности. Это один и тот же процесс становления присвоения, а, следовательно, и процесса отчуждения, как своей противоположности.

Исторически сложилось так, что собственность является родовым понятием по сравнению с присвоением и отчуждением. Более того, собственность следует рассматривать и со стороны структуры, и со стороны форм своего движения, осуществления. Но и со стороны структурного отношения собственность следует понимать так же, как диалектическое противоречие. Ее противоположностями являются отношение человека к вещи в процессе ее присвоения, или производительные силы, а с другой стороны, отношение между людьми по поводу материально-вещественного присвоения, или производственные отношения. Отрывать отношения собственности как структуру от отношений собственности как процесса, или процессуального отношения, теоретически несостоятельно. Это будет в какой-то мере равносильно отрыву материи от форм ее бытия, форм ее осуществления или движения.

Другой момент понимания отношений собственности состоит в том, что в исследовании следует различать собственность как выражение сущности, необходимости данных форм присвоения или отчуждения, т. е. понимать процессы присвоения со стороны закона, а с другой стороны, раскрыть конкретные формы осуществления

отношений собственности во всей совокупности внешних случайных форм. Здесь следует помнить следующее. Всеобщее может находить свои формы бытия как материальное, объективное образование исключительно в единичном. Т. е. онтологически отношения собственности со стороны существенных, необходимых связей могут находить свои формы бытия только в единичном. Будучи же взятыми в своей абстрактной от единичностей формах, эти отношения собственности находят формы бытия только в сознании познающего и осваивающего природный и духовный мир субъекта. Следовательно материальное для нас тождественно объективному, а идеальное – тождественно субъективному. Мы не можем допустить существование каких-то объективных сущностей, взятых вне единичностей.

Методологически в научной и учебной литературе имеет место смешение онтологического и гносеологического аспектов понимания экономических явлений. Онтология есть наука о сущем, она должна дать ответ о природе экономического явления, о форме его существования, бытийствования. При этом один из важнейших вопросов заключается в ответе на вопрос, где данное сущее находит форма своего существования – в сфере материального, объективного, или идеального, субъективного. Гносеология же должна ответить на вопрос, как отражается сущее и формы его существования в сознании познающего субъекта; насколько адекватен идеальный образ материально-вещественному содержанию предмета. Проводя отграничение онтологического и гносеологического, мы не должны абсолютизировать ни момент онтологического, ни момент гносеологического, не должны впадать ни в чистый онтологизм, ни в чистый гносеологизм.

Исходя из этих методологических предпосылок, следует различать собственность как материальное отношение, существующее вне сознания, и представляющее совокупность всех объективных условий человеческого материального производства, или человеческой жизни. Существенным моментом здесь является то, что если эти объективные условия существуют только вне сознания, то они и не схватываются мышлением, не осознаются. Тогда, когда они начинают осознаваться, они начинают приобретать уже сущностно иную сферу своего бытия – в сознании познающих индивидов. Отсюда следует, что ленинское положение о производственных

отношениях как объективных, так как они складываются, не проходя через сознание человека, нуждается в существенном уточнении. Объективность отношений заключается не в том, что они складываются, не проходя через сознание, а в том, где они могут находить формы своего бытия. Если в сознании – то они идеальны, если вне сознания – то они объективны. Производственные отношения, как это мы отметили несколько ранее, есть диалектическая противоположность производительных сил. Будучи рассматриваемая вне своего иного, т. е. как абстракция, она может находить формы своего бытия исключительно в сознании. Поэтому, когда собственность рассматривается как совокупность производственных отношений, как некоторое обособленное производственное отношение, или как мифическое ядро системы производственных отношений, то вопреки устоявшимся воззрениям на природу собственности, мы считаем, что здесь отношения собственности выступают исключительно идеально.

С другой стороны, отношения собственности могут складываться и, не проходя через сознание, т. е. когда индивид не мог осознать природу этих отношений, либо они выступали в неистинном свете. Но в любом случае эти отношения существовали и как идеальные, хотя и в искаженном, превращенном виде. В противном случае нельзя вести речь о том, что человек выделился из природы как человек разумный (*homo sapiens*). Существование неверно понимаемых отношений собственности не дает основания говорить о том, что эти отношения не существовали идеально вообще. Если человек выделился из природы, то он осуществляет уже разумную трудовую деятельность, которая есть деятельность осознающего и себя, и свои поступки субъекта. Как нам представляется, К. Маркс допустил существование объективных мыслительных форм (*objektive Gedankensformen*), тем самым не став материалистом на деле [16. Т. 23. С. 86; 51. S. 90]. Признак объективности был ограничен общественной значимостью, а не определен сферой бытия. Но ведь общественно значимое может и осознаваться индивидом, а, следовательно, существовать в сознании человеческих индивидов. Здесь же К. Маркс говорит о мистицизме товарного мира, о его чудесах и привидениях, окутывающих туманом продукты труда при господстве товарного производства. Однако в первую очередь этот идеалистический мистицизм был допущен самим Марксом.

Далее, Маркс всегда пытается брать явление исключительно объективно, хотя и критиковал материализм Фейербаха именно за это, что мы также указали в начале нашей работы. Обмен товарами, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы [16. С. 178].

Все сказанное в полной мере относится и к формам движения собственности: присвоению и отчуждению. Формы движения, как и структурное отношение собственности, находят свои формы существования как вне сознания, т. е. объективно, так и в сознании познающего этот объективный мир человеческого индивида.

Присвоение и отчуждение образуют диалектические противоположности собственности как целостности со стороны форм ее движения. Собственности как структурному отношению противостоит не-собственность, т. е. ее отсутствие, лишенность собственности. Последнее исключает бытие человека как индивидуально самовоспроизводящегося, как субъекта своих собственных изменений. Отсутствие собственности в обществе превращает индивида в часть целого, которое лишается своих сущностных черт индивида. Если общество желает развиваться как общество индивидов, то оно обязано дать возможность развивать институт индивидуальной собственности. По отношению к обществу в целом эта индивидуальная собственность всегда принимает черты частной собственности. Поэтому ни капиталистический способ производства, ни социалистический не должны игнорировать, а тем более подавлять институт частной собственности. Более того, даже тогда, когда собственность социализируется, т. е. становится общественной в рамках всей социальной структуры, тем не менее, она должна быть толерантна к частной форме собственности.

Коммунистическая же идея собственности как полное лишение частной собственности есть крайняя форма социализации собственности, когда индивиды лишаются в обществе средств своего собственного воспроизводства. Эта форма несостоятельна на более развитых этапах существования человеческой цивилизации. Ведь вся история становления мировой цивилизации в своей сущности есть процесс становления, выделения индивида из общества, в котором он пребывал в аморфном, растворенном состоянии, есть

процесс индивидуализации, преодоления *стадного, роевого* (Л. Толстой) сознания, приобретение и осознание своей самоценности. В то же время, мы не сторонники отбрасывания коммунистической идеи вообще. Более того, коммунизм уже состоялся в прошлом, например, в первобытнообщинном способе производства, и даже в период так называемого военного коммунизма в России. Но это ступень и идея не будущего устройства общества, а его прошлого. Коммунизм был необходим на тех этапах становления человеческой цивилизации, когда индивид мог сохраниться исключительно как растворенный член стада, примитивного сообщества. Вопрос сохранения индивида сводился целиком и полностью к сохранению рода. И здесь индивид всегда приносился в жертву сообществу. Поэтому мы не исключаем, что принципы коммунизма опять приобретут актуальность, если сообщество постигнет всеобщая беда, связанная с нехваткой необходимых средств существования. Хотя роль насилия и сохранится, все равно распределение необходимого продукта будет осуществляться по коммунистическим принципам равенства. Более того, в России в 1991 г. распределение еще не отошло полностью от коммунистических принципов. И это при том, что существует система денежного обращения. Ведь в период всеобщего денежного дефицита, когда повсеместно вводятся продовольственные карточки, распределение осуществляется подушно, всем поровну. Ибо само наличие денежной массы у определенной части населения еще ничего не говорит, так как их невозможно отоварить. Коммунизм – это состояние примитивного состояния человеческого бытия и утопического мышления. Человек всегда есть, прежде всего, индивид, т. е. частное лицо.

Безусловно, мы не отрицаем и самого института индивидуальной собственности. Но отрицанием частной собственности, тем самым отрицается частная жизнь индивида. В результате ни частное присвоение, ни всеобщее-общественное присвоение не разрешают проблему отчуждения индивида. Налицо противоречие не только бытия человека, т. е. онтологическое, но и противоречие познания противоречивой картины мира. Это противоречие мышление должно *вынести*, осознать и усвоить.

Как нам представляется, ни одна из этих крайностей не может реально существовать в практике человеческого бытия. Будучи

взятыми в своей абсолютной оторванности друг от друга, они не могут опосредоваться, ведут себя как действительные крайности, как писал К. Маркс, на примере действительных крайностей труда и капитала.

Но именно здесь и лежит еще одно из великих заблуждений К. Маркса. Противоположности, если они предполагают внутреннее единство, могут опосредоваться, если они есть действительно диалектические противоположности. Труд и капитал в действительности постоянно опосредуются. Более того, сам процесс их опосредования есть не что иное, как проявление их действительной жизни. Точно также и упование исключительно на частную форму присвоения, как и на коммунистическую форму, есть момент бытия жизни индивида, лишенный его жизненности.

Надо отдать должное гению К. Маркса в том, что он диалектически рассматривал переход от частной *формы* собственности к коммунистической. Однако этот переход у него фаталистически заканчивается становлением так называемой всеобще-общественной формы собственности. Эта форма присвоения условий своего собственного бытия в обществе есть полное отрицание частной собственности. В отрицании последней К. Маркс видел и преодоление отчуждения в обществе.

Однако практика экономической политики, ориентированной на отрицание частной собственности, например, в период военного коммунизма или в период развитого социализма в СССР, наглядно показала, что отчуждение в обществе не было преодолено. И главное здесь в том, что человек был лишен собственности на средства производства, т. е. игнорировался институт частной собственности.

Как нам представляется, отчуждение может быть преодолено только в том случае, когда каждый [подчеркнуто авт.] член общества является реальным носителем отношений собственности на условия своего собственного воспроизводства. Безусловно, это имеет место и в коллективных и во всеобще-общественных формах присвоения. Однако они существуют не сами по себе в своей самодостаточности, а как момент частного присвоения. Следовательно, общенародная форма собственности, которая всегда может принимать форму государственной формы, не должна также отбрасываться в практике осуществления экономической политики.

Ее существование само становится формой развития частной формы присвоения. Точно также развитие частной формы собственности есть не что иное, как становление, по-Марксу, всеобщей частной собственности. Все искусство политического руководства сводится в этих проблемах к нахождению оптимального соотношения этих действительных противоположностей в практике хозяйственного руководства. Исходя из этого, идея, которая способна синтезировать эти два начала, есть идея социалистического хозяйствования. Однако социализм, теперь уже в нашем понимании, ничего общего не имеет с некоторой первой фазой коммунизма. Социалистическое устройство предполагает наличие форм частной собственности и ее противоположности – общенародной формы в ее политическом выражении – в наличия государственной. Член социалистического общества это, прежде всего, свободный собственник условий своих собственных сил, своей мощи условий воспроизводства. Общество не может ни нивелировать своих членов, ни наоборот, ограничивать их возможности развиваться. Пределом здесь могут быть только ограничения, которые вытекают из собственной природы человека, из его возможностей и желания не в ущерб другим членам сообщества. Формы общенародного присвоения должны не подавлять частные формы, а, наоборот, создавать условия для развития индивидуальностей. Частная собственность в своем развитии постоянно порождает элементы дифференциации, она взламывает имеющееся равновесие. Однако внутри себя она столь же постоянно порождает элементы выравнивания через свою противоположность – общенародную собственность. Формы общенародного присвоения как бы сглаживают накапливающуюся дифференцированность в развитии своих индивидов, придают устойчивость системе, повышают как бы социальную энтропию системы.

Подобное общественное устройство Н. Бердяев охарактеризовал как индивидуалистический социализм. Здесь в центре проблемы стоит человек, осознающий свою самоценность. Можно назвать это общественное устройство и гуманистическим социализмом. В этом обществе ценность индивида не может быть принесена в жертву всему обществу. И, как выражался Туган-Барановский, если признана бесконечная самоценность индивида, то она не может быть ниже самоценности всего общества. Ибо бесконечность не становится больше от того, что она умножается на какое-то определенное число.

Собственности и коммунизму, который есть отрицание частной собственности, по-Марксу, мы противопоставляем другое диалектическое противоречие – частная собственность и всеобщественная собственность, или общенародная собственность. Взятые в своей абстрактной всеобщности, они могут находить формы своего существования исключительно в сознании, а переноситься на реальную действительность в форме утопий. Поэтому коммунизм имеет право на существование как форма утопического мышления, как форма выродившейся крайности этого диалектического противоречия – частной собственности и общенародной собственности. Но точно также и абсолютизация частной собственности способна дать пищу для схоластических робинзонад, которые не имеют ничего общего с потребностями действительности.

Проблема оптимального соотношения размеров видов собственности в обществе не может получить своего окончательного теоретического разрешения. Теоретического уже потому, что эту проблему следует рассматривать исторически. Каждая формация требует определенного оптимального выражения. Это проблема науки, и разрешить ее может только сама теоретическая экономия. Проблема же практики разрешается самой практикой, приобретая формы постепенного эволюционного изменения соотношения при национализации отдельных предприятий или их приватизации, либо в форме радикальных изменений, которые сопряжены, как правило, с изменением социально-политического устройства общества в результате социальных революций. Эти изменения в отношениях собственности могут быть оценены исключительно в координатах роста благосостояния его граждан, росте общественного богатства, большей реализации принципов справедливости при распределении национального богатства и национального дохода. Одну тенденцию тем не менее следует отметить. Большее социальное равенство дает больший простор для развития свободной личности, что возможно, скорее, в гражданском обществе. Таким образом, неравенство и экономический рост обнаруживают тесную корреляцию. Современное освещение в науке или иной популярной литературе этой проблемы неизбежно сталкивается с чрезмерной политизацией в обществе. Следует признать, что эта политизация, которая затрагивает и теоретические исследования, проявляется в том, что обнаруживаются

глубокие расхождения между выводами экономистов и реальной статистикой. Выход следует искать в расширении поля исследований и втягивании в это поле наряду с экономистами социологов, политиков, демографов. Тем самым будет преодолеваться ограниченность узкого ведомственного подхода к исследуемой проблеме, и все в большей мере утверждать себя в серьезных междисциплинарных исследованиях принцип целостного подхода.

Так, согласно теории капитала Маркса неравенство становится фактором формирования капитала на одном полюсе и обнищания наемных рабочих на другом. Это неравенство базировалось на нарушении принципа справедливости распределения полученного дохода. Накопление сбережений позволяло за счет снижения текущего потребления рабочей массы трансформировать эти накопления в инвестиции, в расширенное производство. В этой модели естественным ограничением такого экономического роста стал сам капитал, который неизбежно наталкивался на ограниченность совокупного спроса. Следовательно, можно сформулировать вывод: согласно воззрениям классиков экономической мысли неравенство в обществе стимулировало экономический рост, по крайней мере, на начальном этапе. Однако исследования, проведенные в последние годы как в России, так и за рубежом, показывают уже иные результаты.

Современные модели развития в работах некоторых экономистов рассматривают норму сбережений как функцию накапливаемого дохода, вводя в научный оборот понятия предельной нормы потребления и предельной нормы сбережения. И если первая обнаруживает тенденцию к понижению на основании так называемого психологического закона Кейнса, то предельная склонность к сбережению обнаруживала тенденцию к возрастанию. Это отчетливо просматривается, если рассмотреть предельно тавтологичную модель Дж.М. Кейнса о равенстве единицы предельной склонности к потреблению и предельной склонности к сбережению.

Исследования последних лет, в частности, работы Галор, Зейра, свидетельствуют о противоречивости влияния неравенства на экономический рост. Тенденция к большему уровню социального равенства в обществе при несовершенстве рынков кредита в достаточно богатых странах стимулирует инвестиции в человеческий капитал и увеличивает темпы экономического роста. Этому способствует

наращивание совокупного спроса за счет развертывания и реализации программ не только социальной помощи, но и крупных постоянно возрастающих инвестиций в человеческий капитал. Одновременно следует учитывать в моделях экономического роста, что усиление тенденций в обществе в направлении к большему социально-экономическому равенству снижает социально-экономическую напряженность в обществе, подрывает тенденции к разрушительным формам перераспределительных процессов в результате социальных катаклизмов.

Последнее в современной России превратилось в важнейшую социально-экономическую и политическую проблему. Уровень социального неравенства в России уже превысил все предельные границы. Неравенство в распределении имущества, доступа к национальным ресурсам не может найти никакого разумного объяснения, кроме неадекватности и близорукости социально-экономической политики, проводимой в стране со времен президентства Б.Н. Ельцина. Общество, построенное на принципах социально-экономической несправедливости в распределении национального богатства и допуска к использованию этого богатства, обречено на стагнацию, ориентация на рентные доходы без соответствующего внимания к нуждам простых наемных работников таит опасность социальных конфликтов. Это в свою очередь, формирует социально-экономическую базу для социального напряжения, недовольства, требований к выравниванию доходов, наконец, формирует почву для терроризма в стране. Попытки максимизировать эффект усмирения за счет наращивания полицейского аппарата принуждения при всей необходимости существования этого института не может обладать признаками достаточности в при формировании социально устойчивого общества. Эта армия силовых структур, если проанализировать статистику последних лет, обнаружила явно выраженный тренд к увеличению, что свидетельствует о формировании признаков полицейского государства. Декларации о развитии свободы и формировании тенденций либерализма уже не могут быть отнесены к фиговому листку, прикрывающему истинные тенденции развития российского общества. Экономический рост и развитие имеют предельно ограниченные возможности в стране, которая утратила признаки свободно развивающейся нации.

Если не придерживаться предельно обедненного понимания класса, которое еще имеет место в российской политической науке, а несколько расширить объем этого понятия в том направлении, которое было задано в свое время российским исследователем Ключевским, то можно с полным правом отнести к новому классу российскую бюрократию, которая приватизировала рентные доходы и сформировала свое особое отношение к формам их получения, распределения и использования. Этот класс, или социальное российское сословие, стал занимать особое место в сформированных отношениях собственности, превратив институт государства в свою частную собственность. Он максимально использует имманентно принадлежащей специфических ресурс, т. е. власть, властные функции по распоряжению объектов национального богатства, который вполне логично вписался в структуру отношений собственности. По расчетам академика Д.С. Львова, в современной российской экономике только около 15 % чистого дохода создается трудом, остальные 85 % есть рента от продажи народной собственности. И именно этот класс современной российской бюрократии определил свое отношение к этому богатству и механизму его извлечения.

Не следует сбрасывать со счетов и такой фактор, как эгоистическая заинтересованность наемного работника в получении дохода от продажи своей рабочей силы. Речь идет о количестве возмещения. Если размер тарифной ставки становится малым, то у работника не только формируется отрицательное, негативное отношение к процессу производства, формам политического обустройства, которые законодательно оформляют это состояние, придавая ему статус закона, но и утрачиваются стимулы к труду. Простые модели классической школы уже не срабатывают в новых социально-экономических условиях. Работники не только начинают активно выражать свое недовольство, но и снижать трудовую активность, свертывать интенсивность, переходя на новый, полуплюмпенский режим существования. Свободное время становится альтернативой трудовому времени, которое оплачивается недостаточно относительно тех выплат, которые получают имущие или коррумпированное чиновничество. Как отмечает по этому поводу Людвиг фон Мизес: «Затраты труда считаются в тягость. Не работать считается более привлекательным, чем работать. Люди работают только в том случае, если ценят отдачу

от труда выше, чем уменьшение удовлетворения, вызванного сокращением досуга. Работа подразумевает отрицательную полезность» [27. С. 124].

Если принять эти послышки в качестве исходных в дальнейших выводах, то станет очевидным и то, что общество, в котором основным источником сбережений становятся сбережения коррумпированных с институтом государства структур, натолкнется с необходимостью на ограничительные факторы своего развития. Не решив эти глобальные для российского общества проблемы, как мы полагаем, Россия будет вынуждена довольствоваться низкими темпами роста экономики за счет стимулирующего развития экспортно-ориентированных отраслей военной техники, сырья, энергоносителей с низкой добавленной стоимостью. Совокупное потребление в обществе также будет возрастать за счет наращивания потребительских расходов тех слоев российского общества, которые оказались у власти, приватизировав властные функции, а также современный класс российских приватизаторов ельцинского периода.

Решать проблему экономического развития страны Россия может на путях обеспечения наращивания совокупного спроса за счет резкого наращивания инвестиций в человеческий капитал, ограничения аппетитов властных государственных структур за счет более жесткой борьбы с коррупцией, а также переориентирования рентного дохода в пользу национального бюджета, довольствуясь не налоговыми изъятиями части чистого дохода, а полным его изъятием, за исключением части прибыли, которая и будет справедливым вознаграждением магнатам современного сырьевого бизнеса. Однако это возможно только в свободной экономике, в которой конкуренция скорее станет нормой, а монопольное положение исключением. Ориентировав экономику на поиск прибыли, разрушив тенденции на поиск ренты, можно сформировать принимаемое обществом как справедливые требования, которые найдут поддержку у россиян. В этом отношении весьма примечательна мысль Людвиг фон Мизеса об истинной цели материального и духовного производства в обществе. Суть этой идеи можно выразить как целевую функцию, ключевую парадигму развития человеческой цивилизации: «Не существует веских возражений против определения человеческой деятельности как стремления к счастью» [27. С. 17].

Вывод же С.Кузнеца о том, что относительно низкая дифференциация населения по величине доходов характерна для беднейших и высокоразвитых стран, оказался на практике иллюзией, по крайней мере, для России. Неравенство в доходах возрастает на ранних стадиях экономического развития и не снижается на более поздних стадиях, вопреки С. Кузнецу, опять же применительно к России. Но тем и ценна теория национальной экономики, что она не довольствуется общими, абстрактными моделями, преодолевает космополитизм общей экономической теории, как учил в свое время её основоположник Ф. Лист, в частности макроэкономики, и учитывает особенности национального грунта. Это станет возможным только на основаниях достижения большего социального равенства в обществе, что позволит сделать вывод о равенстве как факторе социально-экономического роста и развития.

Общая и частная экономическая политика в присвоении

Под экономической политикой обычно понимается комплексная система мер, инструментов, методов приемов воздействия экономических субъектов на экономическую ситуацию, позволяющих обеспечить реализацию стратегических и тактических целей. Это системное образование инструментов и механизмов базируется на соответствующей теории взглядов, на традициях, доктринах, политических программах, а также экономических предрассудках и ложных ценностях. Все это образует своего рода идеологическую платформу экономической политики экономических субъектов по отношению как к контрагентам, так и институтам государства.

Макроэкономический анализ позволяет присущими ему методами выделить следующие основные экономические субъекты, реализующие свою частную или публичную экономическую политику: государство с его важнейшими институтами в форме министерств, центрального банка, налоговой, таможенной служб и т. д., а также домашние хозяйства, бизнес, внешний мир экономики. У каждого экономического агента формируется особое отношение как друг к другу, так и ко всеобщему в лице государства. Последнее формирует правила поведения на экономическом пространстве. Экономическая политика может рассматриваться в разрезе времени, пространства, приобретая формы инвестиционной политики, региональной политики.

При этом одни и те же инструменты могут приводить к разнонаправленным результатам в рамках реализации экономическими субъектами своих стратегических или тактических целей. Например,

таможенная политика государства реализуется в осуществлении фискальных функций. Доход государственного бюджета может пополняться как налогами на прибыль предприятия, так и таможенными платежами. Прибыльность предприятия напрямую зависит от налоговой нагрузки, ибо налоги есть вычеты из валового дохода предприятия. Таможенные платежи также есть налоговая нагрузка в широком понимании этого понятия, они учитываются в издержках, которые относятся на себестоимость внешнеторговых операций. Тем самым это относительно увеличивает при прочих равных условиях доход предприятия, который подлежит обложению налогом на прибыль. Однако при высоких экспортно-импортных пошлинах валового дохода, который подпадает под налогообложение налогом на прибыль, может не только увеличиться, но и уменьшиться до такого уровня, при котором внешнеторговая деятельность предприятия уже становится неэффективной. Следовательно, одни и те же инструменты могут приводить к разнонаправленным по своим целям видам экономической политики как государства, так и бизнеса. Экономическая политика государства, которая реализует фискальную функцию государства, может иметь диаметрально противоположные результаты – как увеличение поступления доходов в бюджет, так и их уменьшение. Становится лишним основанием утверждение о некоторой единой экономической политике государства, которая не учитывала бы разновекторность поведения всех участников внешнеторговой деятельности, например.

Современное состояние экономической теории констатирует осуществление противоречивого процесса воздействия институтов государства на экономическую ситуацию в стране. Однако нельзя не принимать во внимание того положения, что роль мер государственного воздействия на экономику в последние годы возрастает.

Если обратиться к истории, то можно отметить тот факт, что до 18 века государства были весьма далеки от того, чтобы заполнить собою все социальное пространство. Оно, как пишет по этому поводу Ф. Бродель, не обладало той дьявольской силой проникновения, какую ему приписывают в наши дни, у него не было средств для этого. Города-государства, игравшие до государств территориальных первые роли до самого начала 18 века, были тогда целиком орудием в руках своих купцов [4. С. 44, 45].

Это дает основание для утверждения, что в формировании экономической политики в государстве исключительная, доминирующая роль отводилась предпринимательским структурам купечества. Само государство с его аппаратом принуждения и насилия было используемо купечеством в своих частных корпоративных целях. Только на определенном историческом отрезке времени, когда начинают формироваться территориальные государства, ситуация в соотношении экономической политики предпринимательских структур и экономической политики институтов государства начинает постепенно меняться. И этот процесс не протекал однозначно и непротиворечиво. Первым территориальным государством, в котором удалось сформировать национальный рынок и национальную экономику можно определить Англию, которая довольно рано перешла под власть купечества после революции 1688 года. Это проливает ясность на то, что в доиндустриальной Европе мощь политическая и мощь экономическая совпадали. Карта мира-экономики с перенапряжением центральных зон и его концентрическими различиями вообще-то соответствовала политической карте мира [16. С. 45]. Следовательно, можно говорить о наличии существенных различий экономической политики государств с развившимся национальным рынком, экономической политикой государств с развитой экономикой и экономической политикой государств с развивающимися рынками, незрелыми рыночными отношениями.

Содержание экономической политики вообще определяется как внутренними, т. е. эндогенными условиями, так и экзогенными факторами. Экономическая политика в своей реализации предполагает многообразие форм своего проявления, исходя из требований всеобщего, т. е. государства с его институтами, бизнес-структурами, населением, мировым окружением, требований особенного, как например, учет исторически достигнутого уровня зрелости, развитости рыночных институтов, так и единичного, что проявляется в экономической политике отдельного предприятия или конкретного государства на конкретном этапе реализации реформ. Можно сделать вывод, что каждый макроэкономический агент вырабатывает свою, адекватную ему экономическую политику. Поэтому следует различать экономическую политику общую, которая включает в себя совокупность и взаимообусловленность экономических политик всех экономических агентов, в том числе и института государства.

Эта общая предельно экономическая политика приобретает признаки всеобщности.

Политика экономическая конкретного экономического агента есть политика единичного, или части всего многообразия общей экономической политики. Она представлена в форме государственной экономической политики и политики частных экономических агентов. Это дает основания для утверждения, что понятие «общая экономическая политика» есть понятие родовое по отношению к объему понятия государственная экономическая политика, соотносясь как целое–часть. Поэтому общая экономическая политика не направлена на решение конкретных задач конкретного макроэкономического института, например, населения страны. Общая экономическая политика, скорее, формирует вектор развития экономики, определенное правовое поле, создавая преференции и ограничивая присущими государству инструментами и механизмами нежелательный поворот в развитии. Отдельные экономические субъекты реализуют самостоятельно выработанную ими на основании понимаемых ими ценностей частную экономическую политику. Государственная экономическая политика становится при этом как рядоположенная экономическая политика, хотя ее влияние на всех экономических субъектов будет доминирующим фактором.

Дискуссионным моментом остается проблема соотношения общей экономической политики, частной экономической политики и государственной экономической политики. Встречающееся в монографической и учебной литературе утверждение о том, каждый субъект хозяйственной деятельности от домашнего хозяйства до институтов государства является проводником своей собственной политики, ибо каждый руководствуется своими собственными целями и применяет свойственные ему инструмент, нуждается в серьезном уточнении.

Государственная экономическая политика, как выражение требований всеобщности социально-экономического окружения, не может существовать вне единичного, т. е. требований объективного развития его частей. Всеобщее может находить формы своего бытия исключительно в конкретном, единичном, т. е. частном. Государственный интерес не может выражать иное, как интерес всеобще-общественный (*die Allgemeingessellschaftliche*), по-Марксу.

Следовательно, утверждение о доминировании государственного интереса в противовес частным интересам в их облики необходимого, закономерного, т. е. всеобщего уже в рамках государственной экономической политики не может быть признана состоятельным. Здесь вообще становится некорректным применение и употребление термина «доминирование». Всеобщее не доминирует, оно выражает в своей всеобщей форме требования единичного, т. е. частей. В противном случае, исследование опускается на метод примитивного механического детерминизма.

Интересы части получают своё выражение в государственном интересе, но это совсем не означает, что интерес частный совпал с интересом государства. Часть не есть целое. Часть может осуществлять и проводить свою оппортунистическую экономическую политику. И если вектор этой частной экономической политики отдельного экономического субъекта будет разнонаправлен с вектором общей экономической политики, то эта частная экономическая политика должна быть признана неадекватной.

Это утверждение в полной мере относится и к государственной экономической политике. Последняя в форме политики, осуществляемой институтами государства, например, центральным банком страны, институтом таможенного дела, правительством не соответствует требованиям всеобщности, т. е. существенным экономическим взаимозависимостям и связям. Государственная экономическая политика должна не доминировать над общей экономической политикой, а адаптироваться, видоизменяться, отражая требования объективного развития национальной экономики. Экономическая политика, понимаемая нами как требования всеобщего применительно к особенному и единичному, частному, должна не сводиться к деятельности государственных органов власти и управления, а относиться ко всей совокупности экономических субъектов в обществе, как занятых в процессе воспроизводства материальных условий жизни, так и институтов общественного и государственного управления.

Теория стоимости и ее противоречия

Трудно даже представить себе все множество книг, монографий, критических исследований, которые были посвящены проблемам стоимости или, как ранее называлось это понятие – ценности. Если попытаться резюмировать все написанное и сказанное по этим проблемам стоимости-ценности, то, как нам представляется, они сводятся к двум великим теориям: теории предельной полезности и трудовой теории стоимости. И ни одна теория – ни теория трудовой стоимости, ни маржиналистские теории не могут отбрасываться, отвергаться, пока не раскрыта мера адекватного их отражения экономических явлений.

Многие попытки авторов, которые предпринимали усилия по развитию своих идей, можно охарактеризовать как попытки совершенствования теории в ее прежних границах. Это особенно характерно для политической экономии в СССР в период так называемого развитого социализма. Хотя первые попытки приглаживания, причисления марксовской теории стоимости и прибавочной стоимости предприняты гораздо ранее. Все это не могло привести к прорывам в экономической науке. Более того, преодолеть марксову теорию стоимости самим Марксом – это попытка разрешить проблему средствами, которыми эта теория не располагает. Уже в исходных своих посылах в марксизме были начисто отброшены те положения, которые только и могли дать разрешение теории стоимости. При этом мы не склонны полагать, что марксова теория стоимости есть нечто, не заслуживающее внимания. Это великое учение, оставившее огромный след в становлении процесса познания, осмысления мира,

общественного бытия, теория, которая практически стала в определенной мере теоретической базой в построении обществ, воплощающих на практике социалистическую идею. Оставив в неприкосновенности исходные посылки марксизма, современные исследования весьма часто только возводили догматы в степень, хотя на словах заявляли о преодолении догм теории марксизма. Критика марксизма с позиций марксизма есть не более как догматическая критика. Она всецело находится во власти исходных догм, преодолевая лишь поверхностные изъяны, находя противоречия в отдельных местах. Эти приемы критики не затрагивают другие, более фундаментальные теории. Здесь забывается, однако, что развиваться теория может только благодаря своей истинной противоположности, а не мнимой, несущественной.

Предпринимая попытку критического осмысления теории стоимости Маркса, мы, тем не менее, меньше всего склонны отбрасывать ее. Это будет так же неистинно, как и отбрасывать теорию предельной полезности. Следует непредвзято отметить достоинства и недостатки теории субъективной ценности с позиций марксовской теории стоимости, и марксову теорию стоимости с позиций теории предельной полезности.

Хотя попыток критического осмысления противоположных взглядов было предостаточно, можно, тем не менее, отметить следующее. Если, например, Бем-Баверк подверг критическому осмыслению основные постулаты марксовской теории стоимости, что не потеряло своей актуальности и на сегодняшний день, то теорию субъективной ценности, выдвинутой К. Менгером, он принимал и отстаивал некритически. Это в полной мере относится и к современным критикам маржиналистских теорий с позиций марксизма. Обе стороны оставались, на удивление, глухими друг к другу. Видимо, истоки данного положения кроются в том, что отношение к теории всегда несет в себе свою оценку. Теория, раскрывающая отношение к предмету, должна как бы освобождаться от субъективной оценки. Но она должна учитывать этот момент, не смешивая его с теоретическим отношением к предмету. Как писал в свое время М. Вебер, всегда следует различать субъекта эмпирического, который оценивает предмет, и субъекта трансцендентального, который преодолевает первое оценочное отношение, раскрывая истинное

теоретическое знание. Как нам представляется, марксистская политическая экономия не только не усвоила это положение М. Вебера, Г. Риккерта, но и приняла прямо противоположную точку зрения. Оценка субъекта с позиций его социального положения, его интересов стала объявляться научной. Более того, апофеозом этого недоразумения стал так называемый принцип партийности, как критерий научного осмысления. Широкое начало этому положил в свое время В.И. Ленин, провозгласив принцип партийности в научном объяснении мира.

К. Маркс критиковал наемных писак, но и у него вся теория строилась, как нам представляется, под давлением исходных идеологических догм. Только этим можно объяснить то парадоксальное положение, что, несмотря на очевидные огрехи теории, она продолжает жить, находить своих адептов, последователей и продолжателей. Это в полной мере относится и к теории К. Маркса. Она не столько отражала мир, сколько выступала как идея справедливости, равенства, оправдывая чувства, чаяния, надежды. Она позволила увлечь мир за собой, оставив при этом на нем неизгладимый шрам.

Будучи односторонним отражением объективной реальности, теория стала доступной для миллионов непосвященных. Критически же, – мыслящих оппонентов она не только проигнорировала, но и противопоставила силе критики само насилие. Это обрекло марксизм в СССР на беспомощность и теоретическую несостоятельность по многим направлениям. Поэтому станет пророческим высказывание С. Франка о том, что система К. Маркса не может быть разрешена критикой отдельных положений, подобно творениям всех великих умов, она обладает значением, которое не исчерпывается значением входящих в нее концепций. Поэтому она не уйдет с исторической теоретической арены даже после того, как будет теоретически преодолена (2). Слишком много в обществе людей, которых эта теория устраивает. Она позволяет теоретически объяснить, исходя из классовых, партийных интересов, мир, выдавая его в теории не таким, какой он есть в действительности, а таким, каким его хотелось бы видеть некоторым членам сообщества, чье видение мира соответствует их интересам и потребностям, навязывая свое видение справедливости, рациональности всему иному миру.

Если быть более категоричным в выводах, мы скажем, что чем более настойчиво проводился принцип партийности в политической экономии в качестве научного принципа, тем более она была далека от науки. Этим объясняется и живучесть не только марксизма, но и других идей, например, идей Христа. Но если следование принципу партийности в политической экономии объективно препятствовало предвзятому научному исследованию, то нельзя было ожидать от нее каких-то серьезных прорывов в разрешении проблем стоимости-ценности.

Существовала еще одна крайность, которая также не способствовала развитию теории – полное отбрасывание самих проблем теории. Они как бы не замечались, вопрос объявлялся надуманным и не заслуживающим внимания. В. Парето, например, писал по этому поводу: «Отныне можно сказать, что всякий экономист, ищущий причину стоимости, тем самым обнаруживает свое полное непонимание синтетического явления равновесия. Вопрос о том, почему капитал приносит прибыль, не более сложен, чем вопрос, почему вишневое дерево приносит вишни» [цит. по: 17. Т. 1. С. 45]. Стоимость-ценность изгонялась из теории вообще, проблема игнорировалась, а не разрешалась. Оставались невыясненными принципиальные вопросы, а именно: что есть основание цены, какова природа дохода?

Критика маржинализма описана довольно удовлетворительно в марксистской политической экономии, поэтому мы не будем повторять основные положения теории субъективной полезности. Но фактом остается то, что только редкостью или нужностью нельзя объяснить основание цен товаров и услуг. По крайней мере, ситуация, когда спрос равен предложению имеет место в процессах обмена. По тому, что товары обмениваются как носители потребностей людей, возражать нельзя. Но как оценить количественную норму обмена, т. е. само соотношение? Игнорировать затраты труда в их общественно необходимой мере было и теоретически и практически несостоятельно. Но у К. Менгера ценность – значение, которое для нас имеет конкретные блага или количества благ, вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении. При этом блага у К. Менгера подразделяются на экономические блага – продукты труда – и внеэкономические – добровольные дары природы [18. С. 77]. Ценность

начисто изгонялась из свойств продуктов обмена. Ценность не есть нечто присущее благам, но также и несамостоятельная, не сама по себе существующая вещь. Ценность – это суждение, которое хозяйствующие субъекты имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и поэтому вне их сознания не существует. Есть вещи, количество их, а ценность есть нечто существующее от них отличное, именно суждение, которое хозяйствующие индивиды себе составляют о значении [18. С. 86]. Сказано предельно определенно. Ценность есть оценка субъекта как качества, так и количества благ, которые удовлетворяют потребности. Это есть исключительно субъективное отношение.

Здесь следует отметить следующее. При всей противоречивости теории предельной полезности и теории трудовой стоимости К. Маркса они имеют и нечто общее. Так, К. Маркс писал о стоимости как об идеальном отношении. Но как идеальное отношение оно действительно может находить формы своего бытия исключительно в сознании индивидов. Однако у К. Маркса стоимость есть и нечто объективное, существующее вне хозяйствующих индивидов.

Следовательно, с точки зрения форм бытия, позиции обеих теорий совпадают. Не совпадают они в существенном – в объяснении природы стоимости, или ценности. Но именно в отрицании своей противоположности эти теории обедняют себя, становясь односторонним отражением действительности экономической жизни.

Марксова теория трудовой стоимости грешит тем первородным грехом, что с самого начала отмела полезность как фактор стоимости. Поэтому прежде чем исследовать вопрос «как следует понимать стоимость?» следует первоначально получить ответ на вопрос «что такое стоимость?»

Подобные углубленные исследования о природе стоимости предпринимались довольно давно. К. Маркс в «Капитале» уже приводит некоторые положения из Никомаховой этики Аристотеля, привлекая его как великого авторитета для своих доказательств. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция стоимости, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного в действительности существовать не может, – говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как нечто равное... А это человеческий труд [16. Т. 23. С. 69]. Итак, К. Маркс привлек весь

авторитет Аристотеля для того, чтобы приписать последнему то, что тот не выражал. Да, Аристотель видел в самом факте обмена наличие нечто общего. Но это общее раскрывалось у Аристотеля не в том, что продукты обмена есть результаты труда, а в том, что они есть выражение потребностей. Интересно, что и К. Менгер цитирует это же положение Аристотеля. Но он его не искажает, а приводит более полно. И здесь ссылка на авторитет Аристотеля более уместна. Должно быть нечто, что может служить мерой всего. В действительности, эта мера ни что иное, как всеохватывающая потребность, т. к., если бы не было ни в чем потребности, или же она была во всем в одинаковой мере, не существовало бы обмена благ [цит. по: 18. С. 86].

Пусть читатель сам сделает выводы о методе К. Маркса, который был применен в данной ситуации. Мы только позволим заметить себе, что ничего не следует брать на веру ни из одного учения.

Далее, следует вернуться к самому термину «стоимость», или «ценность». Как нам представляется, в советской политической экономии произошла подмена термина «ценность» термином «стоимость». Это начало было положено в свое время В.И. Лениным, когда он заявил, что Марксов термин *Wert* следует понимать как *стоимость*. В последнем, втором издании полного собрания сочинений термин *Wert* везде переводится только как стоимость. Насколько это правомочно и совпадает с истинным значением этого слова? Так, сам К. Маркс писал, что немецкое *Wertsein* (стоимость, стоимостное бытие) выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол *Valere, Valer, Valair* (стоять)... [16. Т. 23. С. 62]. Однако то, что вписано в скобках, это уже догадки переводчиков и редакторов, они не уловили истинное значение этого слова. Первые переводчики «Капитала» были ближе к истине, когда термин *Wert* переводили как ценность.

Как показал в свое время еще А.Р. Тюрго, глагол ценить (*Valair*, лат. – *valire*) первоначально имел смысл иметь силу, здоровье. Слово *valeur* означало чувствовать себя здоровым. Этот первоначальный смысл сохраняется в производных французских словах *valide, invalide, convalescence*. Исходя из слова *valeur* в значении силы, его стали употреблять для выражения воинской отваги. Слово *valior* приобрело во французском языке также значение как ценность в торговле [32. С. 173].

У классиков буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо насчитывается уже шесть значений термина ценность. При этом ценность отождествляется с самой ценой. Так, под ценностью у классиков понималось:

– потребительная ценность, т. е. полезность блага, с одной стороны, и ценовая ценность, т. е. меновое отношение между благами, с другой;

– рыночная ценность, или цена, которую они отличают от естественной, нормальной, или необходимой, ценности;

– встречается и неясное определение действительной, или реальной ценности, или цены.

У Родбертуса трудовая ценность объявляется не фактором настоящего времени, а важной народнохозяйственной идеей. Как совершенно справедливо замечает по этому поводу С. Франк, здесь смешивается то, что есть, с тем, что должно быть [34. С. 3].

Как определяет стоимость сам К. Маркс? Мы не можем найти ни одного неметафоричного научного определения. Те, которые приводятся в «Капитале», не всегда поясняют суть дела. Например, Маркс пишет, что стоимость есть призрачная предметность, сгусток лишнего различий человеческого труда, кристаллы *общей всем* товарам общественной субстанции, которая является, как нечто совершенно независимое от их потребительной стоимости.

Природа стоимости остается в теории К. Маркса одним из самых сложных и нераскрытых понятий. Она так и осталась «вдовицей Куикли», за которую он и не смог взяться, если употребить язык самого К. Маркса. Это положение было высказано еще в начале двадцатого столетия русским философом С.Л. Франком, но его критика осталась незамеченной ортодоксальной экономической наукой [34. С. 4].

Тем не менее мы полагаем, что вопрос поставлен с оскорбительной ясностью, по-Ницше – это вопрос об экономической природе стоимости, ценности. Не определять ее количественно в процессе обмена, а выяснить, что есть в своей самости, в себе и для себя, т. е. как она наличествует в действительности. Прежде всего, выясним, что есть стоимость, ценность у К. Менгера и у К. Маркса.

Мы уже приводили высказывания К. Менгера о природе ценности. Это есть значение, которое придает благу индивид, исходя

из своих потребностей, количества наличности этого блага, его доступности. Но оценка, значимость для индивида есть нечто субъективное, в результате, и результат не может быть ничем иным, как субъективной ценностью. Объективно существуют блага, потребности.

Таким образом, их ценность также имеет исключительно своей сферой – сферу сознания. Ибо оценка всегда субъективна в этом случае. Она исходит из сугубо индивидуальных потребностей и соотношения наличия благ и их качества с потребностями индивида. Здесь справедливы слова В. Зомбарта о стоимости не только в адрес марксовой теории стоимости, но и теории субъективной ценности. Гонимая стоимость имеет только одно пристанище – мышление экономиста-теоретика [18. С. 110]. Суть теории ценности, развиваемой австрийской исторической школой, заключается в том, что она пытается процессы хозяйственной жизни объяснить, исходя из психики хозяйствующих субъектов, сводит закономерности хозяйственной деятельности к психологической мотивации. Но в этом и заключено основное методологическое упущение теории предельной полезности. Субъективный момент абсолютизируется, отрывается от материально-вещественного содержания ценности, или от ее объективного момента. Следует отметить еще один методологический недостаток теории предельной полезности – ее тавтологичность. Хотя тавтологичность мы не считаем приемом ненаучным, если предмет доводится до понимания его субстанции. Так, у маржиналистов стоимость определяется потребностью, последняя – редкостью, а редкость опять же тяготеет к стоимости.

В теории трудовой стоимости разработка основ связана с именами классиков буржуазной политической экономии А. Смитом, Д. Рикардо. Свое логическое развитие оно получило в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Стоимость выступала как кристалл общественно-го труда, воплощенного в товаре. Следует отметить, что согласно данной теории в любом продукте, который продан, труд воплощен в общественно необходимой мере. Это количество нельзя выразить непосредственно в часах или минутах – оно выражается косвенно в процессе обмена в другом товаре, который стал выполнять функцию эквивалента. Здесь стоимость может изменяться только в процессе изменения общественно необходимых условий производства. В итоге стоимость оказывается обратно пропорциональной

величиной от усредненной производительности общественного труда в обществе. Стоимость, согласно этой теории, не имеет, в своей субстанции полезность. Ее основание, субстанция, есть общественно необходимые затраты труда.

К. Маркс последовательно использовал исходные предпосылки теории трудовой стоимости А. Смита и Д. Рикардо с тем, чтобы преодолеть противоречие, на которое натолкнулись классики английской буржуазной политической экономии. Принцип эквивалентности в отношениях между капиталистом и наемным рабочим все же имел место, но только в момент продажи рабочей силы. И следует отметить, что в этом моменте, исходя из теории трудовой стоимости, была раскрыта природа прибавочной стоимости. Позволим себе заметить, что проблема была разрешена в границах теории трудовой стоимости. Если же поставить под сомнение сами основы теории трудовой стоимости, то оптимизм ортодоксально мыслящих экономистов-марксистов следует несколько приглушить.

Есть достаточно оснований согласиться с одним из основателей и последователей исторической школы Карла Кнуса, что сама теория К. Маркса была и остается в самих основах противоречивой с точки зрения не только формальной логики, но и противоречивой действительности. И основной контрдовод заключается в том, что товары в действительности обмениваются, как правило, не в соответствии с овеществленным в них трудом.

Логические недоразумения начинаются непосредственно с первых строк «Капитала», в которых объявляется, что богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров [16. Т. 23. С. 43]. Ее неистинность настолько явная, что мы и не будем на ней останавливаться. Начнем с критики Бем-Баверка. Она не потеряла своей актуальности и сегодня, сколь бы нас ни пыталась убедить в обратном традиционная политическая экономия. В основе разногласий лежит стоимость и закон стоимости, поэтому мы только постараемся критически следовать за некоторыми выводами Бем-Баверка, представляя выводы делать самому читателю.

Итак, область, в которой К. Маркс желает «напасть на след стоимости», с самого начала произвольно ограничивается только теми продуктами, товарами, которые были действительно произведены

процессом труда: квартал пшеницы, сапожная вакса, шелк, золото и т. д. Здесь есть многие товары, но нет того, что действительно обменивалось, хотя и не имело стоимость, например, охотничьи угодья, сами люди в качестве рабов. С самого начала К. Маркс сознательно выбрасывает из рассмотрения товары нетрудового происхождения, чтобы затем объявить, что все они имеют нечто общее, а именно – они продукты труда. И ссылка при этом на великий авторитет Аристотеля, чести создателю теории прибавочной стоимости не придает. Даже без попытки рассмотреть другие свойства, которыми обладают товары как продукты обмена, через три страницы объявляется: «итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд» [16. Т. 23. С. 47]. Далее идет уже выяснение количественных аспектов стоимости. Но это ответ о природе стоимости не может быть достаточным, т. к. нарушены элементарные правила формальной логики. Главный вопрос остается не раскрытым. Суть не в том, чтобы найти пропорции обмена и доказать их необходимость, а в том, чтобы понять природу стоимости. И именно здесь в логике К. Маркса видится изъян, который ставит под сомнение все дальнейшие выводы теории.

Другой существенный недостаток методологии, по нашему мнению, заключается в следующем. К. Маркс с самого начала рассматривает благо, вступающее в обмен, с двух точек зрения: со стороны качества и стороны количества. Со стороны качества благо есть носитель свойств, оно есть потребительная стоимость. «Товарное тело... само есть потребительная стоимость, или благо [16. Т. 23. С. 44]. Количественный аспект рассмотрения позволяет, по-Марксу, раскрыть меновую стоимость. *Меновая стоимость* – это своего рода пропорции в обмене товарами. Из меновой стоимости К. Маркс выводит уже понятие стоимости. И здесь опять следует согласиться уже с С. Франком, что стоимость выводится из меновой стоимости, тем самым как бы предполагается, что читателям уже известно родовое понятие «меновая стоимость». Основное положение К. Маркса в том, что ценность есть общественное отношение, – что бы мы о нем ни думали, – есть, во всяком случае, положительное синтетическое, утверждающее нечто новое по отношению к понятию «ценность» и поэтому предполагающее его значение уже известным [34. С. 4].

Мы можем только добавить, что природа стоимости выведена исключительно из количества. Качество же осталось как бы за кадром. Но без раскрытия качества вещи о явлении нельзя вообще говорить что-то определенное, характеризовать его с точки зрения сущего. Поэтому вполне закономерно, что стоимость приобрела у К. Маркса форму призрачной предметности. Если же вдобавок эта призрачная предметность положена в основание теории, то и сама теория и её ценность будут страдать схоластичностью.

Проблема, тем не менее, поставлена, следует ответить на ясный вопрос: Имеет ли значимость, или ценность, марксова теория стоимости, следовательно, и теория прибавочной стоимости, и какова теоретическая ценность маржиналистских теорий? Из этого вытекает второй вопрос. Могут ли данные теории иметь нечто общее, т. е. более глубокое основание, в котором разрешаются противоречия этих противоположностей?

Как известно, теория полезности была теоретически выдвинута гораздо раньше, чем Маркс опубликовал свой первый том «Капитала». Это были работы Джевонса. Однако данная теория не была принята в расчет, а была отброшена полностью. Здесь попутно следует заметить, что все предшествующие теории следует рассматривать не как забытые памятники истории, а как пантеон образов развития теории (Гегель). Каждая из теорий отражала этап становления противоречивой целостности изучаемого объекта, в нашем случае – теории ценности, на ее конкретно-историческом этапе развития. Поэтому и ни одна теория не может претендовать на истину в конечной инстанции. Ибо, с одной стороны, сам предмет находится в постоянном становлении, развитии, а, во-вторых, осознание есть не более, чем отражение в сознании этой противоречивой природы изучаемого объекта.

Итак, могут ли данные теории иметь нечто общее, что делает их истинными в той степени, в которой они становятся не более чем моментами истины как целостности. На наш взгляд, имеют. И этот синтез лежит не в механическом интуитивном смешении, как у А. Маршалла, а в диалектическом единстве этих противоположностей. Для этого следует обратиться к самому К. Марксу. Так, в экономических рукописях К. Маркс цитирует аббата Галиани в той части, где последний сводит ценность (стоимость) к самому

человеку, к тому, что последний является ценностью и мерилем ценностей других вещей. Однако этим последний повторил известную мысль Протагора. Но существо вопроса состоит не в том, кому отдать приоритет. Главное в том, что Марксу было известно это древнее высказывание. Но если человек выступает мерой всех вещей, то в своей основе эта оценка имеет не только материальное благо, которое удовлетворяет какую-то потребность человеческого бытия, но и субъективную оценку этого блага. Здесь связь с теорией предельной полезности ощущается весьма зримо и однозначно. Связь с марксовой теорией стоимости не такая однозначная, но, тем не менее, заметим следующее. Как известно, Маркс писал о том, что субстанцией стоимости (ценности) является общественно необходимый труд. Последний же определялся им как сгусток использованной, примененной рабочей силы в общественно необходимой мере. Под последней опять же понималось некоторое воплощение, олицетворение способности производить те или иные блага. Она не была вне самого работника – работник был носителем рабочей силы как способности к труду.

Можно выразить данное положение и таким образом. Производительная сила рассматривалась как труд в себе, как потенция. Труд, напротив, рассматривался уже как рабочая сила в своем осуществлении, в тягучем состоянии. Рабочая сила была неразрывно связана с самим работником, она не могла находить формы своего бытия вне работника. Рассматриваемая вне работника, это была не сама способность трудиться, а абстракция от способности трудиться. Как абстракция она могла находить формы своего бытия исключительно в сознании познающего объективный мир индивида. Забота индивида о воспроизводстве, сохранении своей способности к труду есть забота индивида о своем собственном воспроизводстве, другими словами, о своей собственной жизни. Здесь проявляется сильнейший интерес индивида в своем собственном расширенном воспроизводстве или, по крайней мере, в сохранении самого себя и своей способности создавать самому себе условия своей жизни, т. е. свою жизнь. Поэтому любая вещь, если она втянута в сферу воспроизводства индивида, всегда чего-то стоит, т. е. имеет значение ценности. Следовательно, стоимость, в основу которой положены затраты живого человеческого труда, имеет ценность для воспроизводства

создавшего их индивида. И не играет никакой роли, создан данный продукт рукой ювелира-рабочего или это дары природы. Они необходимы индивиду для его существования, следовательно, имеют для последнего ценность.

Таким образом, обе теории имеют некоторое общее основание – самооценку индивида. Однако последняя не может проявиться непосредственно. Самоценность должна осознаваться индивидом. На поверхности экономических явлений самооценку индивида может проявиться только тем образом, что человек свою самооценку может соотнести с самооценкой другого индивида. Но последнее внешне может проявиться только в отношениях самих вещей. Отношение вещей есть лишь форма соотнесения, проявления каждой индивидуальной самооценки человека. Следовательно, ценность вещи имеет более сложную природу, чем полагали великие предшественники – создатели теории трудовой стоимости и теории полезности. Она и объективна, т. е. имеет в своем содержании объективные источники, а именно, самого индивида, и субъективную природу – ее самосознание, самооценку. В том, что ценность по своей природе явление общественное, достаточно убедиться из следующего. Можно мнить и полагать как угодно много и значимого о своей самооценке и исключительности, о своей умелости и ловкости, но она может осуществиться только путем выхождения из самой себя, т. е. путем выхождения во внешность или в окружающую ее действительность. Без этого данность не имеет абсолютно никакого значения. Она сохраняет свою полезность для индивида как средство к жизни в процессе ее употребления, пользования, т. е. проявляясь как благо, но как ценность проявиться не может. Она не противостоит другому благу, которое предлагается противоположным индивидом как предмет обмена. Когда движение ценностей, благ осуществляется на основе насилия, то и здесь ценность для другого не может проявиться, ибо, последнее отчуждается, присваивается независимо от того, соблюдается ли желание противоположной стороны приобрести или отчуждать ее в желаемых количествах. Следовательно, носителем ценности могут быть лишь продукты, предлагаемые к обмену, т. е. товары. Тем самым мы считаем явно недостаточным определение товара, по-Ленину, когда последний определяет его как продукт труда и как продукт для обмена. Первое условие становится

явно недостаточным, или случайным. Обмениваются часто не только продукты труда, но и «даровые» блага природы.

Только после того, как мы выяснили качественную природу ценности, можно приступать к ее количественным определениям. Не выяснив первого, нельзя дать законченного объяснения теории ценности вообще.

Только после того, как субстанция стоимости (ценности) была увидена нами в самоценности индивида, вбирающего в себя моменты объективного и субъективного, как действие субъекта по оценке значимости благ для его собственного бытия, его собственной жизни, и самого блага, способного удовлетворять данную потребность, можно приступать к количественному анализу стоимости (ценности). Сушностно важным является здесь то положение, что ценность не есть ни нечто исключительно субъективное (К. Менгер), ни нечто исключительно объективное (К. Маркс). Если для первого субстанция видится в самосознании, или в самооценке – духовной сфере, то для ортодоксального марксизма стоимость видится в самом материальном субстрате, а именно, затратах живого человеческого труда в его общественно необходимой мере. Но этот абстрактный труд не есть материальное образование. Абстрактный труд есть абстракция от труда конкретного, и абстракция не есть материальное образование. Сфера бытия абстракции – мышление. Поэтому вполне прав Зомбарт, когда подмечает, что эта марксова стоимость, гонимая ото всюду, находит приют исключительно в спекуляциях экономистов.

Наша точка зрения и рассуждения могут показаться ересью и для сторонников маржинализма, и для ортодоксов марксизма. Очень часто субстанция полагалась либо как момент либо идеального, вроде аристотелевской *узии*, гегелевской *идеи*, либо сводилась к некоторому материальному субстрату. Только великий ум Б. Спинозы впервые смог предположить, что субстанция имеет право на существование и в форме одухотворенной природы. Но если отбросить момент божественного бытия, то такое одухотворенное бытие может быть связано только с человеком. Именно в человеке и благодаря ему возникает новая форма движения, или существования, материи – социальная, экономическая и т. д. Человек сам рассматривается нами не просто как производительная сила или как фактор производства

другого человека, а как бесконечный модус, который хоть и есть внешнее саморазличие субстанции, но он не может рассматриваться как рядоположенный элемент субстанции. Только в человеке условия своего собственного воспроизводства приобретают свою оценку и ценность, становясь не просто благом, удовлетворяющим ту или иную потребность, соотношенную с другими благами. Но так как благо всегда есть носитель отношений собственности, то и сама собственность может быть рассматриваема как перенесение, воплощение, распространение личности на вещь (Э. Дюркгейм). Ценность всегда есть ценность собственности, следовательно, ценность какой-то личности, которая представлена посредством вещи. Самооценка вещи есть лишь превращенная форма самооценки себя в противопоставлении в процессе обмена благами с другими индивидами. И только признав за вещью ее ценность в сравнении с другой вещью (благом), индивиды находят формы оценки самих себя. Поэтому пусть не шокирует наше более резкое выражение сути этого явления: *человек всегда чего-то стоит для другого человека только, когда он вступает в отношения обмена*. Он сам только и может познать свою самоценность лишь в процессе обмена с другими индивидами, но не непосредственно, а посредством обмена условиями воспроизводства другого, а, следовательно, и себя.

Можно сказать, что и раньше человек всегда что-то значил для другого, но это значимость простиралась не далее как человека-блага, но не как человека-ценности. Следовательно, категория ценность есть категория обмена условиями воспроизводства, неважно, являются ли они продуктами труда или просто даровыми силами природы или даровыми силами общественных структур и отношений. Ценность есть единство самооценки значимости для индивида тех или иных благ и самого блага для других. Она есть взаимодействие самоосознания объекта с точки зрения его полезности и необходимости для индивида и ущербности от его отчуждения другому индивиду и самого блага или ущерба. Каждая сторона, взятая в обособленности от другой стороны, не формирует содержания понятия ценности. Это взаимодействие может осуществляться исключительно в индивиде, который не только потребляет, удовлетворяя свои потребности, но и оценивает эти блага с точки зрения необходимости блага для самого бытия, их наличия, трудовых затрат на их

воспроизводство, редкости, и многих, многих других. Человеческие потребности и субъективны, и объективны одновременно. Они порождены не только потребностями материального бытия, но и блужданием духа, что порой имеет мало общего с истинными материальными потребностями. Переносить стоимость на самого человека значит признать, что составляет некоторые кванты стоимости, а выраженные к деньгам, следовательно, и в цене. Но человека еще не выращивают в инкубаторах, не затрачивают при этом труд в общественно необходимой мере, соотношенный с механизмом рыночного оборота. Он тогда ничего не может и стоить. Но он есть одновременная бесконечная ценность в индивидуальной самооценке индивида.

Стоимость, по-Марксу, как затраты общественно необходимого труда, как сгусток лишенных различий абстрактного человеческого труда, формируется в производстве. В процессе обмена стоимость как сущность экономического явления, только выявляет себя во внешность в форме своего денежного товара. Следовательно, стоимость в марксовской теории стоимости имеет затратную природу. Чем больше эти затраты овеществленного в товаре массы труда, пусть даже и в общественно необходимой мере, от этого суть дела не меняется, тем больше вещественный эквивалент стоимости, ее субстрат. Потребительная стоимость находится как бы в стороне от анализа величины стоимости, она как бы корректирует массу стоимости, ее величину. В теориях маржинализма все ударение отводится на потребительную стоимость (ценность). Для покупателя нет особых интересов в том, какие затраты труда стоило производителю производство того или иного товара, тех или иных услуг. Его интересует полезность вещи, способность вещи приносить эффект на каждую единицу выплачиваемых продавцу средств. Здесь проявляется уже природа незатратной стоимости [13. С. 12–33]. Следовательно, ответ А. Маршалла весьма прост и убедителен: цена не может определяться на основании исключительно издержек, т. е. со стороны предложения, ни исключительно спроса, т. е. со стороны покупателя.

Следует высоко оценить идеи, высказанные А.М. Коганом по поводу становления незатратной природы стоимости. Как нам представляется, новая парадигма трудовой стоимости подрывает саму основу трудовой теории стоимости. Поэтому ее следовало

бы называть не новой парадигмой трудовой стоимости, а ее отрицанием. Хотя вряд ли можно найти удовлетворительное объяснение содержанию категории незатратный абстрактный труд или незатратная стоимость [13. С. 26].

Здесь, указывая на недостатки теории трудовой стоимости, на те теоретические тупики, преодоление которых уже стало невозможным, если исходить исключительно из «Капитала», и особенно его первой главы первого тома, отбрасывается сама теория трудовой стоимости, сколько бы автор ни подчеркивал ее выдающуюся значимость.

Затратная модель трудовой стоимости исходит из того, что стоимость, в основе которой лежат затраты овеществленного, лишенного различий абстрактного труда, формируется в самом процессе труда, собственного производства, вторая модель – стоимость определяется ее полезностью, благодатью. Каждая противоположность рассматривается в лучшем случае как корректирующий момент, оказывающий влияние на отклонение стоимости от своего истинного значения.

Диалектический синтез этих теорий все равно становится невозможным. Ценность здесь не может стать диалектическим предметным противоречием стоимости и потребительной стоимости. Мы считаем недостаточным утверждение о предметном противоречии стоимости и потребительной стоимости только на том основании, что стоимость может находить свое выражение через свою противоположность – потребительную стоимость. Устанавливаемая форма качественного выражения не дает ответ о количественном выражении самой ценности.

Можно с таким же правом утверждать, что на рынке эквивалентность проявляется не в соотношении затрат живого и овеществленного труда в максимально обезличенной форме абстрактного труда, а приравнивается их полезности для каждого. Ведь в простом акте обмена, абстрагируясь от денежной формы как посредника, мы видим, что соотносятся не только понесенные затраты, но и приобретаемые возможные блага в будущем.

Следовательно, следует видеть не столько исключительно факт обмена, исходя из понесенных затрат труда и производства или приобретаемых и отчуждаемых полезностей, сколько факт обмена уже понесенных в прошлом затрат труда и производства на будущие

полезности для обмениваемых. Другими словами, в процессе обмена фактически обмениваются продукты прошлого состояния на пользу будущего. Затраты труда и производства прошлого этапа обмениваются на блага будущего.

Теория трудовой стоимости полностью исходит из понесенных затрат прошлого труда, как живого, так и овеществленного. Теории ценности основываются на пользе будущего. Когда древний Исай менял свое первородство на чечевичную похлебку, он соотносил свое прошлое с будущим, свое прошлое первородство и свое будущее бытие. Здесь нет и намек на трудовую природу того соотношения, которое имело место в процессе обмена. В то же время обменивались не просто полезности первородства Исая и чечевичной похлебкой, а обменивались полезности прошлого и полезности будущего. Этот аспект в теории стоимости, как и в теории полезности, исследователями во внимание не принимался. Поэтому утверждать, что стоимость своей субстанцией имеет только затраты труда, которые имели место исключительно в прошлом, не имеет под собой достаточно убедительных оснований. Но одновременно нельзя основывать теорию обмена исключительно на полезностях от их будущего употребления. Имеет место, скорее всего, факт соотнесения и прошлого, и настоящего, и будущего. Трата, как прошлое значимое для производителя бытие, соотнесена с пользой присвоения (отчуждения) в будущем. И сам процесс соотнесения осуществляется на рынке. Поэтому последний дает своего рода информацию о ценности прошлого (прошлые понесенные затраты труда и производства в своей общественной необходимой мере) и ценностях будущего от присвоения продуктов обмена.

Продавец всегда первоначально выступает как индивид, предлагающий продукт своего прошлого труда и производства. Покупатель, наоборот, выступает здесь как потребитель будущих благ и преимуществ, которые получит потом в процессе пользования приобретенных товаров или услуг. Если для первого главное окупить свои затраты и получить прибыль от прошлого труда, то для второго главное – получить блага от обмененного товара. Первого интересуют потребительные свойства продаваемого им товара, а главное – прибыльность от прошлого производства, для второго – приобрести блага от будущего использования товара.

Естественно, данный уровень рассмотрения не может выявить ту субстанцию, которая сделает возможным приравнение двух товаров в процессе обмена. Для раскрытия этой субстанции следует помнить, что покупатель товара первого продавца есть в то же время продавец эквивалента первому субъекту. И он также предлагает свой товар как некоторую ценность прошлого труда и производства, с точки зрения понесенных издержек. Следовательно, здесь не могут не учитываться как затраты прошлого труда и производства как первого, так и второго субъектов рынка, так и полезности товара, находившегося в относительной форме стоимости (ценности) и эквивалентной форме стоимости (ценности).

Возникшая таким образом круговая модель рынка предполагает наличие четырех элементов: двух объектов – товаров – и двух субъектов.

Современная теория рынка позволяет выделять две сферы рынка: сферу объектов (рынков ресурсов и рынка предметов потребления) и сферу субъектов. К сфере субъектов следует отнести сферу собственно бизнеса и сферу хаусхолда. Данное деление бизнеса, в широком понимании слова, происходит на собственно сферу бизнеса и сферу хаусхолда – чисто функциональное. Сфера бизнеса здесь охватывает сферу хозяйственных единиц в промышленности, транспорте, т. е. ту организационную форму капитала, которая занята производством товаров и услуг. Сфера же хаусхолда представляет собой совокупность поставщиков ресурсов для сферы бизнеса, а на рынке товаров потребления – совокупность покупателей, потребителей всех слоев общества. Другими словами, на рынке ресурсов к сфере хаусхолда относятся собственники ресурсов, которые предлагаются бизнесу, в сфере предметов потребления – все покупатели предметов потребления.

На рынке предметов потребления сфера бизнеса производит товары и продает, а сфера хаусхолда покупает товары и услуги. Сфера бизнеса формирует предложение, сфера хаусхолда – спрос. На рынке ресурсов уже сфера бизнеса формирует спрос на ресурсы хаусхолдов, сфера хаусхолда предлагает, как собственник, необходимые товары и услуги, формируя предложение последних.

Интересы бизнеса и хаусхолда противоположны. Каждый преследует свою собственную цель: не только окупить затраты труда

и производства, но и получить достаточную прибыль. Однако это противоречие есть внешнее противоречие, так деление на бизнес и хаусхолды исключительно функциональное. В бизнесе функционируют те же самые индивиды, которые одновременно есть члены хаусхолдов. Эта проблема возникает потому, что хаусхолд как единое в современных экономиках уже не существует. Эти множества хаусхолдов вместе с множеством бизнес-структур представляют противоречивые множества.

Но если продавец старается получить прибыль от понесенных в прошлом затрат труда и производства, то покупатель только рассчитывает получить прибыль от будущего применения приобретенных товаров и услуг. Поэтому, если стоимость в теории трудовой стоимости становилась средством разрешения противоречия между трудом частным и трудом общественным, где и частный и общественный труд – это труд прошлый, – то стоимость, одновременно, оказалась не в состоянии стать формой разрешения противоречия между трудом прошлым в его общественно необходимой мере и будущими затратами (экономией) труда, издержек производства. Необходимо более широкое и глубокое основание, которое способно разрешить обозначенное нами противоречие между созданными ценностями прошлого производства и ценностями, с точки зрения их будущего употребления.

Подобной формой разрешения и движения данного противоречия становится уже не стоимость, а сама ценность, проявляющаяся на рынке в своем денежном облике – денежной оценке. В ценности неразрывно слиты и ее объектное содержание – благо, и ее субъективная оценка. Другими словами, ценность есть единство объективного содержания и субъективного оценочного знания.

Марксова теория стоимости и прибавочной стоимости положила в свою основу исключительно объективное содержание – даже не ценность, как объективно наличествующее благо, – а затраты живого и прошлого труда в максимально обезличенной форме – форме абстрактного труда. Маржинализм положил в основу субъективное содержание, оценку значимости для индивида обмениваемого блага. При этом, как мы акцентировали на этом внимание, значимость блага не сводится только к ее нужности, необходимости, но она, значимость, всегда оценивается, как писал по этому поводу К. Менгер,

ее наличностью и доступностью, возможностью беспрепятственного его присвоения. Доступность этого блага, его предложение являются системообразующим фактором его ценности. Поэтому не совсем убедительна критика тех экономистов, которые находят причины для исключения доступности блага для пользователя. Общедоступные блага, даже жизненно необходимые, не становятся предметом обмена, и совсем не потому что они не являются результатом труда, как полагали А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и все последователи трудовой теории стоимости. Последнее явилось не более как следствием. Нехватка тех или иных благ приводила к процессу их искусственного производства. Связанный с затратами живого и овеществленного труда продукт как товар становился носителем стоимости. Но он мог производиться и производился, не приобретая качество быть носителем стоимости, т. е. не становясь товаром. Он всегда был носителем ценности, как носитель полезности, блага. И дальнейшее его движение от производителя к конечному потребителю не всегда осуществлялось на основании эквивалентности свободных собственников этих благ. Эти блага могли отчуждаться в процессе распределения с применением насилия, личной зависимости и т. д. Доступность блага становится фактором, образующим ценность, наряду с самим качеством полезности товара как блага. И здесь уже нет никакого противоречия.

Каждая сторона ценности образует противоположные тенденции в оценке блага для индивидов. Они не только соотносят блага, которые хотят присвоить в процессе обмена, но и тот объем отчуждения, который неизбежно будет иметь место в процессе обмена.

Поэтому, если несколько перефразировать К. Маркса, можно утверждать, что ценности создаются в процессе производства. Но в процессе производства ценности приобретают только возможность стать ценностью как действительность. В процессе производства ценность еще только ценность в себе. Она не есть ценность как действительность для других. Только в процессе ее обмена ценность может явить свое истинное значение. Она получает возможность раскрыться со стороны своего качества и количества в процессе обмена ценностями как эквивалентами. Но в основе принципа эквивалентности лежат уже не затраты живого и овеществленного труда, а ценности как носители полезностей с учетом

их наличности, доступности, затрат труда и всего того, что составляет содержание условия материального и духовного бытия индивидов.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что факторы ценности, даже если они искусственно созданы, лежат не исключительно в сфере производства, как мы заметили несколько ранее, но и в сфере бизнеса.

Эти факторы ценности лежат и в сфере хаусхолда. Ибо только сфера хаусхолда на рынке продуктов потребления формирует и выявляет спрос, а, следовательно, и его дефицитность, редкость и т. д. Ценности создаются не только в производстве, но и в хаусхолде. Более того, само состояние хаусхолда становится фактором ценности, отражая потребности индивидов или самого бизнеса.

Здесь можно употребить расхожий афоризм А. Маршалла, касающийся определения цены на товар. А. Маршалл сравнивал процесс образования цены с процессом резания ножницами материи. Подобно тому, как в процессе резания нельзя утверждать, что режет какая-то одна сторона ножниц, нижняя или верхняя, так и в процессе образования цены нельзя утверждать, что цену определяет исключительно спрос или исключительно предложение. Цена формируется под воздействием противоречивого единства спроса и предложения. Мы только добавим от себя, что ценность формируется под воздействием процессов, протекающих в сфере бизнеса (производства) и сфере хаусхолда. Поэтому цена может только выразить стоимость (ценность) товара. И если деньги, как всеобщее покупательное средство, всегда есть в достаточном наличии, если отсутствие этого покупательного средства не вызвано искусственно, то цена всегда выражает ценность товара или услуг в этой денежной форме. И если деньги отсутствуют, то цена в деньгах может отклониться от ценности, так как здесь следует учитывать уже фактор искусственного ограничения массы денег, как посредника в обмене. Сама наличность денежной массы становится фактором их ценности, ценности как средства выступать посредником в обмене. Следовательно, деньги становятся способными приобретать ценность, а следовательно, и участвовать в процессе создания ценностей. Деньги становятся фактором, причем не мнимым, а реальным, получения дохода. Они не есть только титул собственности, – ассигновка, они – реальный фактор создания ценностей, хотя продолжают оставаться неким

ложным подобием, своего рода симулякр, реального богатства или сбережения.

Обладание деньгами есть такой же фактор в процессе создания ценностей, как и обладание самими товарами, идеями, информацией, другими видами собственности. Следует преодолеть субстратную природу понимания факторов производства. Производство есть процесс движения ценностей. Поэтому факторы, которые тем или иным образом способствуют процессу движения, ускорения процесса производства, возрастанию его эффективности, сами становятся носителями ценности для индивида.

Проблема заключается в следующем: чтобы каждый индивид обладал этими факторами в своей самодостаточности, должно быть исключено отчуждение индивидов от собственности. И совсем не обязательно, чтобы эта собственность индивида заключалась в собственности на станки, сырье. Это могут быть различные виды собственности, начиная с основной – собственности на свою рабочую силу, на свою способность создавать условия своего собственного бытия, собственности на факторы, которые могут приводить в движение капитал, облегчать его перемещение, добываясь большей эффективности перераспределения ресурсов в национальной экономике.

Социалистически устроенное общество – ассоциация свободных собственников, реализующих свою собственность в соответствии со своими знаниями, накопленным опытом, накопленным прошлым трудом в средствах производства или в каких-то иных ценностях. Однако они есть собственники, которые могут и должны обладать потенцией применять свою собственность для своего собственного воспроизводства не только в пределах хаусхолда, но и в околном производстве, т. е. производстве средств производства, товаров. Если же система, относящая себя к социалистической, не может предоставить такие возможности, то она с неизбежностью формирует системные противоречия, которые в конечном случае становятся причиной ее гибели.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению ценности с точки зрения количества, а не выводить саму ценность (стоимость) из количества. Итак, в процессе обмена благами, а теперь уже товарами, противостоят два агента. В самом простом случае каждой из них

является покупателем и одновременно продавцом. Чем определяется соотношение обмена? Маркс ответил после Д. Рикардо и его предшественников – затратами труда на его воспроизводство в общественно необходимой мере.

Маржиналисты ответили – в соответствии с соотношением спроса и предложения. Последний определяется редкостью, насыщенностью других потребностей, наконец, предельной производительностью, предельной полезностью. В этих трактовках нет особых противоречий. Все они выходят из одного основания. Например, теория предельной производительности, разработанная еще в первой половине 19 столетия, и получившая свое канонизированное трактование в работах Дж.Б. Кларка, исходит из принципов, что в создании стоимости (ценности) участвуют многие факторы. Каждый фактор приносит доход в форме ценности. Предельная величина дохода определяется как доход, который приходится на единицу прироста данного фактора, если все остальные остаются неизменными.

Вполне возможна ситуация, что дальнейший прием на работу наемных работников станет невыгодным, так как доход от них капиталисту станет меньше средств на их эксплуатацию, которые обеспечиваются ему величиной заработной платы. Нас здесь интересует тот момент, что факторы производства уже изначально чего-то стоят, или имеют ценность. И их ценность заключена для владельца средств производства в том, насколько много и эффективно они увеличивают первоначальную ценность (стоимость). В основе этой стоимости (ценности) лежит не только момент самосознания капиталистом эффективности вложения капитала, но и сама способность того или иного фактора участвовать в создании стоимости. Он, или капиталист, т. е. монопольный собственник условий производства, например, может отказаться от дополнительного найма рабочей силы, однако он будет обязан увеличить вложения в основной капитал. Спрос и предложение сталкиваются не столько в сфере одноименных благ, сколько благ разнокачественных. Их приобретение или сбережение, есть момент воспроизводства индивида. Он всегда оценивает пользу от приобретения или траты. Ибо, приобретение или трата благ есть лишь отражение моментов его расширенного или суженного воспроизводства. Это и есть сама человеческая жизнь, где обмен есть условие его жизни в современном обществе.

Поэтому допустим, что владельцу средств производства стали предлагать рабочую силу по более высокой цене, т. е. требовать более высокую заработную плату. Если на рынке есть и другие агенты, то возможно соглашение по более низким ценам. Если нет, то капиталист пойдет на увеличение заработной платы до того момента, когда она сделает возможным получение дохода. Следовательно, механизм отклонений теория предельной полезности объясняет довольно убедительно. Более того, сама экономическая действительность подтверждает выгоды этой теории.

Но, тем не менее, зададимся вопросом, в котором К. Маркс видел самый сильный аргумент в своих исследованиях. Допустим, что спрос и предложение совпали. Чем будут определены отношения обмена, т. е. величина ценности (стоимости)?

Мы можем на это ответить лишь следующее. Во-первых, соотношение спроса и предложения это всегда состояние не статического равновесия, чем, собственно, и грешат экономисты в своих анализах, а состояние динамического устойчивого равновесия. Рынок никогда не бывает застывшим. Его сущностное бытие – не застывшая структура, а само движение. Для движения же характерно несоответствие, в данном случае несоответствие спроса и предложения. Ибо, согласно нашему пониманию, требовать соответствия спроса и предложения – значит, требовать унификации индивидов, когда каждый член сообщества равнопредлагаем и равноценен для другого. Причем равноценен для другого как бы изначально, *априори* всякому обмену, даже не трудясь и не пытаясь создать условия бытия для другого. Ведь следует помнить, что, предлагая на рынке те или иные блага, индивид не только затратил свой труд, но он отказал себе в удовольствии потребить их, а, следовательно, отказал себе самому воспользоваться результатами своего труда. Хотя последнее давно уже стало невозможным в силу чрезвычайно развившегося разделения общественного труда. Поэтому состояние рынка, когда спрос полностью покрывает предложение и, наоборот, может быть только абстракцией от реальностей экономической жизни тех философов и экономистов, которые его не знали и не чувствовали. Отдавая дань абстракции неисправимым схоластам-теоретикам, все же допустим, что спрос равен предложению. Мы ответим на этот вопрос следующим образом. Всякая система имеет законы своего движения.

Она связана с развитием самого объекта (рынка), а также с поведением его субъекта. Последние не есть некие абстрактные агенты, они всегда были и остаются людьми – со своими привычками, опытом, навыками, убеждениями и предрассудками. Другими словами – рынок, как сфера осуществления актов обмена, есть система инерционная. Покупатели и продавцы не падают на рынок откуда-то из иного мира. Они входили на рынок и вчера, и раньше. Они уносили с собой информацию о состоянии рынка, о ценах, покупателях и т. д. Поэтому, даже когда в этой надуманной ситуации спрос стал равен предложению, величина ценности несла на себе инерционную нагрузку от всего прошлого опыта. Тем самым и постановка данного вопроса о данной ситуации отпадает сама собой.

Можно подвести определенный итог нашим прежним рассуждениям. Две великие теории о природе ценности имеют нечто общее, что позволяет утверждать об их истинности. Более чем вековой спор между их сторонниками не позволил ни одной ниспровергнуть другую. В то же время каждая из теорий вскрывала недостатки другой теории. Однако для утверждения себя этого было явно недостаточно. Это тем более наводило на мысль, что каждая из теорий имеет право на существование. Они имели нечто общее, чем просто различие в выводах и способах доказательств. Ценность как стоимость могла получить свое объяснение, как нечто субстанциональное. Не выяснив природу ценности, ее субстанциональную природу, нельзя было рассчитывать на диалектический синтез этих теорий. Однако этот синтез, как мы это попытались доказать, будет возможен уже на других основаниях. Названные выше теории скорее поверхностно объясняли этот экономический феномен. Они выпустили из анализа самого носителя ценности – человека. Насколько удалось нам решить эту проблему, решит время. Но нами слово было сказано.

Отношения собственности и их противоречия

В современной экономической науке сложилась на первый взгляд парадоксальная ситуация. Отношения собственности в теории марксизма всегда признавались отношениями базисными, которые определяют всю совокупность отношений надстройки. Отсюда следовало бы уделять большее внимание к этой фундаментальной проблеме политической экономии. Однако этого не случилось. Собственность оставалась как бы за кадром. Не потому, что бы она оставалась запретной темой, а потому, что многим казалось, что проблемы тут все разрешены. Собственность трактовалась, как некоторое ядро систем производственных отношений, независимое производственное отношение, совокупность системы производственных отношений, сущность форм присвоения продукта в обществе, и т. д. Появлялись и такие работы, в которых вообще отрицалась собственность как экономическое отношение. Считалось, что собственность есть понятие юридическое.

Вместе с тем, если каким-то образом попытаться суммировать все сказанное о существенном определении собственности, то получается весьма противоречивая картина. Она начинает представляться как чрезвычайно богатая категория. Это и труд живой, который есть субъективная сущность частной собственности, капитал – как объективная сущность той же частной собственности, это и сама вещь, и отношение между людьми. Все это наводит опять же на мысль, что в основе подобного богатства должно лежать более глубокое основание, из которого и вытекает все это многообразие определенных собственности.

Мы уже имели возможность выразить наше отношение и наши теоретические взгляды на данную проблему [24]. Поэтому здесь мы только попробуем развить те взгляды, которые остались недостаточно раскрытыми.

Это касается понимания отношений собственности как диалектического противоречия. Причем, если в названной работе собственность рассматривалась как диалектическое предметное противоречие, то здесь мы хотели бы рассмотреть собственность как противоположность отчуждению в процессе присвоения. При этом сам процесс присвоения есть форма становления собственности, подобно тому, как отчуждение есть процесс лишения собственности. Следовательно, процесс присвоения и процесс отчуждения образуют диалектические противоположности собственности как целостности. Присваивать нечто – значит начинать относиться к этому присваиваемому, уже как к своему собственному. Собственно, это и имел в виду К. Маркс, когда писал, что собственность раскрывается в отношении к условиям своего производства, как к своим собственным.

Но понять собственность как процесс присвоения можно и следует в диалектической взаимосвязи с процессом отчуждения. Являясь противоположностями предметного противоречия в его процессуальной форме, они обладают всеми атрибутивными характеристиками последнего. Во-первых, присвоение и отчуждение есть формы, отрицающие друг друга. Присвоение есть отрицание процесса отчуждения, и наоборот.

Во-вторых, данные противоположности взаимно проникают друг в друга. Нельзя понять и осознать присвоение, т. е. собственность как некоторую целостность, не осознав процесса отчуждения. Как нам представляется, в этом и кроется один из недостатков современной экономической теории вообще и политической экономии, в частности. Для нее проблема отчуждения осталась чуждой. Она была отдана на откуп философам, но и последние не могли продвинуться далеко в своих исследованиях, поскольку исследование проблем отчуждения было немыслимо без критического осмысления политэкономических теорий.

В-третьих, присвоение и отчуждение, как противоположности, обладали признаком непосредственной тождественности. Именно присвоение есть то, что противоположно отчуждению. Присвоение

одним индивидом предполагает, что у другого собственность отчуждается. Тем самым они образовывали внутреннюю форму, постоянно напряженную и побуждающую к разрешению этого предметного противоречия. Выраженное в данной форме оно представлялось как противоречие-процесс или как процессуальное противоречие. Ключом в процессе распада данного предметного противоречия становилась человеческая деятельность, как отношение взаимодействия.

Но присваивать можно не только вещь, присвоение есть процесс, который раскрывается в таких формах, как владение, распоряжение, пользование. Политическая экономия пока остановилась исключительно на данных формах, считая их достаточными для того, чтобы раскрыть все богатство отношений присвоения, т. е. отношений, посредством которых индивид и становится, собственно, собственником в полном понимании этого термина.

Как мы полагаем, раскрепощение политической экономии, философии в России позволит преодолеть тот застой научной мысли, который на момент написания этой книги есть в обществе. Сумерки научного застоя сгустились, и сова Минервы, в нашем понимании, философия экономики, политическая экономия, начинает свой полет. Так можно выразить нынешнюю ситуацию, несколько перефразировав известный афоризм Г. Гегеля.

Но, как присвоение раскрывается во всем своем богатом содержании, так и отчуждение может быть раскрыто со стороны форм своего движения. Отчуждать – это, во-первых, отчуждать свою рабочую силу. Это отчуждение рабочей силы от самого работника проявляется в том, что система всецело подчиняет себе последнее. Он не является даже собственником своей способности к труду. Пусть читатель вспомнит не такие уж далекие времена, когда на воротах предприятий висели таблички примерно следующего содержания: Предприятию требуются.... В системе отношений «индивид – обществе» это однозначно, хоть и неосознанно говорит о том, что работник не является собственником своей способности к труду. Эта способность уже изначально отчуждена от него системой принудительного, несвободного привлечения работника к процессу общественного производства.

Можно выделить различные формы отчуждения рабочей силы, т. е. способности к труду от самого работника, например, технологическое и организационное отчуждения. Для последнего характерно то, что общественное разделение труда может принимать свои уродливые для самого работника формы. И дело даже не в том, что работник низводится до частичного работника, а в том, что способность и потребность распоряжаться своей способностью к труду отчуждается от воли и потенций самого работника. Возникает целая прослойка управляющих, занимающих особое привилегированное положение в обществе и самостийно возлагающее на себя функции по управлению и распоряжению не только рабочей силой, но и самим процессом производства и созданием продуктом. Нам видятся все предпосылки для того, чтобы утверждать, что в период всеобщего огосударствления появился новый класс распорядителей, управляющих, обособившийся от остальной массы трудящихся и занявший свою особую нишу в механизме присвоения, т. е. в отношениях собственности.

Революция в России в 1917 году имела своим следствием разрушение института частной и частнокапиталистической формы собственности. Всеобщее обобществление привело к тому, что работником не были приобретены атрибуты собственника, так как ни один член сообщества в России не приобрел статус собственника. Это вполне устраивало тех хозяйствующих большевиков, которые, придав анафеме институт частной собственности, тем не менее, присвоили себе как бы произвольно и неосознанно функции владения, распоряжения и пользования. Возникло противоречие этого государственно-социалистического способа присвоения. Оно, как нам представляется, нашло свое сущностное выражение в противоположностях всеобщегосударственного производства и обособленной форме присвоения прибавочного продукта партийно-государственным бюрократическим аппаратом. При этом присвоение прибавочного продукта осуществлялось посредством обособления и закрепления функций реализации отношений собственности в форме владения, пользования, распоряжения.

Только этим можно объяснить, что в политической экономии тема собственности была игнорирована. Она не охватывала исследование противоречий социалистических форм присвоения, ибо последнее

раскрывало истоки отчуждения людей в так называемом обществе казарменно-административного социализма. Изучение противоречий социалистических форм присвоения позволило бы теоретически ответить на сакральный для политэкономов вопрос: являлось ли общество реального социализма обществом эксплуататорским?

Сейчас можно встретить порой безапелляционные суждения о том, что построенное в бывшем СССР общество несло на себе элементы эксплуатации. Но оно было выведено интуитивно. А смысл обращения к реальности у этих авторов ограничивался границами наивного реализма. Ибо, сама реальность в теоретических исследованиях должна быть понята в своих сущностных определениях.

Тем самым можно сделать некоторый вывод, что отчуждение в социально-экономической системе бывшего СССР не было преодолено. Более того, вся жизнь приобрела свои причудливые формы вывернутого наизнанку отражения сознанием данной социально-экономической реальности, подобно ситуации в королевстве кривых зеркал у Кэрролла Льюиса.

Потому в словах Великая Октябрьская социалистическая революция мы ставим под сомнение все четыре термина. В том, что она великая, что она октябрьская, наконец, и главное, что она социалистическая, и что это была революция.

Как нам представляется, существенные сдвиги в изменениях форм присвоения в Россия начинают осуществляться только в начале 90-х годов.

Социализм для нас – это общество собственников, а не неимущих, не владеющих и не распоряжающихся своей рабочей силой, своими продуктами труда и процессом производства. Социализм – это общество равных индивидов в своих возможностях реализовать себя как неравного среди других членов социалистической ассоциации. Возможно, что данная формулировка покажется несколько противоречивой, но здесь хотелось бы только повторить известную мысль Г. Гегеля о том, что мышление должно вынести противоречие.

Тем самым социалистический способ присвоения не сводится исключительно к господству общенародных форм присвоения. Кроме того, общенародные формы присвоения не могут рассматриваться не только как самодостаточные, но и как конечные. Эта мысль имеет важное значение в наших дальнейших выводах, ибо речь идет

о дополнительных аргументах в пользу института частной собственности и доказательства ее имманентности природе гуманного социализма.

Суть социализма, как первой фазы коммунистического сообщества, виделась в отношениях незрелости коммунистических форм присвоения. Коммунизм же предполагалось построить как сообщество, в котором осуществилось бы полное отрицание института частной собственности. Коммунизм предполагает безраздельное господство общности на средства производства, на землю, на продукт труда, на его распоряжение, которое не могло быть иным, как сознательно осуществляемым из центра, по плану, в соответствии с её сознанием и понятыми общественными потребностями. Следует заметить, что у Маркса были также высказывания о том, что коммунизм создаст условия для всестороннего развития личности, когда свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Здесь – как бы отдается приоритет развитию личности. Однако все это сказанное находится в глубоком противоречии ко всей теории марксизма. Это, скорее всего гениальное предвидение, которое, однако, никак не вписывалось в целостную концепцию марксизма. Речь идет о следующем. Чтобы быть свободным, человек должен расширять свой коридор самостоятельности и свободы. Развивая средства производства, он расширяет этот коридор в своих взаимоотношениях с природой. Но он должен расширить свой коридор самостоятельности и свободы также и в отношениях с другими членами сообщества. На определенном этапе развития цивилизации это означает приобретение свободы в своих действиях от государства. При этом мы не склонны сводить дело к абсолютной независимости человека от общества. Но мы хотели бы только подчеркнуть, что само общество уже не довлело и не подавляло индивида, и, в первую очередь, в отношениях присвоения. Его несвобода определялась бы и истекала бы только из собственной природы индивида, а государственные устройства только наследовали бы атрибуты свободы индивида, делая их своими, т. е. человеческими.

Но в коммунистических формах присвоения это принципиально невозможно. Коммунизм есть отрицание частной собственности на условия своего собственного воспроизводства. Сделать же свободным индивида в обществе может только развитие отношений

собственности. Ибо сама собственность есть, по-Дюркгейму, распространение личности на вещь, а если расширить для данного момента термин вещь, то мы могли бы добавить – распространение личности на условия своего собственного воспроизводства. Становление личности непосредственно связано со становлением его собственности. Следовательно, в этом фундаментальном вопросе коммунизм как идея несет в себе противоречие, которое не может быть не преодолено в границах идей коммунизма, а тем более найти не-предвзятое объяснение.

Человек есть одновременно и лицо частное, т. е. индивид, и воспроизводится он может, хотя бы биологически, как частное лицо. В современной экономике производить средства производства человек не может индивидуально. Еще в период родоплеменных связей обнаружили свою необходимость кооперация труда, применение общественных орудий производства. Налицо были и общественные формы присвоения, например присвоение всем родом результатов облавы на зверей. Но эти коллективные, общественные формы присвоения никогда, как нам представляется, не были последними. Присвоив продукт всем сообществом, последний присваивался всегда индивидами, благодаря чему индивид и воспроизводился.

Даже тогда, когда, казалось бы, доминировали общенародные формы присвоения, например, пользование всеми гражданами страны дорогами, тем не менее, ими пользуется каждый в отдельности. Именно индивид, в первую очередь, извлекает пользу, т. е. пользуется, а не в смысле употребляет.

Следовательно, мы не можем считать, что социалистические формы присвоения, или собственности, есть некие неразвитые коммунистические формы. Коммунистические формы присвоения есть утопия в теории собственности, утопия, которая никогда не может стать действительностью. (Если, конечно, не наполнить коммунистические формы присвоения каким-то другим содержанием).

Как пишет по этому поводу Л. Мизес, мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действий определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают эти действия...

Если мы тщательно исследуем смысл действий, предпринимаемых индивидами, то неизбежно узнаем все о деятельности коллективных целостностей, поскольку коллектив не существует вне деятельности отдельных членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов. Путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов [20. С. 43].

Общее не существует как отдельное, присутствуя исключительно как рядоположенное индивидуальному. Коллективный интерес как выражение общего интереса также не может принимать формы своего бытия вне индивидуального. Общее есть идеальное выражение частных. Общее есть, наконец, общее частного. В противном случае, даже в идее оно лишается своей субстанциальности. Но тогда и целое, как идея не может не вмещать в себя это общее со всеми бесконечными модусами своего осуществления. Реально в пространстве пребывает индивид со своими институтами. Он не может приобретать формы, которые могут существовать вне воли, желаний, интересов отдельных людей. Если даже этот институт государства выродился в частную собственность государственной бюрократии или иных олигархических структур, он не перестает быть порождением индивидов, конкретных личностей, групп, кланов, тейпов, классов. Эти выводы строятся на фундаментальном положении о бытии части и общего, индивида и сообщества, гражданина и государства. Общее вообще есть идеальная форма, т. е. идея, форма мыслительной конструкции. Она присутствует исключительно в мышлении, будучи по своей природе абстракцией от индивидуального, преодолевая, отбрасывая специфическое. Реально бытийствует в природе только индивидуальное, объединенное в некоторые образования. Это не мешает находить им также реальные формы образования, но в отрыве от индивидов эти коллективные образования есть фантомы, мыслительные конструкции.

Поэтому ответ Платона в его дискуссии с Диогеном-циником вполне логичен, когда он произнес последнему: *Чтобы видеть стол и чашки, ему достаточно иметь глаза.* Но чтобы видеть столность и чашковость у Диогена не было достаточно ума. Другими словами, общее не лежит на столе наряду с чашками. Оно бытийствует в уме, мышлении. При этом его способен увидеть не рассудок, а разум, который в состоянии расщепить индивидуальные образы,

трансформировав их в абстракции ума и придав им статус понятия «общее». При этом мы также возражаем против утверждений, что сфера понятийного есть исключительно общее, абстракции от индивидуального. В этом случае вообще нет понятия индивидуального. Индивидуальное, как объективно конкретное, бытийствует как в сфере чувственного, так и в сфере мыслительного, представляя тем самым примитивную форму абстракции от этого чувственного.

Чтобы более выпукло высветить эту проблему, следовало сделать некоторый экскурс в философию И. Канта. Невозможно отрицать в признании логичности вывод о том, что время в самом деле есть нечто действительное, а именно оно есть действительная форма внутреннего созерцания. Следовательно, время имеет субъективную реальность в отношении внутреннего опыта. У времени остается эмпирическая реальность как условие всякого нашего опыта. А вот абсолютную реальность за ним признать нельзя.

Оно есть не что иное как форма нашего внутреннего созерцания. Далее уже в примечании И. Кант поясняет, что можно иметь представления, которые следуют друг за другом, однако это значит лишь то, что мы осознаем их как сменяющиеся во времени, т. е. согласно форме внутреннего чувства. Поэтому время не есть нечто, что имеется само по себе, оно не есть также определение, объективно присущее вещам [12. С. 73].

Эти абстракции не имеют бытия в чувственном мире, в котором протекает жизнь индивида. И только человеческий индивид формирует иной мир идей, который бытийствует, существует в мышлении. Эти идеи получают, выходят в результате человеческой деятельности в мир реальности материальной, становясь при этом реальными факторами, реальной силой. Однако эти факторы в форме материальных вещей, организаций, институтов есть не более как индивидуальные конкретности в сфере единичного.

Вопрос о том, что предшествует формированию этого общего, это вопрос уже принципиально иной, и если не вдаваться в общеизвестное, хотя и неоднозначно воспринимаемое научной общественностью, мы сошлемся на выводы Джона Локка. Нет ничего в разуме, что не присутствовало бы ранее в чувствах.

Из этого следует вывод, что идеи, сформированные как плод вождений, в том числе, могут вообще не соответствовать интересам

многих индивидов, граждан, когда они претворяются в институтах государства, праве, нормах. Тогда возникает противоречие между отдельными индивидами, которые объединены в конкретные коллективные образования. В зависимости от степени напряженности конфликта могут реализовываться различные формы разрешения этих системных противоречий, начиная от мягких форм эволюционных изменений самих институтов либо их коренной ломки, разрушения и формирования новых на иных основаниях. Государство не может представляться в таких моделях, например, как организм, у которого индивиды есть органы. Органами у института государства могут быть исключительно порожденные им, т. е. государством, подчиненные ему институты, например, министерства, правительства, службы безопасности. Органы есть уже не части, а собственно органы организма. У органов не может быть иного интереса, как интерес существования целого. У части же есть свои собственные интересы, они должны быть первичными интересами по отношению к интересам целого. Интересы целого есть не более как форма выражения интересов частей. При этом не следует отождествлять целое с суммативным целым, либо общим.

Весьма распространено мнение, что коммунизм обладает жизненными потенциями как общество равных и свободных индивидов. Но его равенство они пытаются свести к равенству в распределении. Когда каждый получает от общества столько, сколько ему как равному нужно. Но даже эта формулировка несет в себе противоречие. Ибо индивиды не равны как по своим потребностям, так и по своим возможностям. При этом суть всего расширенного воспроизводства была сведена к сфере распределения. Но последнее не может осуществляться обособленно. Распределение есть момент воспроизводства, и особенности одной сферы, момента не могут произвольно распространяться на всю целостность.

Следовательно, социализм не может рассматриваться как первая фаза, ступень коммунизма. Но социализм и формы присвоения в обществе, организованном на социалистических принципах, также могут рассматриваться как завершение. Мы склонны полагать, что на каждой ступени развития социально ориентированных систем социалистичности столько, сколько есть содержательного движения к социально ориентированным формам присвоения. Другими

словами, под социалистическими формами присвоения следует понимать движение к некоторой цели, а не как структуру. И суть этого движения заключается не в выравнивании доходов, не в их нивелировании, а в создании предпосылок реализации каждым своих природных потенций, своих стремлений и желаний. И предел его желаний и устремлений должен быть ограничен самим индивидом, его возможностями. Поэтому социалистические принципы распределения, а, следовательно, и присвоения, должны быть ориентированы на такие формы изъятия прибавочного продукта, которые обеспечивали бы все возрастающую меру более полного объема саморазвития индивида. Следовательно, для нас не лишены смысла те утверждения публицистов, которые писали, что социализма в Швеции было больше, чем в бывшем СССР.

Если это положение рассмотреть через призму государственной экономической политики России в первом десятилетии нового тысячелетия, то мы можем констатировать возрастание государственных активов, которые правительство позволяет размещать в ценных бумагах других государств, фактически кредитуя их экономики. Одновременно мы отмечаем падение жизненного уровня значительной части граждан России. Накопление богатства на одном полюсе олигархов идет одновременно с возрастанием нищеты у большинства россиян. В этом случае существенная доля россиян лишена источников для развития, сводя свое бытие к формам простого выживания.

Данное утверждение имеет смысл в той мере, в которой действительно отражалась практика хозяйствования в социально-экономической сфере, ориентированной на человека. Вместе с тем, нельзя разделить те воззрения, что социализм, или другая социально-экономическая формация, не имеет существенных связей с динамикой отчуждения. И тут не может быть никаких иллюзий.

Капиталистическая форма собственности предполагает отчуждение работника от средств производства. Последний, следовательно, отчужден и от процессов управления, распоряжения. Но социально ориентированным системам удалось максимально мобилизовать потенции капиталистических форм собственности. Это было достигнуто благодаря психологическим аспектам присвоения продукта в обществе, в том числе прорыву в области передовой технологии и науки, использованию преимуществ интеграции национальных экономик и других факторов.

Одна из догм политической экономии так называемого развитого социализма заключалась в том, что преимущества социалистических форм присвоения виделись во всеобщем обобществлении средств производства, что и привело к всеобщему огосударствлению экономики. Но при этом игнорировался совершенно второй аспект этого противоречивого процесса – становление частной собственности на средства производства. Каждая ступень, фаза этого процесса не может поглощать собой своей противоположности, т. е. обособления, но уже на новом витке развития. Последнее связано с развитием индивида, он не должен теряться в бескрайних просторах всеобщего обобществления. Каждая из сторон, а точнее моментов, не может ни развиваться, ни слиться вне своей противоположности. Однако это положение просто игнорировалось или не осознавалось в теории. Поэтому совсем не случайно, что человек был низведен до «винтика великого государственного механизма» (И. Сталин).

Каждое из отмеченных выше определений является сущностным для формирования, развития моделей социалистических форм присвоения. Но каждая крайность, если она берется как самодостаточная, может коренным образом деформировать систему социалистических форм присвоения, вырождая систему в свою противоположность. Например, всеобщее огосударствление неизбежно привело к подавлению личности, делая её придатком какого-то чужеродного механизма с его функциями подавления и принуждения. Другая крайность может породить систему звериного индивидуализма. Поэтому, если мышление должно вынести противоречие, как писал по атому поводу Г. Гегель, то несколько перефразировав этот афоризм, можно сказать следующее: конкретная человеческая деятельность должна также вынести это противоречие, т. е. найти такие формы своей деятельности, которые адекватно бы разрешили эти противоречия.

Если для первого случая противоречие выступает в сфере познания, то во втором случае мы имеем предметное противоречие, или противоречие материального бытия человека.

Из этого вытекает еще один существенный вывод для разработки плана действий по сознательному разрешению противоречий присвоения. Во-первых, сознание должно адекватно выразить, отразить потребности присвоения, или собственности. Во-вторых, деятельность должна быть адекватной не только осознанному плану,

т. е. идеально априорно выработанным формам, но и потребностям объекта и самой природе человека. И, наконец, эти формы, посредством которых индивиды пытаются осознанно разрешать противоречия материального бытия, не должны приводить к подавлению одной из противоположностей. Необходимо дать системе максимально использовать возможности экстенсивного накопления количественных характеристик. Далее сами противоположности следует развивать и давать возможность их развития до тех пор, пока они несут в себе потенции саморазвития. Система должна внутренне исчерпать свои возможности. Сам же процесс развития противоположностей одновременно формирует предпосылки для снятия этой внутренней напряженной формы, т. е. к качественному разрешению противоречий присвоения.

Нами ранее уже высказывалась идея о том, что собственность следует представлять как противоречивую внутри себя субстанцию. При этом само понятие субстанции нами рассматривается как диалектическое единство сущности и форм существования. Если следовать терминологии Г. Гегеля, собственность понимается в этом случае как действительность [7]. Поэтому ее суть раскрывается в существенных моментах – как присвоения, так и отчуждения. Становление личности как самоцели, таким образом, непосредственно связано с процессом становления частноиндивидуального присвоения, и наоборот, отчуждению присуще нивелирование личности, лишение или существенное ограничение свободы, подавления интереса в своем собственном расширенном воспроизводстве. Человек, продукты его труда, приобретают все в большей степени общественный характер, но индивид не теряется в этих процессах обобществления. Обобществляя средства производства, в обществе формируются институты, в которых материализуется идея общего, коллективного совместного расширенного воспроизводства в интересах части, т. е. граждан.

Обобществление процесса производства и труда уже принимает на себя государство. Однако последнее очень часто вынуждено находить оптимальное сочетание интересов индивидов и интересов целого, т. е. всего сообщества. При этом могут быть различные формы крайностей, которые разрушают государство. Это бюрократический абсолютизм и демократический анархизм. Как писал по этому

поводу П. Флоренский: *построить разумное государство – это значит сочетать свободу проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, не актуальным индивидуальному интересу, стоящим выше и делающим историю* [33. С. 103].

Уточнение наше следует свести к тому, что не актуальное индивидуальному интересу, скорее, есть интерес, лежащий за пределами интереса конкретного, отдельного индивида. Это есть его текущий интерес, интерес, который он один не сможет никогда реализовать в силу ограниченности ресурсов и переплетения интересов индивида с интересами другого индивида. Для его реализации необходима кооперация, объединение сил и ресурсов, что и становится возможным в результате формирования института общности.

Государство играет огромную роль в формировании механизма присвоения, формировании его субъектов, определяя нормы взаимоотношений как между индивидами, так и между индивидами и самим государством. Более того, государство как таковое стало возможным только на определенном этапе становления цивилизации, как форма, посредством которой были найдены формы разрешения противоречий присвоения, т. е. собственности в обществе. Но следует ответить на один вопрос: является ли государство субъектом присвоения или субъектом хозяйствования?

Как нам представляется, ответы могут быть получены самые различные. Все зависит от того, на каких исходных теоретических посылах стоит исследователь. Интерес возникает в том, что именно политэкономы, стоящие на позициях марксизма, больше всего грешат «первородным грехом», считая государство субъектом присвоения и даже субъектом хозяйствования. Например, начиная изливать свою преданность марксистскому учению, они в ходе своих собственных выкладок прямо игнорируют основные посылы материалистического понимания истории, с одной стороны, а с другой, наследуют уже первородные грехи самого учения марксизма. Например, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, что государство принимает самостоятельную форму, оторванную как отдельных, так и совместных интересов, и, вместе с тем, форму иллюзорной всеобщности. Всеобщее же далее определено как иллюзорная форма общего, т. е. не действительной, не материальным

образованием. Другими словами, государство так таковое материально-предметно существует. Индивиды преследуют только свой особый интерес – не совпадающий для них с их общим интересом, и что всеобщее вообще является иллюзорной формой общности, – его всеобщее выступает как чуждый им, независимый от них, т. е. опять-таки особый и своеобразный всеобщий интерес. А с другой стороны, практическая борьба этих особых интересов, всегда действительно выступавших против и иллюзорно общих интересов, делает необходимым практическое вмешательство и обуздание особых интересов посредством иллюзорно всеобщего интереса, выступающего в виде государства [16. Т. 3].

Если быть марксистом в теории до конца, то следует признать важность этого фундаментального положения материалистического понимания истории. Государство здесь не есть некоторая действительность, оно есть иллюзорная форма всеобщего интереса, который ведет борьбу против частных и общих интересов индивидов и социальных групп. Однако это имеет место быть тогда, когда частные интересы отдельных групп общества стали доминировать, подавляя интересы остальной части, присвоив себе ресурсы всего сообщества, в том числе и ресурс законного насилия.

Это совсем не исключает становление такой формы, которая будет выражать интересы общности, но уже не в иллюзорной форме, а, в действительности, используя при этом традиционный аппарат насилия и принуждения. Государство, как пишет по аналогичному поводу Бьюкенен, есть государство охраняющее и одновременно государство производящее. Как первое, так и второе обладают возможностями, ресурсами реализовать общие интересы. То, что К. Маркс называет всеобщим интересом в форме государства, есть очередная абстракция, не столько проясняющая, сколько окончательно запутывающая сам процесс понимания института государства.

И если производственные отношения образуют реальный базис, соответствующий определенной ступени развития производительных сил, то государство, как политическая надстройка возвышается над этим реальным или действительным базисом. При этом, как пишет по этому поводу К. Маркс, способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще [16. Т. 13. С. 6]. Государство у классиков

представляет собой новую отрасль разделения труда внутри общества. Будучи порождено потребностями экономической жизни, государство становится самостоятельным по отношению к реальному базису. Как новая самостоятельная сила государство в общем и целом призвано следовать за движением производства, оно том не менее приобретает статус самостоятельной силы, оказывающей обратное воздействие на способ материального производства. Это есть взаимодействие двух неодинаковых сил: с одной стороны, экономического движения, а с другой, – новой политической силы, которая стремится к возможно большей самостоятельности [16. Т. 37. С. 416].

Приведенных положений классиков марксизма вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы о фундаментальных принципах материалистического понимания истории. Государство лежит не в базисе, а в надстройке. Государство есть всеобщее выражение общих и индивидуальных интересов в форме их иллюзорности, т. е. недействительности. Существенный признак государства в публичной власти, отделенной от массы народа. Последнее уже не совпадает непосредственно с населением, которое организует себя как вооруженная сила. Государство и государственное право определяются экономическими отношениями, выступая как первая идеологическая сила над человеком.

Следовательно, многочисленные работы, посвященные проблеме государства, в которых государство представляется как субъект производственных отношений, либо рассматривающих государство в системе производственных отношений, либо как субъект хозяйствования, называя себя сторонниками марксизма, в лучшем случае просто не понимают места государства в общем учении марксизма.

Мы при этом вполне можем допустить, что возможны другие исходные посылки в теории соотношения базиса и надстройки. Но это будут уже теории немарксистские.

Например, нельзя не впасть в логические противоречия, объясняя тезис государства как субъекта присвоения. Чтобы быть субъектом присвоения, государство должно обладать «чувствительностью», по-Спенсеру. Оно должно осознавать, для этого оно должно обладать этим органом. Но, будучи иллюзорной формой всеобщего интереса, оно не может быть действительностью как некоторой данностью. Всеобщее может существовать только в единичном и через

единичное. Всеобщее есть выражение сущности, а последнее не может быть дано непосредственно. В этом случае сущность и явление непосредственно совпали бы, а, следовательно, вся наука, по образному выражению самого К. Маркса, была бы излишней.

Носителем сознательного может быть только индивид. Мы не можем согласиться с доводами тех философов, которые серьезно полагают о коллективных, как реальных, т. е. действительных, формах сознания. Следовательно, и действовать могут только индивиды, в том числе в различных формах общности. Сущность действовать не может. Это есть категория теории познания, а не материального бытия. Всеобщее, которое берется исключительно как само по себе, т. е. вне особенного и единичного, может находить формы своего бытия только в сознании, о чем мы писали несколько ранее. Тем самым государство не может ни сознать, ни действовать – оно есть выражение всеобщности, сущности политической власти. Государство как непосредственно реальное данное есть иллюзия, оно не обладает признаками действительности, т. е. оно есть иллюзорное выражение всеобщего интереса, представление и выражение совокупности индивида и его общности, но уже в сфере политики.

Вместе с тем, есть потребность совершить еще один недалекий философский экскурс и попытаться переосмыслить ранее высказанные идеи и другие теории государства. Мы остановимся на теории государства, изложенной Карлом Каутским. В программе социал-демократии, принятой в Эрфурте в 1891 году, К. Каутский полагал, что коллективное (кооперативное – *genossenschaftliche*) производство требует коллективной формы собственности на общие средства производства (*Genossenschaftliche Eigentum*).

При этом сам процесс обобществления следует понимать как процесс коллективной организации форм собственности (*Genossen-, Gemeinwirtschaftliche Eigentumsordnung*). Государство не понималось как самоудовлетворяющая экономическая кооперация (*Selbstgenugende Wirtschaftgenossenschaft*).

Из этого следует, что согласно теории государства у К. Каутского государство лежит уже в базисе. Полагаем, что государство выступает как ассоциативная в масштабе всего общества организация процесса присвоения, или собственности. Здесь государство не только воплощение политической власти, но и олицетворение

экономических функций общности, своего рода экономический центр, который увязывает противоречия индивидуального присвоения. Однако всеобщее здесь не принимает некую иллюзионную форму индивидуальных или общих интересов (как у К. Маркса), а является формой, в которую разрешилась эта противоречивая система индивидуальных и общих интересов. Государство может и должно стать не носителем враждебности по отношению к индивидуальному интересу, а воспринять индивидуальные потребности как свои собственные в своей всеобщей форме.

Вместе с тем, следует развести понятия общенародной формы присвоения и государственной формы присвоения, или собственности. Как нам представляется, и во втором случае не следует смешивать собственность как экономическое понятие и собственность как понятие права. Государство как выражение всеобщности экономических интересов в процессе присвоения накладывает специфику на эту всеобщность. В результате общенародная форма собственности приобретает форму правового отношения, или государственной формы присвоения, т. е. собственности. Поэтому, когда некто утверждает о государственной собственности, то следует иметь в виду, что речь идет о правовой категории. Экономическая же категория этого правового отношения остается общенародной формой собственности (присвоения).

Таким образом, в теории К. Каутского государство уже находится в базисных (по Марксу) отношениях. Более того, государство может выражать потребности экономических отношений через при- сущий ему аппарат, включая аппарат публичной власти.

Вместе с тем, мы не можем принять как доказанное положение о том, что государство является субъектом присвоения и субъектом хозяйствования. Как нам представляется, не следует смешивать государство как олицетворение всеобщности экономических потребностей через характерные для него институты и учреждения публичной власти с самими этими институтами и инструментами. Например, субъектами хозяйствования являются предприятия, которые находятся в государственной форме собственности. Но государство не тождественно самому предприятию. Это в полной мере относится и к органам центрального экономического управления, например министерствам. Министерство осуществляет

скоординированную политику в сфере экономических структур. Но и министерство не тождественно самому государству.

В этом мы усматриваем некоторую некорректность в употреблении терминов. Если всеобщее возводится в статус субъекта, то этот субъект также может найти свое пристанище разве только в голове экономистов. Это будет не само реальное, или действительное присвоение, а идея присвоения, ее олицетворение в единичном. Абстрактный субъект может что-либо присвоить разве что в абстракции. Реально, в смысле здесь – материально и объективно – существуют субъекты присвоения в виде конкретных индивидов или некоторых их общностей, коллективов, ассоциаций, товариществ и т. д. Всеобщее есть категория гносеологии, или теории познания. Оно не имеет реального бытия вне единичного или общего и особенного.

Органы и структуры, которые осуществляют эту политику, и есть государственные образования. Но проблема заключается в другом. Если бы в процессах присвоения речь шла о соотношении общенародного и индивидуально-частного присвоения, то, следовательно, это было бы тождественно соотношению перспективного и актуального в присвоении. Речь идет о том, что за каждой структурой присвоения стоят субъекты реального присвоения. Они всегда являются субъектами своего собственного производства, следовательно, персонификаторами производственных отношений. Если по месту в структуре общества они призваны осуществлять политику государственности, т. е. всеобщности то, как индивиды они обязаны следовать своим собственным интересам по воспроизводству своих собственных условий существования.

Здесь возникает противоречие между их местом в официальной структуре государства и необходимостью проводить политику всеобщности, т. е. всей общности, и необходимостью своего собственного расширенного воспроизводства. Появляется возможность, заняв место в структуре этой всеобщности, или государственных структур, призванных обеспечивать эту политику в области экономики, они начинают использовать эту структуру в своих собственных интересах. При этом они пытаются выдавать свои собственные интересы за интересы всей общности. В этом и кроются причины, которые позволили К. Марксу говорить о том, что государственные интересы есть иллюзорно всеобщие интересы.

Подобное вполне возможно и, более того, имело и имеет место в тех государственных образованиях, в которых атрибуты государства еще не стали атрибутами индивида. Государство, таким образом, еще не наследовало логику индивидуума и противостоит ему. Поэтому и последний относится к государственному устройству, как к чужому и враждебному. И здесь положения экзистенциализма, отражающие враждебность государства индивиду, имеют, как нам представляется, некоторые основания. Более того, весь опыт существования государственного устройства в послереволюционной России также говорит об этом.

Но имеет ли это значимость как истина внеисторическая? Как нам подставляется, не имеет. По мере того, как отношения в обществе, а, следовательно, и по формированию государства и его структур, законодательной и исполнительной власти, которые все в большей степени наследуют атрибуты индивида, когда в центр всей политики ставится не абстрактный, а конкретный человек, то государство не может более проявлять негативного отношения к индивиду. Тем самым и всеобщие интересы, которые осуществляются посредством государственных структур, становятся истинно всеобщими, сбрасывая свое иллюзорную форму. Но это уже есть другое состояние государственности, которую еще необходимо построить. Она не может быть привнесена извне, или трансцендентно. Это состояние государственности есть естественный продукт общественного развития. И качественный уровень этого развития определится самими людьми, их способом материального бытия, их сознанием, культурой, т. е. людьми в своей целостности, материальных и духовных условий бытия. Здесь уже не будет места насилию в осуществлении функций присвоения. Осуществление публичной власти все в большей степени будет отмирать. Будет отмирать дюринговская модель социализма, в которой труд производил, а насилие распределяло и перераспределяло.

Однако этот процесс одновременно будет означать, что функции выражения всеобщности в условиях становления социально устойчивого общества будут перекладываться и восприниматься на общину. Поэтому, когда К. Каутский говорит о государстве как о самодостаточной экономической кооперации, то это имеет очень серьезные основания для существования и развития данной идеи.

Но одновременно мы заметим только, что эта модель теоретического устройства будет соответствовать более зрелому, цивилизованному состоянию общества, которое отказалось от насилия как фактора присвоения посредством публичной власти.

Несмотря на данные противоречия в теории государства К. Маркса, Ф. Энгельса и К. Каутского, им свойственен один весьма существенный недостаток. Все эти теории признавали за государством функцию субъекта хозяйствования, субъекта присвоения.

Как мы выразили свое отношение к этой проблеме, это может быть только абстрактный субъект, способный что-либо присвоить или хозяйствовать только в сознании схоласта.

Нуждается в теоретическом осмыслении проблема форм движения создаваемого продукта. Если сделать некоторый исторический экскурс в российскую историю, то можно обнаружить серьезную дискуссию сторонников рыночного социализма и сторонников, отрицающих необходимость рынка в обмене продуктами. Сейчас можно утверждать, что все эти формы были в свое время российской действительностью. В период военного коммунизма произведенный продукт не принимал форму товара. Движение продукта от производителя к потребителю осуществлялось путем применения властных функций государственных институтов. Продукт не принимал экономическую форму товара.

В период НЭПа произошла реанимация рыночных отношений. Заработали инструменты рыночных связей. Цена продукта стала определяться в соответствии со спросом и предложением. Однако этот механизм рынка не мог получить свое развитие. Он был инороден для укрепляющей свои позиции системы жесткой централизованной власти, большевистской бюрократической структуры. Суть ее инородности заключалась в том, что носители властных функций – бюрократическая партийно-государственная верхушка – лишалась своего места в привычной и удобной для неё системе присвоения. Она теряла при этом власть, привилегии, статус мнимой исключительности. Но эти структуры были действительностью. Из этого следует, что государственные структуры могут брать на себя функцию непосредственного распределения продукта в обществе. Совсем другое дело – насколько эффективна и рациональна данная система распределения продукта в обществе, каковы

ее преимущества и сфера применения по сравнению с рыночным распределением продукта.

Существовала и имеет до сих пор хождение теория, что суть государства в движении продукта проявляется таким образом, что оно сознательно, *априори* устанавливает пропорции, исходя из общественных потребностей. Рынок же устанавливает эти пропорции апостериори. В добавлении к изложенному выше мы добавим следующее. Государственные структуры всегда только и могут осуществлять экономическую политику, реализуя требования всей общности тем, что они ограничивают потребности индивидов актуально. Но это ограничение индивидуальных, корпоративных интересов не несет (не должен нести) момента подавления интереса последних. Всеобщий интерес государственного образования есть актуальный и одновременно будущий интерес индивидов, всех членов сообщества, это возможность осуществления интереса в будущем или в настоящем через опосредованные формы индивидуальных интересов. Но, чтобы стать действительностью, эти государственные интересы должны, во-первых, быть осознаны в своей истинности и необходимости. Должны быть в наличии условия для их осуществления, т. е. сама человеческая деятельность, адекватно выражающая эту потребность.

Это представляет трудности как теоретического осмысления действительных потребностей, преодоления субъективизма в политике. Но подобная деятельность не только возможна, но и необходима. Человеческое сообщество отличается от стада животных тем, что, по меньшей мере, пытается осмыслить условия своего бытия и руководствуется в своей жизни не инстинктами, привычками, традициями, т. е. институтами исключительно, но и осознанием культурной, экономической жизни. Данный процесс всегда несет осознание требуемых для более эффективного своего существования пропорций в процессе производства материальных и духовных благ. Следовательно, если человеческое сообщество образует некое относительно устойчивое образование, целостность которого выражает в институтах государства, то оно никогда не сведет себя к стадному образованию баранов, живущих по законам инстинкта. Оно будет ограничивать неуемные аппетиты отдельных индивидов, чье расширенное воспроизводство будет представлять угрозу этой

целостности. Следовательно, оно всегда обязано ограничивать, регулировать поведение индивида актуально. С другой стороны, – индивид может более адекватно выразить свое бытие, точнее ценность своего бытия, или самооценку, как мы отмечали несколько ранее, только тогда, когда он выступает относительно других как равный в своих возможностях. Это возможно лишь опосредованно.

История становления цивилизации выработала этот механизм – рынок. На рынке индивид относительно независим от других, он относительно свободен. Эта свобода, ее относительность ограничены правилами поведения других в форме всей общности. Безусловно, здесь заключено противоречие. Но это есть противоречие бытия индивида в обществе. Оно разрешается не построением теоретических схем, а самой человеческой деятельностью. Выражением этого противоречия и становится противоречивость существования индивида в обществе.

Следовательно, выражать свои интересы сообщество может и должно посредством созданных им самим государственных структур. Государство не только устанавливает правила игры, поведения индивидов на рынке, но через свои инструменты, хозяйственные образования проводит активную экономическую политику. Это налоговая система, таможенная политика, органы суда, арбитража, прокуратуры, государственные предприятия. Их основная задача – увязать в единое целое всю противоречивую совокупность индивидуальных (частных) интересов. При этом в сообществе можно, в зависимости от того, насколько его члены обладают способностью осознавать свои настоящие и будущие потребности, проводить разную политику в области экономики. Государственные органы могут либо только следить за поведением индивидов в настоящем, регулируя рынок опосредованно, а через него осуществление требуемых, необходимых сообществу пропорций и целей, либо воздействовать на экономическую структуру непосредственно через государственные заказы, проведение активной инвестиционной политики, или напрямую осуществляя работы по формированию пропорций посредством государственных предприятий.

Как нам представляется, здесь кроются различия в механизмах осуществления взаимосвязей рыночных структур и государственных. Если для первой схемы характерна практика экономической

политики в странах Западной Европы, США, то для второй схемы в большей степени характерна политика Японии. В этой стране государственные структуры берут на себя непосредственно осуществление требуемых пропорций. Будущие пропорции здесь определяются не актуальными интересами индивидов, а их будущим видением интересов индивидов и своей общности.

Однако каждая схема не может навязываться извне. Она должна сама созреть для той или иной ситуации. Но суть остается прежней: чрезмерное влияние государственных институтов на экономику столь же вредно и нежелательно, как и полное его самоустранение. Поэтому вполне актуален принцип западной социал-демократии в сфере экономики касательно данного вопроса, которым они это соотношение определяют следующим образом. *Государство – насколько необходимо, а рынок, рыночную свободу – насколько это возможно.*

Важно понять и осмыслить философию взаимосвязи государственных структур и рыночных связей. Они, как это следует из нашего изложения, не могут ни противопоставляться, ни абсолютизироваться. Проблема заключается в другом, в нахождении оптимального соотношения между этими двумя механизмами формирования оптимальных пропорций в структуре экономики. Важно понять и то, что это соотношение всегда несет исторический аспект. Любое будущее отягощено прошлым опытом. Кроме того, соотношение между ними имеет мало общего с примитивным экономическим детерминизмом, выраженным в так называемом материалистическом понимании истории. Следует не абсолютизировать экономические детерминанты, а находить их место во всей целостности материальных и духовных факторов человеческого бытия.

Проблемы присвоения и власти

Вся история становления цивилизации есть процесс преодоления внешней несвободы. При этом несвобода первоначально понималась как становление свободы от внешней природы, этого мира, который господствовал над индивидом и обществом. Будучи все-таки продуктом природы, ее высшим творением, продуктом наивысшего ее развития, человек начинает несколько по-новому смотреть на природу, рассматривая ее как некоторое средство своего собственного развития. Отрезвление и осознание этого порога рассудочного, эгоистического мышления и практического отношения к природе пришло уже потом, когда устами Бекона была выражена необходимость нового отношения к природе. Природу побеждают, покоряясь ей.

Но тогда следует осознать и другое важное следствие. Вся жизнь общества есть процесс ее производительного присвоения. И хотя человек уже не берет в природе готовые ее продукты, а вынужден промышленно перерабатывать их, это, в сущности, положение дела не меняет. Человек берет не готовые к непосредственному употреблению вещи, а ресурсы, которые перерабатываются и превращаются в готовые к пользованию предметы. Возникает возможность более опосредованно воздействовать на процесс присвоения, но уже в его окольной форме, по-Бем-Баверку. От природы произволящей (*natura naturans*) к природе производимой (*natura naturata*).

Если не принимать некое божественное происхождение человека, то проблема остается. Человек, будучи моментом высшего развития природы, превратил породившую его субстанцию в некоторую

среду, с помощью которой стал полагать себя целью. Развитие техники многократно усилило власть человека над природой. Но была ли покорена природа, и был ли в этом конечный результат покорения природы?

Сейчас многим трезвым экономистам, философам, экологам становится понятным, что человек не может более рассматриваться в качестве исключительно цели, а сам рассматривать природу как некоторое средство в реализации своих эгоистичных целей. «Человек экономический» (лат. – *homo economicus*) со своим эгоистическим отношением к природе, побеждая природу в процессе своего производительного присвоения, не побеждает ее, а искажает свою собственную природу, совершая насилие над ней и над собой.

Как отмечает Г.В.Ф. Гегель, практическое отношение в природе в процессе его производительного присвоения опосредовано желанием, вожделением. Производство условий бытия человека есть другая сторона присвоения, и наоборот. Расходование сил природы есть присвоение их в процессе создания органов, способных опосредовать воздействие на природу человека, повышая тем самым интенсивность присвоения. Формы экстенсивного освоения могут наталкиваться на пространственные ограничения, не затрагивая сам характер воздействия. Пагубность воздействия человека на природу здесь ограничена физически, т. е. сама природа определяет границы этого вмешательства. Интенсивное же воздействие на природу способно увеличивать эффект от того, что саму природу втягивают в процесс своего воздействия на саму себя для целей человека. Последний способен раскрывать саму природу не только внешне, но и сущностно, раскрывая законы природы и обращая ее на саму себя. В этом случае гегелевская хитрость разума (*Iust Vernunft*) оказывается далеко не разумной. Хитрость разума человека оборачивается уже против самого человека. Это понуждает человека употреблять, использовать саму природу, ее производительные силы для своих нужд. При этом природа из производимой (*natura naturata*) становится уже природой производящей (*natura naturans*) и тем самым уничтожающей саму себя, если это переходит некоторые границы, пределы, за которыми природа истощается. И когда Гегель определяет труд как по-стороннее делание–себя–вещью, в результате чего создаются предметы потребления, то создание средств производства, в которых

человеческий гений воплотил идеи использования сил природы для производства предметов вожделений, и здесь мы уже можем обнаружить момент отрицания себя как человека. «Вообще собственная деятельность природы, эластичность часовой пружины, вода, ветер применяются так, чтобы в своем чувственном наличном бытии делать нечто совершенно иное, чем они хотели бы делать... Оно представляет природу мучиться, спокойно наблюдает и малым усилием управляет целым: «На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости» [11. Т. 1. С. 307].

Однако одностороннее понимание этого важнейшего принципа обнаруживает противоречие. Это использование приводит к разрушению, разрушению потенциалов, производительной мощи природы. Природа есть не только среда, в которой обнаруживаются эти мощные производительные силы, но и среда, в которой живет человек, но уже не окольно, а непосредственно. Это разрушение есть одновременно и процесс подрыва, уничтожения богатства граждан, причем это уничтожение богатства происходит не только у нынешнего поколения людей, но и у будущих поколений. Это дает основание полагать, что человек экономический уже не есть человек, который ведет себя рационально, т. е. одновременно и человек разумный (*homo sapiens*). Он, скорее, есть старательный и экономический, но уже «не по разуму».

Власть над природой, как и власть в обществе, вообще должна быть еще понята людьми в своей сущности. Возьмем на себя смелость утверждать, что вряд ли человек стал субъектом своего собственного становления. Если бы это было так, то вряд ли он позволил бы себе столь хищническое отношение к природе. Последняя мстит человеку. Более того, не осознавая до сих пор своего места в природном мире, не оценивая критически итоги своей практической деятельности, не осмысливая философски сущности человеческой природы, вряд ли можно ожидать сдвига в сознании и практическом отношении к природному миру. Сохраняющаяся агрессивность человека по отношению к природе только лишним раз подтверждает эту истину.

В то же время нам чуждо исключительно пассивное отношение к природе, отношение созерцательности. Критерий следует видеть в познании как необходимой агрессивности, так и необходимой

пассивности. Это осознание должно стать действительно необходимостью, чтобы человек мог увидеть себя не только как человека экономического, а как момент становления человека целостного: природного, культурного, разумного, общественного, этического и т. д.

Тогда стремление человека к своему собственному расширенному воспроизводству будет опосредовано стремлением знать предпосылки и факторы расширенного воспроизводства природной среды. Власть над природным миром должна быть опосредована осознанием необходимого для самой природы. Власть как практическая реализация своей воли должна преломиться через знание истинной природы человека и окружающей его среды. Власть над природой, следовательно, должна пониматься не как господство цели над средством, а как собственно человеческая необходимость расширенного воспроизводства природного, социокультурного мира в нужном направлении.

И не стоит питать иллюзий, что расширенное воспроизводство природного мира всегда есть его изменение. Следует стремиться понять эту тенденцию и направить развитие в нужном направлении. Следует осознать эту внутреннюю необходимость развития мира, а власть должна первоначально выступить как воля в осознании этой внутренней необходимости. Это есть вопрос, на который ответит природа, хотя ответственность за свою неадекватную деятельность понесет человек. Поэтому могли бы считать более приемлемым действия по принципу не навредить природе, если уж человек ещё не в состоянии понять объективный ход вещей и свое место в этом природном мире.

При всей своей тривиальности положение о том, что человек не находится в центре внимания и развития, имеет под собой достаточное основание. Более того, как свидетельствуют некоторые монографические исследования, в настоящее время в российском обществе не выработано системное представление о человекопроизводственных структурах, в которых реализуются процессы производства благ, средств производства и протекает его жизнедеятельность. Тем более отсутствует однозначно понимаемое в обществе положение, что собственно есть главное звено в процессе производительного присвоения и развития национальных сообществ. Более того, даже в свете последних документов Правительства

России, законодательства в субъектах Российской Федерации, развитие территорий не предусматривает понимание того, что устойчивое развитие есть единый процесс развития производительных сил и развития социальной сферы. Эти две сферы не дополняют друг друга, а, в лучшем случае, идут параллельными курсами. В итоге нарушаются оптимальные пропорции соотношения капитала, земли и рабочей силы, разрушаются естественные структуры и институты человеческого общежития, появляются проблемы в обеспечении нормальных условий для расширенного или даже простого воспроизводства рабочей силы.

Если извлечь некоторые выводы из возможностей реализации моделей экономического роста в классическом воплощении, то можно констатировать, что Россия впадает в очередную патовую ситуацию. Для разрешения этого предметного противоречия человеческого бытия ученые предлагают ее решение на основе системных возможностей нации. Это должно обеспечивать устойчивое и динамичное развитие, обнаруживая признаки восприимчивости нового качества всей системы. Заслуживающим внимания в этой концепции является тот момент, что данный комплекс органически должен включать институты и механизмы самоуправления при формировании некоторого самодостаточного целостного образования, включающего оптимальную и эффективную человеко-производственную систему в границах целого – национальной территории с ее муниципальными образованиями, в первую очередь.

Если воспроизвести идею известного австрийского экономиста, современника К. Маркса и его прижизненного фундаментального критика Евгения Бем-Баверка, то можно уловить в этой модели сходство существенных моментов. Е. Бем-Баверк первым стал выделять сферу *непосредственного производства жизненных благ* в форме непосредственного присвоения «даров природы» в виде собирательства, извлечения благ из объектов данной природой непосредственно (пещера в качестве жилища, прирученное дикое животное, найденные и собранные злаки, добыча охотников и т. д.) и *окольную* сферу производства. Под последним в экономической теории понимается производство капитала для воспроизводства предметов потребления. Для уточнения нашей теоретической позиции следует принять во внимание, что человек продолжает потреблять блага,

которые даны ему непосредственно природой, местообитанием индивида. Эта природная среда не воспроизводится пока искусственно, ее можно рассматривать как «даровую силу природы», если использовать выражения уже К. Марса. Существенно значимой задачей человечества в целом становится если не воспроизводство природной среды, то, по крайней мере, сохранение самой биоты, которая дана человеку непосредственно и в окружении которой человек живет и воспроизводится.

Однако не может вызывать *ex ante* возражений утверждение, что эта среда имеет конкретно-человеческую привязку. Можно утверждать, что эта предельно конкретная среда, которая сопровождает человека с момента его появления на свет и ассоциируется с понятием, представлением «родина», «родная земля».

Это в определенной мере противопоставляется понятию «общий дом», куда приходят люди, рождаясь как граждане мира. И если последнее направление в мышлении, выборе жизненной ориентации в большей степени характерно для современных течений «глобалистов», полагающих и идентифицирующих себя как граждан мира, тем не менее, как мы полагаем, перешагнуть через родину будет означать и перешагнуть через себя. Как пишет по этому поводу М.М. Пришвин в своих дневниках: «Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека? Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной родным словом, я неотделим от России...» [Цит. по: 29. С. 170]

Если проанализировать концепт данного суждения, то мы можем обнаружить следующие моменты, например, «боль» за свою землю, «естественное богатство», сама земля, родной человек, природа, которая увенчана родным словом. В суждении «житель района работает на местном предприятии» мы скорее обнаруживаем все признаки аналитического суждения. Оно, в отличие от синтетических суждений, характеризуется тем, что здесь субъект уже предопределен содержанием концепта понятия предиката. Другими словами, «житель»

извлечен из предиката, а последний есть, скорее, некоторое целостное образование, выделившее в самом суждении какой-то значимый в осмыслении признак. Район здесь рассматривается как малая родина, сама земля, на которой трудится родной человек, извлекая естественное богатство из родной природы, что может приносить и боль. Человек есть порождение родины, ее дитя и он не должен принести ей боль. Другими словами, родина как род бесконечно значимее своего индивида. И если это не патологическое отклонение индивида, то забота о себе самом, об условиях своего воспроизводства есть форма проявления заботы о своей родине, своей земле, и наоборот. В синтетических суждениях субъект как бы присоединен к предикату, и нельзя обнаружить признаки, основания для заключения об истинности в принадлежности признака субъекта к роду предиката.

Само понятие «родина» *ex ante* предполагает, что последняя дает простор для развития, роста человека. Проживать и трудиться на территории неизбежно предполагает наличие достаточного жизненного пространства, пригодного, родного, имеющее естественную ценность и значимость. И чем больше этого пространства-родины, тем более комфортно, более удовлетворенно живет человек.

В этом отношении сама родина определена и со стороны количества и со стороны качества. С количественной стороны ее большая ценность *родины* соотносится с «широтой». Достаточно вспомнить слова известной советской песни «*Широка страна моя родная*». Фактически, это суждение есть калька с выражения древних римлян: «*Late patet patria mea*». Что можно трактовать как «широко раскинулась родина моя». Более того, в древнеиндийской культуре прилагательное «широкое» выступает именем существительным и означает «земля». Эта тенденция обнаруживается и в работах известного русского историка Василия Осиповича Ключевского. Описывая историю России, он выделяет ее главный признак – землю, характеризуя ее территорию, климат, почву и выделяя при этом три главных стихии: лес, степь, река. Заботиться о воспроизводстве условий своего бытия, своего места обитания, труда есть одновременно иная сторона заботы о самом себе. Российская специфика этого отношения проявляется в том, что нанесение ущерба российской природе имеет для россиянина более тяжелые последствия, чем, например, для западного гражданина. С одной стороны, российская природа,

земля и ее просторы формировали чувства отрешенности. Как пишет В.О. Ключевский, здесь сказались продолжительное переселенческое бродяжничество прежних времен и хронические пожары. Эти обстоятельства из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке.

С другой стороны, рассматривая влияние природы на человека, следует видеть и воздействие человека на природу. Российская природа при видимой простоте и однообразии отличается *недостатком устойчивости*. Ее сравнительно легко вывести из равновесия. Человеку трудно уничтожить источники питания рек в Западной Европе, в России стоит только оголить или осушить верховье реки и ее верхних притоков, и река обмелеет [29. С. 72].

Следовательно, как мы можем сделать вывод, для россиян воспроизводство условий жизненного обитания человека накладывает особые, более жесткие требования. Природа, родина скорее взаимовязаны с конкретным поселком, городом, селом и должны исключать потребительское к себе отношение. Расширенное воспроизводство в концепции устойчивого развития территории предполагает сохранение и воспроизводство самой территории, бережное к ней отношение, сохранение ее экологии. В противном случае цивилизация отнесется к природе так, как прежде относилась к человеку – исключительно как средству своего обособленного от целого эгоистического бытия, предполагая эксплуатацию себе подобного.

По сути, данное положение есть парафраз известного императива И. Канта – не относиться к человеку как к средству, но и как к цели и средству одновременно. В нашей концепции этот императив приобретает несколько иное содержание. Уже и природу не следует рассматривать как некоторое исключительно средство в достижении человеком своих целей. «Даровые силы» природы не бесконечны, они исчерпаемы, многие невозпроизводимы. Территория, на которой расположены единицы бизнеса и местоживания, уже не всегда может переработать «отходы», следы подобной «цивилизации». Но для жителей поселков, малых и больших городов эти территории не только площадки бизнес-структур, это их жизненная природная среда, наконец, их Родина.

Для жителей конкретных территорий в условиях быстро изменяющихся состояний современной России в переходный период становятся предельно актуальными выводы отечественных этноэкологов. Эти выводы востребованы потому, что в современных макросистемах, где взаимодействуют ценности традиционные и ценности, порожденные индустриализацией, информатизацией, экологический кризис приводит к демографическим последствиям, к разрушению хозяйственно-культурной специфики этнической группировки на территориях, к подрыву его основания. Можно вести речь о проблеме формирования и восстановления необходимых условий жизнеобеспечения населения на территориях.

Жизнеобеспечение людей предполагает удовлетворение его социальных и требуемых биологических потребностей. А широкое понятие «жизнеобеспечение», как полагают некоторые исследователи, включает в себя не только преобладающие и ведущие компоненты культуры, но и некоторые нерациональные, хотя и значимые элементы.

Этот момент нерационального поведения людей на территориях может быть обнаружен уже в том, что их ценностное отношение может не совпадать с ценностным отношением бизнес-структур, которые осуществляют свою хозяйственную деятельность. Рациональность в действиях руководителя бизнес-структур – это, прежде всего нацеленность действий на оптимальное, т. е. эффективное размещение имеющихся ресурсов. Для бизнеса в последние годы стало характерным проявление негативных тенденций в современной России. К этим моментам следует отнести растущие рискованность и агрессивность. Результат может далеко не совпадать с ожиданиями людей, которые проживают на конкретной территории России.

Исследования, которые были проведены в последние годы, позволяют сделать следующие выводы. Отклонения от оптимального для жизни состояния окружающей среды вызывают естественную реакцию ранее организованных сообществ, биоты, вектор реакции которых направлен на нейтрализацию этого внешнего воздействия, возмущения. При всех этих флуктуациях ранее организованные сообщества регулируют свою среду, не позволяя ей путем наращивания реактивного потенциала выходить из приемлемого для среды

состояния. Последнее есть некоторый аналог реализации известного в естествознании принципа Ле Шателье-Брауна.

Есть основания полагать, что этот принцип применим не только к естественным физическим системам, например, к термодинамическим, но и к более сложным системам в области биологии, экологии, наконец, вообще к общественным системам. Эта устойчивость биосистемы, биоты поддерживается на основе замкнутости биохимических кругооборотов материи. Флуктуации в биосреде компенсируются естественными биохимическими процессами, что и позволяет всей системе находиться в относительно устойчивом состоянии.

Можно одновременно предположить, что выход за пределы устойчивого развития будет определяться не только размером самого возмущения биосреды, но и скоростью нарастания мощи этого возмущения, или отрицательного для среды реализации потенциала вредного воздействия. Факторы биосферного воздействия не могут быть описаны простыми линейными моделями, уравнениями. Учет скоростей нарастания роли флуктуаций может быть описан в концепции устойчивости решений линейных дифференциальных уравнений.

В самом общем и известном виде эта зависимость может быть выражена непрерывной зависимостью решения уравнения от начальных значений на всей совокупности параметров среды, теоретически от нуля до бесконечности. Хотя можно их принять как выродившиеся точки, модели которых можно описать конкретными биохимическими, экологическими или физическими состояниями. Например, в почве избыточными и вредными для здоровья человека могут быть накопления нитратов и нитридов, а также таких тяжелых металлов, как свинец, кадмий, олово, ионов хлора, натрия, фтора.

Для природной среды, как и для любых материальных систем характерен признак инерционности. Отслеживание по предельно допустимым уровням концентрации, как это нам представляется, является несколько грубым методом. Он фактически может выявить превышение норм уже тогда, когда ввод в систему вредных канцерогенов прекратился, во-первых, а во-вторых, не дает возможности отслеживать ситуацию в зависимости от текущих состояний загрязнений.

Следовательно, имеет смысл и свое логическое обоснование введение скоростных параметров нарастания угроз. Эта упрощенная математическая модель может быть представлена как система однородных дифференциальных уравнений первого порядка с частными производными и постоянными коэффициентами. Эти математические модели устойчивого состояния природной среды при возмущениях природной среды вредными для природы и человека вредными выбросами дают основания для моделирования системы мониторинга не только достигнутого уровня предельно допустимых концентраций, но и скоростей их накопления.

Следовательно, для устойчивого состояния социо-, биологических систем становится актуальным не только не превышать предельно допустимые нормы концентрации вредных для состояния устойчивого равновесия возмущений, но и осуществлять мониторинг скоростей положительных изменений вредных воздействий. Любое продолжительное превышение скоростей накапливания вредных возмущений, как некоторая интегральная величина скоростей поступления и скоростей регенерации есть необходимый признак разрушения сложившегося ранее в системе равновесного состояния.

Одновременно можно предположить, что принцип Ле Шателье-Брауна, скорее, есть некоторая возможная интерпретация модели описания устойчивости систем вообще. Сама же модель устойчивого развития в нашем понимании в общем случае описана системой линейных дифференциальных уравнений. Это дает одновременно не только возможность ввести в модель параметры накопления вредных воздействий на среду, но и учитывать скорости и даже ускорения нарастания негативных воздействий, флуктуаций от хозяйственной деятельности на природную среду.

Таким образом, можно сделать некоторый вывод относительно того, что нарастание объемов хозяйственной деятельности на территориях объективно требует уточнения пределов и интенсивности нарастания хозяйственной деятельности. Система может быть выведена из равновесия не только от факторов накопленного негативного объема, но и скоростью нарастания флуктуаций в биосфере, морской биоте и т. д.

Следовательно, противоречие может быть разрешено поиском и реализацией таких форм *общего жития* на конкретных

территориях, по-Саровскому, которые включали бы интересы как бизнес-структур, так и населения. Замещение интересов населения интересами бизнес-структур, коррумпированного чиновничества не может привести к положительным результатам.

В итоге можно сделать вывод, что концепция устойчивого экономического развития территорий позволяет наиболее адекватно применять в будущем эту концепцию, принимая во внимание специфику российского менталитета, его историческую судьбу, или, как писал по этому поводу С.Ю. Витте, *особенности российского грунта*.

Рассмотрение специфики организации и функционирования бизнес-структур на территориях России позволяет выделить следующие аспекты. Население здесь рассматривается не как исключительно носитель рабочей силы для бизнес-структур, но и как активный субъект, реализующий и понимающий ценность своего самосознания, саморазвития и самоуправления. В этом случае могут формироваться предпосылки, которые исключали бы возможность замещения интересов проживающего на территории России населения узко эгоистичными интересами бизнес-структур и обслуживающих часто их некоторыми представителями коррумпированного чиновнического аппарата. Этот комплекс будет объективно включать два звена, а именно: население как носителя рабочей силы в бизнес-структурах, и то же самое население, но уже как жителей населенных пунктов. Следовательно, бытие населения в этой концепции противоречиво, оно внешне раздвоено. Внешним образом это противоречие выявляется в форме противоположности интересов и практических действий всех участников процесса, которые реагируют на стимулы, проявляя моменты оппортунизма в действиях по отношению к населению территории как целому.

Отдавая дань справедливости, следует отметить, что производственная деятельность на территории стала вписываться в концепцию устойчивого развития тогда, когда человечество впервые осознало пагубность традиционного пути развития. Суть последнего, как мы отметили ранее, можно свести к форме использования природы и самого человека исключительно как факторов в производственной деятельности. Последнее несет признаки ущербного бытия работника как по отношению к другим, так и по отношению к природе. Этот путь характеризуется, как показывает практика

иных государств, кризисами, катастрофами, наконец, *омницидом*, или гибелью всего живого. Следовательно, переход к концепции устойчивого развития есть форма разрешения этого глобального противоречия между растущими потребностями населения и неспособностью биосферы удовлетворить их без своего разрушения. В итоге вектор социально-экономического развития становится направленным на ускоренное движение к глобальной экокатастрофе, что ставит под угрозу не только удовлетворение жизненно важных потребностей и интересов будущих поколений людей, но и саму возможность их существования.

И хотя «регулятивная мощь» планетарной биоты огромна, тем не менее негативное воздействие на последнюю в результате непродуманной в перспективе хозяйственной деятельности в отдельных регионах сделала практически непригодной для проживания людей. В.И. Вернадскому принадлежит идея, что человечество превратилось в геологическую силу. Объемы извлекаемой и перерабатываемой из недр породы составляют, по некоторым данным около 100 Гтонн в год. Размер хозяйственной деятельности человека занимает промежуточное место между объемом синтезированного органического вещества биотой (около 1000 Гтонн в год в живом весе) и современной вулканической деятельностью (около 10 Гтонн в год) вулканического вещества. Эта биотическая мощь, по крайней мере, на порядок выше геологической активности в сфере хозяйственной деятельности человека, и она выявляет моменты, признаки того, что человечество еще не перешагнуло тот рубеж, который может уже быть описан моделью неустойчивого состояния, по-Ляпунову.

Биосфера в настоящее время продолжает оставаться единственной естественной системой, которая может быть охарактеризована как устойчивая среда обитания при любых мощных, но непродолжительных флуктуациях. Однако этого уже нельзя сказать о морской среде, внутренних водных водоемах, которые тем или иным образом были втянуты в хозяйственный оборот человеком. Как показали расчеты В.Г. Горшкова, доля антропогенного потребления продукции атмосферы составляет более 10 %. Но эта величина на порядок больше допустимого значения, с точки зрения принципа Ле Шателье-Брауна. Ученые пришли к выводу, что если эта доля составит 20 %,

подобного антропогенного возмущения биосфера уже не выдержит. Сам же переход биосферы из одного уровня устойчивого состояния биосферы к другому происходит на протяжении миллионов лет в силу огромных масштабов и сложностей процессов, которые происходят во взаимосвязях био-, гео-, экосистемах.

Это положение выявило понимание необходимости перехода к такому цивилизационному развитию, которое не разрушает своей природной основы и гарантирует человечеству возможность выживания, дальнейшего непрекращающегося, т. е. управляемого, устойчивого развития.

Сам термин «устойчивое развитие» получил широкое распространение после публикации доклада премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланда в 1987 году, подготовленного для ООН в рамках Международной комиссии по окружающей среде и развитию. Хотя несколько ранее в докладе «Всемирная стратегия охраны природы» (1980), представленном Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, высказывалась идея о том, что для устойчивого развития следует учитывать не только экономические аспекты, но и социальные и экологические факторы. Можно полагать, что еще в 1972 году в подобное понимание развития важный вклад внесли научные доклады Римского клуба, в частности доклад «Пределы роста». В последнем были сформулированы идеи перехода цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия», от количественного к «органическому», или (качественному) росту и «новому мировому общественному порядку».

В настоящее время в научной литературе встречаются различные определения устойчивого развития. Например, устойчивое развитие есть такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Следует отметить некоторую размытость данной формулировки, ее нечеткость, антропоцентричность и неоднозначность. В существенной части этот недостаток устраняется в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Здесь уже под устойчивым развитием подразумевалось «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы». Предполагалось также,

что улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобальным изменениям. В Концепции подчеркивалось, что, следуя рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), представляется необходимым и возможным осуществить в России последовательный переход к устойчивому развитию. Это обеспечит сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения нынешнего и будущего поколений людей. Концепция, будучи принятой по рекомендации ЮНЕСКО, включала важное положение о том, что Россия утвердит свою национальную стратегию устойчивого развития Российской Федерации. Осознание существенных положений Концепции давало основание полагать, что все завоевания цивилизации могут быть уничтожены, если не будут найдены решения проблем окружающей среды. В результате человечество будет ввергнуто в пучину глобальной экологической катастрофы, так как богатства природы, ее возможности самовосстановления окажутся полностью исчерпанными. В результате становилось ясным, что необходимо самым решительным образом изменить модель развития человечества и даже сам способ жизнедеятельности каждого человека. При этом стратегия устойчивого развития не может быть создана исходя из традиционных общечеловеческих представлений и ценностей, стереотипов мышления.

Понятие «устойчивое развитие» должно определяться на основе двух полярностей – антропоцентрического и биосфероцентрического. Под первым понимается в самом широком смысле выживание человечества, нации, населения регионов и способность его дальнейшего непрекращающегося, или устойчивого, непрерывно долгого развития. Последующие поколения не должны иметь меньше возможностей по сравнению с настоящим поколением по удовлетворению своих потребностей в природных условиях. Экологические условия не должны приноситься в жертву за счет будущих поколений. Фактически речь идет о соблюдении принципа равенства возможностей поколений по удовлетворению своих текущих потребностей.

Биосфероцентрический подход, который в самом общем случае можно трактовать как экологический, отражает процесс сохранения биосферы как естественной основы жизни на территории, сохранение ее устойчивости и естественной эволюции. Это позволит сформировать предпосылки по исключению экофобных форм. Тем самым будет поэтапно формироваться некоторая новая целостность единой самоорганизующейся системы с включением экологической, социальной и экономической сфер. Фактически речь идет о выработке такой стратегии устойчивого развития, которая позволяет достигать гармонии между людьми, обществом и природой.

Вся хозяйственная деятельность должна протекать в форме, не допускающей разрушение биосферы с учетом ее экологодопустимой емкости, что приобретает исключительно важное значение. Территория России должна рассматриваться уже не как сфера, поставляющая природные ресурсы и являющая их кладовым запасом, а как сфера жизнедеятельности социально-экономической составляющей системы в целом и ее отдельных звеньев.

В настоящее время вторая сторона процесса – *биосферосовместимая экономика* – в российском восприятии пока выглядит как очередная утопия, а механизмы, схемы ее реализации пока не совсем ясны в деталях. Это дает некоторые основания утверждать, что все завоевания цивилизации без решения проблем окружающей среды, ее биоты поставлены под угрозу уничтожения. Становится очевидным, что человечество постепенно ввергается в пучину планетарной экологической катастрофы, так как богатство и разнообразие природы окажутся исчерпанными полностью. Будет разрушено само место *общего жития*, которое наиболее отчетливо взаимосвязано с территориями России. Следует коренным образом изменять саму модель развития территорий, сам образ жизнедеятельности каждого человека на территории.

Как свидетельствует историческая практика развития и становления цивилизации, переход 10–12 тыс. лет назад к оседлому земледелию и скотоводству дал основания для утверждения о начале агро-неолитической революции. С этого момента начал свой отчет времени процесс начала потребительского отношения к природе, который до самого последнего времени продолжает набирать обороты.

За этой революцией последовал процесс развития индустрии, что сопровождалось интенсивным разрушением биосферы и сопровождающим его процессом разрушения экологических ниш других живых существ, т. е. разрушения биоты. Это привело к значительному сокращению биоразнообразия на генетическом, видовом и экосистемных уровнях.

В настоящее время российскими учеными был дан некоторый ответ на проблемы теории биотической регуляции и стабилизации окружающей среды, предложив естественнонаучную базу перехода к устойчивому развитию. Как полагают специалисты, выработка приемлемого механизма регуляции и стабилизации становится в ближайшей перспективе главным действующим фактором сохранения биосферы. При этом под биосферой понимают биоту и взаимодействующую с ней окружающую природную среду в планетарных масштабах.

Изложенное ранее дает основание для вывода, что для сохранения биосферы и ее устойчивости необходимо резко снижать антропогенное давление хозяйственной деятельности. Это изменение модели развития позволит реализовать и сделать возможным переход от преобразовательной деятельности природы к адаптивной, не нарушая, а соблюдая законы равновесия в биотивной среде.

Преобразовательный аспект разделялся некоторыми видными российскими учеными, в том числе В.И. Вернадским, К.Э. Циолковским. Последние мыслили будущее Земли и космоса только через призму все большего воздействия человека на природу. Более того, В.И. Вернадский писал о превращении биосферы в ноосферу. Однако сейчас есть все основания полагать, что в концепции устойчивого развития необходимо не преобразовывать биосферу, а максимально сохранять ее от чрезмерных антропогенных воздействия человека от хозяйственной и иных видов деятельности. Наиболее разумным представляется осуществлять это ограничение антропогенной активности уже на освоенных территориях.

Все проекты, которые затрагивают наиболее ранимые сферы жизненного бытия, даже если они представляются в форме новых проектов освоения прибрежных территорий Дальнего Востока в границах АТЭС, следует глубоко просчитывать по возможным катастрофическим последствиям для биосферы. Хозяйственная

деятельность, скорее, свертывает жизненное пространство человека, чем расширяет его. Человек существует не только во времени, но и в пространстве, на конкретных территориальных образованиях. Разрушение биосферы, ее элементов биоты есть либо преступление перед будущими поколениями, либо очередная утопия в стремлениях сделать жизнь людей на территориях более благоприятной и счастливой. Но, как писал еще в свое время А. Данте: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Можно в итоге прийти к логическому выводу, что свободное рыночное хозяйствование на территории Российской Федерации должно иметь свои границы. Эти границы оформляются факторами теоретического осмысления истинных целей бытия самого человека, как во времени, так и в пространстве, нормами этики, принципами эстетики, наконец, границами социального императива. Конец неблагоразумного отношения к природе производящей (*natura naturans*) и природе производимой (*natura naturata*) можно увидеть в провидении И. Канта, если сделать некоторый экскурс в его философское наследие. Так, в июне 1974 года в журнале «Берлинский ежемесячник» И. Кант в своей статье выразил причины морального конца человечества. Из статьи явно следует, что идея конца всего сущего кроется именно в морали, т. е. в этике. В итоге возможны три варианта исхода человечества:

- по божественной мудрости, или естественный, т. е. по непонятным для людей причинам;
- сверхъестественный, т. е. противоестественный, когда человек не может понять эти причины вообще;
- по человеческой неблагоразумности, когда человек не понимает, но не потому, что не может понять по определению, а понимает только свое ближайшее бытие, не видя конечной цели.

Настоящий разрыв в российском обществе между богатыми и бедными получает еще одну проблему дифференциации – увеличивающейся разрыв в среде проживания наиболее обеспеченных слоев населения России, и ее имущественно несостоятельной доли россиян. Все более возрастает доля тех россиян, которые ограничены в возможностях доступа к экологически чистой воде, чистому, незагрязненному воздуху. Можно сделать вывод, что Россия погружается не только в социально-экономический, но и социально-экологический кризис. Обнаруживается нарастающее различие

в границах единого российского государства по субъектам Федерации, в границах субъекта Федерации по отдельным муниципальным образованиям. Переход к рыночным принципам в России не может иметь своим следствием игнорирование требований сохранения расширенного воспроизводства среды жизнеобитания россиян, их территорий, разрушения экосистемы. Решение проблем видится исключительно на пути перехода России к устойчивому развитию. Это позволит снять противоречия региональной, территориальной дифференциации.

Многие территории Российской империи и постреволюционной России формировались и заселялись за счет огромных инвестиций, дотаций, льгот, иных преференций. Все это не могло иметь следствием другого, кроме как неконкурентоспособности в основном производства местной продукции, если перенести это состояние на рыночные основания. И поэтому вряд ли имеет достаточно оснований политика поддержания умирающих, неестественных для некоторых отдаленных территорий производств. Скорее, следует обеспечить достойное переселение оставшейся части, субсидировав при этом коренное население, которое, скорее всего, пожелает остаться на территориях своих предков. Эти анклавные образования должны поддерживаться всеми ветвями публичной власти. Последнее позволит сохранить экосистему, сохранить для потомков исторические природные памятники, культуру коренных народов. Ни одна рыночная система не будет в состоянии выполнить и осуществить эту задачу сохранения не только природной среды, но и самого этноса в анклавах.

Этот переход к устойчивому развитию на территориях должен начаться с коренного пересмотра ценностей и целей социально-экономического развития, пересмотра приоритетов и целевых ориентиров развития всего общества. Главные ценности были и останутся – жизнь, здоровье, природная среда жизнеобитания человека. И эти ценности очень тяжело опосредуются современными рыночными механизмами и инструментами. Следовательно, не экономические императивы будут определять современное развитие России уже в среднесрочной перспективе, а само устойчивое развитие с его императивами будет определять вектор экономического развития страны и его территориальных, муниципальных образований.

В итоге следует сформулировать вывод о том, что ни одна программа устойчивого развития региона, территории, муниципального образования не может рассчитывать на успех, если не будут решены системные требования сохранения экосистемы, не будет отработан переход от антропоцентрического подхода к биосфероцентрическому.

Следовательно, по нашему мнению, природа не может уже считаться средством, а человек – целью своего собственного развития, противопоставляя себя тем самым природе, как цель средству. Человек целостный видит цель и в природе, не господствуя над ней, не выявляя эгоистической агрессивности. Этот этап хотя и был необходимым, но в силу приобретения необузданной мощи человека, стал исторически уходящим. Забвение этого положения принесет страдание уже самому человеку. Неосознаваемая мощь господства над природой, огромная власть над ней есть потеря своей собственной свободы, *порабощение разума практическим эгоистическим рассудком*.

Но отмеченное выше по отношению к природному миру относится и к общественному устройству. Вопрос, в сущности, остается прежним. Может ли человек стать свободным, видеть в себе цель, если в других он продолжает видеть только средство? Господин, поработивший раба, сам становится рабом, человеком, потерявшим свою свободу, хотя внешне и сохраняющий власть над ним. Эта истина осознана человеком давно, хотя в практической жизни она всегда, как правило, нарушается.

Власть в обществе всегда есть власть над людьми. Осуществление власти объективно требует доминирования индивида, личности над другими. Последние не могут быть свободными. Свобода становилась уделом избранных, остальной массе приходится довольствоваться пребыванием в приниженном, нивелированном состоянии. В этой массе нет личности, так как здесь нет для неё свободы.

В экономически связанных сообществах господство всегда осуществлялось через отношения собственности. Без собственности личность не могла найти адекватных себе форм проявления, она выступала как некая голая субъективность. Поэтому становление свободной личности, но уже от государства, требует становление первого этапа – становление института частной собственности.

Но и при этом проблема не может быть преодолена практически. Индивид с собственностью подлежит уже другим формам управления. Он должен не только осознать себя как цель, но и других признать как равных себе и свободных. Не осознав этого положения, человек, наделенный частной собственностью, становится неуживчивым с другими равными. Эта система не может быть органически устойчивой и жизненной, она взрывоопасна для общества. Последнее, формируя аппарат насилия, вынуждено ограничивать институт частной собственности, вплоть до полного ее отрицания. Ибо только лишенных собственности индивидов можно приучить жить, подчиняясь тому, кто наделен властью. Собственность есть всегда власть в обществе. Лишение собственности есть всегда первый шаг к лишению свободы и подчинение личности. Капитал есть власть собственности на средства производства, над наемной силой, лишенной собственности. Однако капитал не отменяет частную собственность для большинства. Если эта форма господства вырастает из монополистического капитала, то последствия будут одинаковы как для декларируемого социализма с господством государственной формы собственности, так для государства, в котором вся собственность принадлежит государству. Фактически это по своим результатам есть одно и то же. Две эти формы есть не более чем крайности, в которых отрицается свобода индивида быть в обществе тем, кто он есть, не нарушая свободное бытие остальных. Как монополистический государственный капитализм, так и социализм со всеобщим обобществлением средств производства отрицают свободу, не приемля либерализм. Поэтому Мизес прав в своих выводах, что главным в учении либерализма является утверждение, что общественное сотрудничество и разделение труда возможны только в системе частной собственности на средства производства, т. е. в условиях рыночной экономики, или капитализма. Все остальные принципы либерализма – демократия, личная свобода, свобода слова и печати, религиозная терпимость и мир между народами – вытекают из этого главного постулата. Они возможны только в обществе, базирующемся на частной собственности [19. С. 69].

Социалистическое устройство в бывшем СССР предполагало власть абсолютного единого собственника над внешне манифестированным, а фактически лишенным собственности гражданином.

Общепризнанная форма собственности не полагала с необходимостью частную собственность. Собственность *de-jure* и *de-facto* обнаруживает противоположность. Провозглашать и конституционно закреплять, но не располагать реальными формами реализации собственности для граждан есть существенный признак, по которому и пролегает различие. В тех сообществах, в которых эта противоположность обнаруживается, не могут признаваться как жизнеспособные и способные к развитию сообщества, что и показал своим распадом бывший СССР.

Будучи существенным моментом в формировании института власти в обществе, общепризнанная собственность одновременно полагает и соответствующие формы политического мировоззрения на власть государства и граждан в общем властном поле. С необходимостью формируется институт этатизма, который становится естественным в социальном пространстве нации. Как пишет по этому поводу Ф. фон Мизес, этатизм возлагает на государство задачу руководства гражданами и заботы о них. Он нацелен на ограничение личной свободы действий. Он стремится определять судьбу индивидуума, наделив всей полнотой инициативы исключительно государство [20. С. 63, 64].

Эти сообщества лишены будущего, хотя эти этапы были исторически необходимы. Но их следует рассматривать не более как переходные этапы развития человеческой цивилизации, как различные формы дальнейшего продвижения к внутренне свободному сообществу.

Все это дает некоторые основания для отказа от чрезмерной категоричности в экономической теории, при огульной и не всегда аргументированной критике социалистических форм присвоения и раскрытия исключительно положительных качеств капитализма. Следует видеть как положительные, так и отрицательные результаты присвоения и власти как в сообществах, организованных на принципах всеобщей социализации, так и на принципах капитализма. Ни одна система не лишена серьезных изъянов. Философия экономики, формируя новое мышление, призвана преодолевать односторонность агрессивного-эгоистического подхода, как к природе, так и к другим гражданам и всему сообществу. Одновременно не следует игнорировать положения, изложенные ярыми противниками

социалистического обустройства в лице Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека и других.

Как нам представляется, «присвоение», если его рассматривать как отмеченную ранее триаду пользования, владения и распоряжения, отличается тем, что из отношений собственности, как структурных, так и процессуальных, был исключен момент собственно создания самого объекта присвоения, т. е. блага. Этот момент мы можем выразить как отношения расходования, или производительного присвоения [24].

Следует отметить, что в работах некоторых экономистов стоимости вновь создаваемого продукта уделялось самое пристальное внимание, анализ же общественной стороны этого процесса в сфере распоряжения и пользования почти не проводился. Например, появляется теория факторов производства, где под фактором понимается один из основных ресурсов производственной деятельности предприятия или развития экономики в целом, в результате чего становится возможным создание самого блага для потребления. Все блага имеют свое предназначение – быть потребленными в процессе воспроизводства самих условий бытия индивидов в обществе.

Однако следует признать и то, что конечная цель известной триады есть потребление, или расходование произведенных благ уже как ресурсов в процессе воспроизводства жизни граждан. Как окольные, так и конечные ресурсы пронизаны отношениями собственности. Чтобы дойти до своего конечного потребления или накопления, они должны пройти фазу распределения.

Процесс распределения происходит также в зависимости от факторов, природа которых лежит в отношениях собственности. Собственность на фактор предшествующего процесса производства становится решающим звеном в отношениях распределения произведенного продукта – доли каждому по доле того фактора, который обнаружил себя в процессе производства, или производительного расходования.

Однако эта простая, на первый взгляд, схема нуждается в серьезном уточнении. Присвоение, проявляемое как движущееся, как осуществляющее себя и воспроизводящее себя противоречие собственности, не может быть понято в своих истинных и адекватных действительности моделях, если они будут рассматриваться исключительно в сфере собственности как экономического феномена.

Люди участвуют в процессе производства, являясь одновременно не только экономическими агентами, но и членами социума, полиса, носителями и выразителями отношений этики, права, религиозного сознания. Наконец, эти отношения пронизаны отношениями власти. Экономические отношения собственности есть одновременно отношения экономического понуждения к производству, выбору тех или иных моделей распределения произведенного продукта. Не может легитимно быть потребленным в обществе продукт, который идет вразрез с институтом справедливости в обществе. Поэтому потребление продукта в обществе осуществляется с согласия его членов. При организации системы оппортунистического поведения отдельных членов, когда последние используют теневые схемы распределения, отдавая приоритет частному в ущерб интересам общего, или целого, потребление, распределение и пользование осуществляются уже под личиной легитимности. Извлечение блага, или *usus fructus*, в результате пользования, или *usus*, может осуществляться в процессах злоупотребления пользователем при использовании благ, которые не охвачены отношениями собственности, в части разрешенного доступа к этим благам, или *ab usus*.

Последнее может быть осуществлено тогда и только тогда, когда неправомерному пользованию, или злоупотреблению в пользовании присвоенных *de facto* ресурсов предшествовало злоупотребление распоряжением. Эти отношения реализуются в разрез интересам целого сообщества и отражаются в сфере религиозного сознания, этики, наконец, и эстетики в том случае, когда декларируется принцип «присваивать не принадлежащее тебе по праву или в нарушение института будет «некрасиво». Закрепляя данный принцип *de jure*, институт выводит этих субъектов за рамки разрешаемого правом поведения, т. е. за рамки закона.

Распределение, предшествуя конечному потреблению и извлечению конечного блага, также проявляет себя в сфере производства, или производительного околного потребления: каждый агент получает по своему фактору, реализуемому в производстве, например, заработная плата, прибыль монополиста доминирующего фактора, налоги как доход государства и иные обязательные или добровольные платежи, например, в страховые фонды. Эти доли дохода сами имеют основания в принятых обществом принципах справедливости,

что закрепляется во властных воздействиях государства со стороны права. И если эти принципы справедливости закрепляются в праве, то их уже следует считать легитимными.

Вся политическая надстройка оформляла данный способ присвоения как способ, в основе которого лежали глубинные отношения частной собственности на средства производства.

В теории прибавочной стоимости К. Маркса, например, эти незаработанные доходы всего класса капиталистов освещались правом, соблюдение и осуществление которого контролировало государство с его репрессивным аппаратом принуждения и подчинения. Следовательно, не могло быть и речи о том, что чистый доход и его внешнее проявление в форме прибыли могли бы стать вне правовых, освещенных самим законом явлений законного присвоения дохода в обществе [16. Т. 48].

Наше мышление изначально отягощено нашим местом в процессе общественного воспроизводства и общественного присвоения. Общественное воспроизводство и общественное присвоение ни в коей мере не отрицает процесса индивидуализации этого присвоения. Даже тогда, когда мы внешне, с правовой точки зрения, равны по отношению к богатству, тем не менее, каждый получает индивидуальную услугу от центральных органов власти и его институтов. Когда мы все находимся под защитой вооруженных сил, это одновременно означает, что этот национальный институт обороны страны обеспечивает и защиту каждого индивида в отдельности.

Следовательно, мы не можем дистанцироваться от моментов нашего ценностного для нашего собственного бытия отношения как к процессу производства, распределения, обмена, так и потребления благ в обществе. Из этого следует, что, подвергая научному исследованию то или иное экономическое явление, мы не можем оставаться абсолютно объективными, начиная уже тогда, когда мы выстраиваем некоторые основания, принимая в качестве исходных положений те или иные постулаты, принципы.

Политическая экономия не может оставаться неполитизированной наукой. В этом ее специфика, и вряд ли поэтому уместно подвергать её критике за то, что этому предмету и самому процессу исследования присуще по своей внутренней природе. Следует не критиковать, а понимать это гносеологическое явление и учитывать его в процессе приближения к истине, которая есть целостность.

В определенной степени этим состоянием можно объяснить современное состояние российской экономической мысли, когда в последние годы практически исчезли с поля зрения научные исследования, предмет которых лежит в раскрытии природы экономических доходов в современной России. Экономическая теория не может дать внятного объяснения и обоснования необходимости лишения основной массы граждан России собственности. Власть осталась не на стороне простого народа, а на стороне коррумпированного чиновничества, крупного бизнеса, региональных политических элит. Эти организаторы всех российских бед, осуществившие с воинствующим невежеством перераспределение общенародной собственности, преследуя, в первую очередь, исключительно свои собственные корыстные интересы, допустили фундаментальное нарушение принципов справедливости в российском обществе. Более того, это осуществление процесса перераспределения они осуществили во всем его объеме, т. е. не частично, не фрагментарно, включая привлечение государственного механизма с его репрессивным аппаратом на свою сторону.

Следовательно, понимание принципов справедливости всего процесса организации производства, распределения, обмена и потребления, составляющих в своей совокупности и целостности процесс воспроизводства и присвоения человеком своих условий жизнедеятельности, дает основание выработать и специфику метода исследования природы дохода коррупционных структур. Одновременно это позволяет положить в основу метода понимание сути этих глубинных сущностных процессов в российском обществе вообще и в раскрытии экономической природы дохода чиновника, коррупционная суть которого сводится к использованию властного ресурса как необходимого фактора распределения в своих частных оппортунистических интересах. Именно в этой сфере злоупотребления в пользовании функцией распоряжения чужим объектом собственности в своих частных интересах, осуществляя оппортунистическое поведение по отношению к обществу в целом, следует видеть наиболее глубинные формы коррупции и природу источников коррупционного дохода.

Так как коррупционеры не всегда могут довольствоваться исключительно одномоментными формами извлечения дохода из-за краткого срока исполнения своих функций, то они стараются

создавать коррупционную систему отношений распределения, пользования и присвоения в целом в обществе. Для этого в обществе формируется соответствующая ресурсная база, создание которой есть инвестиционная деятельность коррумпированного чиновничества, которая имеет соответствующий объект – институт властных коммуникаций в обществе. Власть становится таким же фактором присвоения, как и капитал, земля, предпринимательские способности [23].

Природа проявления власти как фактора присвоения аналогична природе власти самого государства. Никто не желает платить налоги, но люди их платят, понимая не только необходимость их для существования самого государства в целом, но и возможные нежелательные последствия в тех случаях, когда государство может применить аппарат насилия и понуждения. Однако в этом случае вся целостная система отношений собственности базируется на экономике региона на принципах справедливости, которые потому и являются принципами, что из них вырастает вся система отношений и институтов распределения, производства, потребления и расходования в обществе.

При этом следует отдавать отчет в том, что именно принципы справедливости, на которых выстраивается вся система присвоения богатства в обществе, продолжают оставаться самой сложной и трудно исследуемой проблемой в общественных науках. Все отношения присвоения в обществе есть одновременно процессы отчуждения произведенного продукта, следовательно, они затрагивают каждого материально. Соблюдение устоявшихся традиций в процессе присвоения дохода в обществе требует создания дополнительных институтов власти, которые позволяют власти достраивать недостающие ей звенья, превращаясь, таким образом, в некоторую целостность. Такими институтами становятся истинные атрибуты публичной власти, например, репрессивный аппарат, система принуждения к исполнению такой системы экономических отношений, которые в основном были оформлены как соответствующие принципам справедливости в обществе на данный исторический период времени.

Люди, осуществляющие те или иные реформы в обществе, суть которых не может не затрагивать глубинных отношений собственности и связанных с ними процессов присвоения дохода, при осуществлении несправедливости в полном объеме привлекали на свою

сторону и политизированных ученых. Последние научно объясняли в замысловатых теориях «справедливость» и необходимость осуществленных реформ. Следовательно, чтобы проблемы методов познания сути механизма распределения и получения доходов были достаточно ясно представлены и поняты, их мало понять с помощью рассудка. Эти проблемы нуждаются в понимании, а не только в осознании.

Поэтому далеко не случайно Дельтей вполне обоснованно считал: «факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний, т. е. с любовью и ненавистью, со всей игрой наших аффектов созерцаем мы исторический мир» [9. С. 145].

У Платона были основания утверждать, что, какая бы форма государственного устройства ни преобладала, в интересах господствующей формы справедливости «устанавливает законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, также и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – то есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости» [25. С. 55]. Таким образом, справедливость у Платона трансформируется в должное: «...Справедливо отдавать каждому должное» [25. С. 40].

Однако когда начинает господствовать принцип «каждому – его должное», коррупционные структуры уже не могут открыто отнестись к своим корыстным интересам к интересам всего сообщества в целом. По крайней мере, мы еще склонны считать, что коррупция в России, которая достигла чудовищных масштабов, все же не позволяет нам судить о России как коррупционном государстве, где вся собственность принадлежит чиновникам, которые превратили государство в свою частную собственность.

Успешность мероприятий по борьбе с коррупцией нам видится в направлении разрушения инвестиционного направления коррупции. В этом случае будет подорвана ее факториальная, или капитальная база. Если признать, что власть есть фактор присвоения, то следует признать и то, что власть, которая приносит доход, обладает признаками капитала. Этот капитал коррупции, как продукт инвестиций во власть, должен быть замещен иными факторами присвоения

чиновниками, например, теми высокими доходами, которые принадлежат чиновнику как соответствующее праву, т. е. как должное.

Разрушение коррупционных структур должно базироваться на следующих принципах. *Во-первых*, следует максимально сократить число аппарата, который принимает решения, реализуя властные функции. Процесс может и должен быть формализован, решение должно вырабатываться в соответствии с алгоритмом поведения участников отношений. Чиновник должен скорее наблюдать и контролировать прозрачные процедуры выработки проектов и решений, а не принимать их. *Во-вторых*, создать систему, которая резко увеличит риски для чиновника. Здесь под рисками мы понимаем не опасность саму по себе, как это часто имеет место в научной литературе, и не вероятность наступления нежелательного события. Риск есть результат логической конъюнкции этих двух разных по экономической природе явлений, или результат логического умножения объемов понятий «вероятность наступления события» и «опасность».

Таким образом, возможны два направления борьбы с коррупцией в целях разрушения всей системы:

- повышение опасности для коррупционера, т. е. тяжести последствий, например, обязательной национализации доходов и собственности, полученных преступным путем;
- усиление прозрачности процедур принятия решений чиновниками, т. е. вся информация должна быть доступна для всех путем применения современных компьютерных технологий;
- контакт чиновника и клиента должен быть практически исключен в своей массовости. Открытость заявления клиента должна завершаться такой же открытостью выработки и принятия решения чиновником.

Класс бюрократии и его экономическое место в присвоении

Ключевую роль в теоретическом исследовании философских оснований присвоения выполняет понятие «справедливость». Более того, данное понятие мы принимаем в качестве и основного, и исходного понятия, из которого как из основания может только и вырасти вся теория дохода бюрократии.

Проблему мы усматриваем в том, что исследования, которые были осуществлены экономистами-теоретиками, представителями правовой сферы научного знания исходили из некоторого исторического предания о роли, месте, оценке бюрократии вообще. Более того, положив не критически осмысленное положение в качестве исходного, мы начинаем опираться на предрассудки. Последние проникают в экономические исследования в форме некоторого исторического предания, которое начинает господствовать в исследованиях, с претензией на научную состоятельность. Однако мы исходим из того, что речь не может идти о том, что следует оградить исследователя вообще от исторического предания, которое обращается к исследователю через массы научных публикаций. Речь идет о том, что исследование, которое претендует на научную состоятельность, должно учесть, понять и найти в оценке результатов научного исследования место соответствующее, историческому преданию в форме предрассудков теории. Другими словами, исследуя глубинную природу экономического бытия бюрократии, которое в качестве необходимого составляющего звена включает в себя и теневые формы экономики в целом, нам не следует отбрасывать эти предрассудки, которые имеют место в научных исследованиях в форме истории формирования

теневой экономики, а наоборот, следует оградить себя от того, что может нам помешать понять эту историческую предысторию в качестве предрассудка в пользу понимания самой природы бюрократии.

Следовательно, в качестве предрассудков мы понимаем и оцениваем те положения теории и обыденного знания, которые устраняют нас от процесса научного понимания объекта исследования. Мы не можем довольствоваться методом, признавая его тем самым как несостоятельный, если он претендует на самодостаточность, если он не подводит нас к раскрытию глубинных отношений распределения богатства в обществе. Это имеет место в тех научных исследованиях, где пытаются понять природу экономического объекта, анализируя уже высказанные, ставшие достоянием современной науки положения, опирающиеся на оценку правовых аспектов теневого сектора экономики. Сейчас трудно назвать научную публикацию, научную статью, где бы этот грех исторического предания не присутствовал. Если в исследовании ученый не предпринимает усилия по раскрытию экономической природы бюрократии, то господство недостаточности метода становится особенно явным. Но мы одновременно и не можем отбросить все то, что было накоплено в сфере экономических исследования бюрократии, даже изначально полагая, что имеет место господство исторического предания в форме экономических предрассудков. Если выразиться более определенно, то понятие «справедливость» в качестве исходного положения теории и есть *пред-рассудочное* основание всей теории. В этих предрассудках обнаруживаются факты научного знания, которые могут интерпретироваться по-разному различными научными школами, но игнорировать эти фундаментальные исходные основания школы не могут. Наличие нераспознанных нами в исследовании экономической природы бюрократии предрассудков и непринятие серьезных научных усилий преодолеть этот недостаток, делает нас глухими к тому объекту экономики, где присутствует теневое присвоение общественного богатства. Исследования, которые не удовлетворяли этому принципу, можно характеризовать как поверхностные.

Понимание экономической природы бюрократии в обществе приобретает свои возможности, которые в ходе закрепления научного знания становятся действительностью экономического знания, когда эти положения исторически осмысленного и наполненного определенным исторически сложившимся содержанием понятия

«справедливость» преодолевают фактор случайности, т. е. приобретает атрибут действительности.

В итоге мы можем прийти к выводу, что, подвергая критике недостаточность теоретического основания в исследовании и формировании научной модели бюрократии, мы не отбрасываем как научно несостоятельные исследования, а следовательно, и выводы теории, которые базировались на взглядах, получивших свои достаточно выверенные аргументы в процессе верификации. В противном случае, нам пришлось бы перечеркнуть громадное большинство исследований, которые были посвящены проблемам бюрократии и теневого сектора экономики вообще как в отечественной экономической науке, так и в иноязычных научных публикациях.

Приняв в качестве исходного феномен в теории познания «справедливость», мы не исходим в сторону изначально научно несостоятельного положения теории. Предрассудок «справедливость» вовсе не означает неверного суждения, как это может показаться на первый непосвященный взгляд. Здесь заложена возможность как позитивной, так и негативной критики и его оценки в теоретическом конструировании модели экономической природы бюрократии и ее дохода в теневом секторе экономики. Следует преодолеть, *во-первых*, тот предрассудок, что понятие «справедливость» в качестве основания не может быть положено в исследовании как основное и исходное отношение, если только это исследование претендует на научную состоятельность.

Во-вторых, следует еще более решительно преодолеть негативное отношение в исследовании понятия «предрассудок» и увидеть в этом нечто положительное и необходимое. Достаточное обоснование в единстве с методологической гарантией, наряду с наличием соответствующих фактов, только и может сообщить знанию все его достоинства и претендовать на адекватность идеи. В нашем случае – существованию отношений присвоения, распределения в обществе, которые могли бы претендовать на их соответствие глубинным отношениям собственности в обществе, которое выстраивает все свои институты на принципах справедливости.

Если же исходить исключительно из рационализма, то отсутствие обоснования не оставляет места другим идеям достоверности, после чего следует вывод, что суждения в системе экономического знания лишены фактической основы, или «не обоснованы».

Следовательно, это подлинный вывод в духе рационализма, на котором покоится дискредитация предрассудков вообще и притязания научного познания полностью от них избавиться.

Экономическая природа бюрократии и чистого дохода теневого сектора экономики, независимо от любого типа государственного устройства, имеет научную перспективу быть раскрытой с позиции теории институционализма, с позиции американской ветви маржинализма Дж. Б. Кларка, в частности, по его фундаментальным работам «Философия богатства (1886 г.) и «Распределение богатства» (1899 г.)

Считается общепризнанным вклад Дж.Б. Кларка в экономическую теорию в той части, где он разбил всю экономическую теорию на три основных направления: универсальную экономику, социально-экономическую статику и социально-экономическую динамику. При этом предметом универсальной экономики являются общие законы экономической деятельности, в том числе законы народонаселения, закон убывающей производительности труда и капитала, закон убывающей полезности. Предметом социально-экономической статики являются проблемы равновесного состояния экономических систем, абстрагируясь от их генезиса, а предметом социально-экономической динамики становятся проблемы развития экономических систем, когда решающую роль в исследовании состояния равновесного положения приобретают внешние для экономической среды факторы, которые и придают специфические атрибуты функционирования системы экономической среды.

Мы в основном будем опираться на направление универсальной экономики и теоретические выводы, которые следуют из социально-экономической статики. В исходных постулатах социально-экономической статики принимается в качестве исходной теоретическая модель, в которой цены равны предельным издержкам производства вообще, включая и предельные издержки теневого сектора экономики, прибыль и прибавочный продукт равны нулю, доходы владельцев теневого капитала составляют равновесное вознаграждение за товары и услуги, которые способен производить теневой сектор экономики в любом государстве. Данная модель, следовательно, является предельно абстрактной, т. е. здесь мы в качестве исследователей экономического поведения субъектов

теневому сектору экономики исключаем все факторы внешнего воздействия на экономическую систему.

Данное направление социально-экономической статистики дает нам возможность раскрыть не теорию чистого дохода теневого сектора экономики, а экономическую теорию дохода, который создается и присваивается теневым сектором экономики вообще и бюрократией, в частности, от процесса реализации товаров и услуг в ситуациях, когда доходность тех или иных экономических операций определена конкурентной средой. Тем самым следует признать, что существует теневой рынок теневых услуг государственной бюрократии, которая формирует предложение, а бизнес или физические лица формируют спрос на услуги. Однако последние не могут быть оказаны без участия бюрократических структур. Теневым мы считаем этот сектор уже по тому, что он либо выходит за границы правового поля, либо официальная статистика его не может охватить своим учетом, хотя присвоение богатства в теневом секторе экономики может не нарушить нормы права. И если на стороне спроса мы обнаруживаем признаки конкуренции, то на стороне предложения бюрократическими структурами мы имеем дело с монополией. Ибо мы исходим в качестве исходной посылки из положения, которое вряд ли необходимо доказывать, что конкурентная среда имеет место быть и в тех сферах, куда проникает теневой сектор экономики.

Направление социально-экономической динамики дает нам возможность объяснить процесс формирования уже чистого дохода в условиях, когда система выводится из статического равновесия. В этом случае может обнаруживаться ситуация, когда издержки на производство товаров и услуг в реальном секторе экономики начинают возрастать. Это становится возможным только тогда, когда теневой сектор в хозяйственно-экономической деятельности попирает правовые нормы, регулирующие экономическую среду. Это в первоначальном периоде обнаруживает эффект отдачи предельной производительности факторов теневой экономики. Чистый доход образуется только через определенный период, когда экономическая система вообще, и теневой сектор, в частности, не придут к состоянию статического равновесия.

Метод нашего исследования, следовательно, обнаруживает свою специфику в том, что мы следуем основной логике в исследовании экономических процессов распределения дохода в социально-экономических системах вслед за Дж.Б. Кларком. При этом

он выделяет четыре основных фактора производства дохода в теневом секторе экономики: капитал как деньги, капитал как средство производства и земля, предпринимательские способности организаторов производства товаров и услуг, а также труд наемных работников в теневом секторе экономики. Однако остается теперь уже в тени теории роль фактора власти, реализующая себя как монополия. Власть есть монополистический ресурс, природа которого может быть различна: экономическая – власть монополии, политическая – власть партии, проводящая свою политику через институт государства, либо механизмы самой партии, власть, в основе которой лежит страх уничтожения, повреждения имущества или страх потери жизни или причинения вреда здоровью. Однако формы власти могут как освящаться законом, так и быть вне его. Причем подчинение власти также может осуществляться в разных формах, в том числе и добровольно. В этом случае мы имеем дело с легализмом.

Легализм есть состояние правовой системы, которая отличается наличием уважения и добровольное подчинение закону, специфическому праву собственности. Причем и здесь норма собственности не носит характера абсолютного императива действий индивидов, так как экономическим агентам выгоднее иметь специфицированные права собственности, чем не иметь никаких. Спецификация прав собственности снижает неопределенность во взаимодействиях и создает предпосылки для более оптимального использования редких ресурсов.

Теневой сектор как никакой другой способен «снимать сливки» от производства, применяя в том числе формы организации, которые еще не получили своего правового оформления в обществе. Это дает основания утверждать, что теневой сектор дышит не только через щели несовершенства налогового законодательства, но и через щели несовершенства хозяйственного, валютного, финансового, торгового права, а также в результате неспособности государства осуществлять свои прямые функции по обеспечению соблюдения всеми хозяйствующими субъектами норм права вообще.

Вторая причина формирования и присвоения чистого дохода бюрократией сводится к тому, что в экономических системах в результате конкуренции там, где обнаруживаются условия, позволяющие извлекать большую долю чистого дохода, ибо в этом случае система не находится в состоянии социально-экономической

статике, срабатывает фактор стимулов проникновения в эту сферу других экономических хозяйствующих субъектов. В результате происходит насыщение рынка товарами и услугами со стороны предложения. Последнее возвращает систему в состояние социально-экономической статике, когда прибыль, по-Кларку, равна нулю, а цены за производимые товары и услуги теневого сектора экономики уравниваются с предельными издержками производства и реализации.

Однако, если поведение экономических субъектов в открытых, легальных экономических системах в условиях социально-экономической динамики предопределено ролью и возможностью осуществлять свои прямые функции государством с его репрессивным аппаратом, то поведение экономических субъектов теневого сектора экономики уже этим не детерминируется в полной мере. Государство не обладает реальной политической, экономической и другой властью в такой мере, чтобы приостановить экономическую деятельность в теневом секторе. Одновременно мы высказываем идею, которая отсутствовала у Дж.Б. Кларка, относительно того, что экономические отношения регулируются не только исключительно нормами хозяйственного и других отраслей права, но и отношениями этики хозяйствующих субъектов. Следовательно, в качестве одного из факторов, который не позволяет системе, находящейся в состоянии социально-экономической динамики в результате конкуренции, вернуться в состояние социально-экономической статике, становится полное или частичное отсутствие всякой гражданской ответственности в процессе производства товаров и услуг, попрание норм этики и права, а также использование бюрократией властного ресурса как фактора внеэкономического присвоения.

Исследуя природу дохода бюрократии, мы максимально приближаемся к проблеме экономической действительности. В качестве теоретической предпосылки и одновременно теоретического предрассудка в качестве основания мы полагаем отношение справедливости распределения дохода в обществе и справедливости условий, которыми наделяется тот или иной субъект присвоения в обществе. Если общественная система, которая декларирует, что в основу ее принципов функционирования положен принцип справедливости, а тем не менее оказалась неспособной распределить факторы производства дохода на основаниях справедливости, то под всю эту

систему закладывается системное противоречие. Последнее можно приглушить, снять остроту, но разрешить в рамках прежних оснований уже невозможно. Эти противоречия, в основе которых лежат нарушения принципов справедливости, приобретают антагонистический по своей природе характер. В этом случае, как пишет Дж.Б. Кларк, эта система олицетворяла бы «узаконенный грабеж», т. е. явилась бы легализованным насилием над принципом, на котором покоится собственность.

Мы исходим из положения, в основе которого лежит принцип справедливости распределения дохода, а, следовательно, и богатства. Если в концентрированной форме выразить этот принцип справедливости, то у Дж.Б. Кларка он декларируется так: «Каждому то, что им создано». Уже непредвзятому читателю становится ясно, что это есть калька с тезиса Сократа: отдавать каждому должное.

Этот принцип начинает осуществляться уже в том пункте, где начинается владение собственностью, например, в платежах работникам на заводе за созданные ими ценности, за предоставленные функционирующим капиталистам факторов производства в форме аренды оборудования или присвоения в форме залоговых аукционной в России в период приватизации, выданных кредитов из бюджетов, передаче прав, лицензий, т. е. всей совокупности объектов имущества, имущественных и неимущественных прав, которые имеют стоимостную оценку, на которые распространяются права собственности и возможности контролировать эти факторы. «Мы можем иначе относиться к грабежам, не носящим законного характера; но очевидно, что общество, в котором собственность основана на праве производителя на его продукт, должно как общее правило защищать это право в том пункте, где возникают титулы собственности. В противном случае, в фундаменте социальной системы накапливался бы взрывчатый материал, который рано или поздно разрушил бы ее. Государство только для того и существует, чтобы защищать собственность. Поэтому государство, которое принуждало бы работника оставлять на заводе собственность, принадлежащую ему по праву создания, оказалось бы несостоятельным в самом критическом пункте. Изучение распределения разрешает вопрос о том, верно ли государство своему принципу. Собственность охраняется там, где она возникает, если существующая заработная плата равна

полному продукту труда, если процент является продуктом капитала и если прибыль является продуктом координирования» [18. С. 16, 17].

Труднейшая проблема распределения по-Кларку сведена к ответу на вопрос, является ли разделение общественного богатства на заработную плату, процент и прибыль принципиально справедливым? Ответ на этот вопрос не может быть дан, если экономист не углубится в сферу производства, распределения дохода. Следует выяснить, являются ли все доходы, которые получают экономические агенты не столько заработанными, сколько справедливо полученными? Мы не можем здесь употребить весьма размытый термин «заработанные доходы» по той причине, что это может увести нас от ответа на принципиально важный и сущностный для рассматриваемой проблемы вопрос.

Производство как процесс получения дохода с использованием фактором производства благ производственного или потребительского характера есть одновременно и процесс производственного потребления этих самых факторов. Производство следует рассматривать как процесс обмена человека и окружающей его природы, в процессе производства непрерывно осуществляются процессы распределения и перераспределения в том числе фондов денежных средств с целью формирования требуемых пропорций в самом процессе производства. Следовательно, процесс производства уже изначально охватывает, если он осуществляется в организованном сообществе, все четыре фазы, а не только обмен и распределение, как отмечал Дж.Б. Кларк.

В экономическом смысле продукт продолжает находиться в сфере производства до тех пор, пока он не был обменен на другой актив или благо, в т. ч. на деньги, и потреблен. Следовательно, завершающим актом процесса производства является не его продажа, а его потребление, поскольку последнее становится условием следующего этапа процесса производства. В этом случае было бы более правильно вести речь не столько о производстве, сколько о воспроизводстве, как непрерывно осуществляемом процессе производства.

Если мы ставим своей целью раскрытие экономической природы дохода бюрократии, то следует рассмотреть все эти процессы под призмой принципов распределения, обмена, потребления, которые базируются на отношениях справедливости как на теоретическом фундаменте.

Это положение потребует от нас пересмотра некоторых фундаментальных положений традиционных взглядов на экономическую систему. Все эти моменты процесса производства как целого не могут избежать необходимости оценки благ, которые создаются, обмениваются, распределяются и потребляются. Каждый из этих факторов производства пронизан отношениями собственности, последнее является определяющим в декларировании прав на результат производства, а также на ту долю дохода в обществе, которая должна принадлежать экономическому агенту, исходя из системы производственных отношений, которые складываются *a priori* самому производству. Справедливость отношений в процессе производства усматривается нами в том, что в этой ключевой сфере распределение благ осуществляется в соответствии с теми пропорциями, на основании которых было ранее осуществлено распределение капитала в обществе.

С позиций эффективности производительного потребления факторов и их пригодности и собственной производительности, можно говорить, что доля, отчуждаемая капиталистом в пользу другого экономического агента, который вносил определенную долю в этот процесс, должна быть не меньше его отдачи. В терминах теории предельной полезности факторов это можно выразить следующим образом. Доход каждого владельца фактора должен соответствовать предельной отдаче последней единицы фактора, который втягивался в процесс производства и тем самым потреблялся и исчезал в вновь создаваемом продукте. Но при этом звучит с оскорбительной ясностью вопрос, будет ли эта модель справедлива, если распределение идет не только по предельной производительности фактора, но и по самому размеру фактора? Если признать очевидное, что прежде осуществленное распределение было реализовано с грубым попранием принципа справедливости, то вся теория Дж. Б. Кларка не может объяснить и оправдать как справедливое распределение дохода в обществе на принципах предельной производительности, отдачи фактора.

Справедливость обмена на рынке продуктами производства, которые принимали форму товара, если этот обмен планировался как справедливый, должна составлять равенство предельной полезности обмениваемых благ. При этом мы отвлекаемся от того, что в современном обмене благ последний осуществляется посредством

посредника – денег. Но здесь мы предварительно, чтобы не усложнять проблему, будем полагать, что стоимость денег нулевая, деньги здесь есть некоторая *вуаль, брошенная на бартерные сделки*.

Нас будут интересовать те факторы, которые реально участвуют в процессе создания стоимости. В этом отношении мы следуем за Дж.Б. Кларком, который в основном не отличается оригинальностью в выводах, когда пишет о реальных факторах производства, в частности, об основном и оборотном капитале, разделяя, однако, процесс производства и потребления. Но у Кларка нет собственного взгляда на природу власти, хотя его считают родоначальником теории факторов производства. Мы вносим власть как фактор присвоения богатства в обществе, находясь в концепции теории Кларка. Другими словами, мы констатируем положение в экономической теории, что таким фактором следует считать саму власть экономическую не только по отношению к фактору в позиции отношений собственности, но и власть над процессом координации, организации в производстве и непосредственно в процессе распределения дохода. Реализация властных полномочий в обществе в пользу различного рода экономических агентов становится настолько явной и необходимой, что отрицать это положение, значит проявлять невероятную наивность, либо обладать лицемерием и фарисейством, чтобы рядиться в тогу непонимающих.

Власть с ее властными институтами при этом совсем не обязательно есть власть легальная, т. е. официально признанные формы публичной власти в обществе. Эта власть в сфере экономической может иметь природу нелегальной власти. Как показывает вся история становления человеческой цивилизации, власть легальная и власть нелегальных институтов всегда шли рядом друг с другом. Следовательно, если власть есть такой же фактор производства дохода и его распределения, то логически следует и вывод о том, что можно вести речь о факториальном доходе власти, когда последняя способна осуществлять свои властные полномочия.

В связи с этим следует, как нам представляется, дополнить совокупность факторов производства и фактором власти. Последняя используя свои специфические методы и приемы, в том числе насилие и возможность его применения, реорганизует процесс производства и перераспределения дохода в обществе. Эти властные полномочия в обществе может осуществлять и государственная бюрократия,

которая действует от имени официальной власти, преследуя свои частные интересы.

Фактор производства и распределения дохода в обществе в форме власти является в современных условиях ресурсом, которому присущи все атрибутивные признаки производственных ресурсов, например, редкость, или ограниченность, ценность, охват властью над собственно процессом осуществления властных полномочий. Полагаем, что описанный нами феномен настолько выпукло представлен все практикой российской действительности, что ни игнорировать этот феномен, ни отрицать невозможно. Конечно, в этом случае речь идет не о «научных холуях», чье присутствие в экономической и политической теориях имеет мало общего с подлинной наукой. Следует обострить вопрос, доведя его формулировку до состояния *«оскорбительной ясности»*. Пронизывают ли отношения собственности саму власть как производственный ресурс, как фактор присвоения дохода, который может осуществляться как непосредственно в фазе производства, так и в фазе распределения? Следовательно, проблема может быть сведена в своей части к необходимости теоретического обоснования права собственности на властный ресурс.

В системе аргументации данного тезиса мы в качестве исходного положения принимаем трудно отрицаемый факт экономической и политической действительности – собственность с ее правами и существенными атрибутами. Закрепление прав собственности позволяет индивидам в обществе оптимизировать свое поведение, минимизировать свои издержки в процессе производства и распределения дохода. Другими словами, индивиды материально и жизненно заинтересованы в наличии норм легализма. Это следует из того, что установление и закрепление института собственности в обществе позволяет снизить риск неопределенности в процессе производства и распределения дохода. Получая в качестве *«даровой силы общественного обустройства»* закрепленность института собственности, определяющего, в конечном счете, поведение индивидов, в обществе снижается неопределенность поведения и неожиданность результатов в процессе производства дохода и его распределения. Если к этому явлению подойти с позиций теории игр, то снижение неопределенности в конечном исходе достигается

на основе ограничения возможностей выбора, которые имеют место быть в экономике.

Зафиксированные права собственности уже существенно предопределили исход, когда равновесие по-Нэшу либо отсутствует, либо не может быть единственным. Здесь мы исходим из того положения, что каждый из участников процессе производства и распределения дохода в обществе правильно понимает и строит так называемую доминирующую стратегию, т. е. выбирает такой характер поведения, который обеспечивает максимальную полезность вне зависимости от действий другого участника. В этом случае равновесие по-Нэшу есть результирующее состояние, где стратегия каждого из участников этого процесса распределения дохода в обществе является лучшим ответом на действия других участников распределительного процесса дохода. Можно утверждать, что это состояние отражает участника распределительного процесса максимум полезности в зависимости от действий другого экономического агента, как игрока в теории игр. Этим равновесие по-Нэшу отличается от равновесия по-Парето, когда равновесие имеет место тогда, когда невозможно улучшить положение какого-либо участника перераспределительного процесса дохода в обществе, не ухудшив итогов распределения другого экономического агента. Бюрократия обеспечивает перераспределение богатства, реализуя свои оппортунистические интересы. Незаработанное, не может стать «должным». Любая форма перераспределения дохода коррумпированной бюрократией есть достаточно убедительный аргумент неэффективности экономической системы. Последняя не обладает равновесием и оптимальностью по-Парето.

Что можно противопоставить власти коррумпированной бюрократической структуры? Ответ может быть только один: власть чиновника, который служит целому, т. е. интересам государства. Поэтому государство как аппарат насилия следует применять для достижения оптимального по-Парето состояния в распределении богатства. Государство у В.И. Ленина есть «...особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [15. Т. 3. С. 192].

Можно поставить вопрос, но по содержанию он будет скорее риторическим. Можно ли обеспечить эффективное распределение богатства в обществе, если собственник передает функции управления поверенным, не обеспечивая соответствующего контроля и не применяя к нарушающим его волю инструменты принуждения?

Можно ли обеспечить эффективное распределение и производство дохода в обществе, если его основные участники были отстранены от процессов контроля непосредственно или опосредовано?

Снятие риска от нежелательности осуществления несправедливости в процессе производства и распределения дохода можно понимать и трактовать как общественное благо, которое призвано постоянно воспроизводиться институтом государства. Тем самым государство или иной институт, который воспроизводит это общественное благо, закрепляет за собой отдельные правомочия в сфере собственности.

Данное социально-экономическое явление в обществе не получало в работах как отечественных, так и иностранных ученых достаточного внимания. Более того, его освещение и не может быть принято в качестве однозначно приемлемого для стран с разными правовыми системами. Можно говорить о существовании в обществе определенных традиций, порядков, которые не обязательно освящаются государством как институтом, но и могут ему в своих существенных отношениях противоречить. При этом противоположность интересов не может быть разрешена только в границах легальных возможностей института государства. Оно может не охватывать всю совокупность отношений, которые отражают уже другие принципы распределения дохода в обществе по различного рода причинам. Одной из наиболее вероятных причин становится слабость института государства охватить своим контролем соблюдение норм справедливого распределения доходов в обществе, что постоянно манифестируется государством. Эта ниша, которая вне поля доступности государства непременно заполняется другими структурами, которые устанавливают уже свои, отличные от государства, принципы распределения дохода в обществе. При этом всегда остается правилом, что подобные принципы перераспределения дохода в обществе всегда предусматривают удовлетворение материальных потребностей этих институтов негосударственной власти.

Властные полномочия не концентрируются в обществе исключительно институтом государства, которые можно и следует признавать как нормы легализма. Осуществляет свою власть и институт, который простирает свое право собственности на доходы, перераспределяя их в свою частную собственность, отчуждая их, и тем самым нарушая нормы легализма. Это может иметь место даже

и тогда, когда индивиды, являясь официальными представителями института государства, действуют, тем не менее, в своих частных интересах, осуществляя оппортунистическое поведение. Институт власти в форме публичной бюрократии, федерального, регионального, муниципального уровня стремится использовать свои властные возможности в качестве фактора присвоения дохода. Сама собственность на власть, которую можно осуществлять в будущем в своих частных интересах, становится важным фактором процесса перераспределения дохода в обществе, даже если эти механизмы лежат вне сферы легализма.

(Легализм здесь мы понимаем как некоторое состояние правовой системы, которая отличается наличием уважения и добровольного подчинения закону, специфицирующему право собственности. Причем и здесь норма собственности не носит характера абсолютного императива действий индивидов, так как экономическим агентам выгоднее иметь специфицированные права собственности, чем не иметь никаких. Спецификация прав собственности снижает неопределенность во взаимодействиях и создает предпосылки для более оптимального использования редких ресурсов.)

Сама постановка этой проблемы отражает процессы, которые присущи всем институтам государства во все времена до момента зарождения самого института государства, когда последнего еще не было, но имели место нормы этики в распределении дохода в сообществах. С появлением государства этот механизм закрепления права на саму власть принимает свою специфическую форму прав собственности. Каждое государство как институт тяготеет к той или иной правовой традиции, которых в настоящее время специалисты насчитывают около десяти, в т. ч. романо-германская, общего права, мусульманского, китайского, африканского права, а также знакомое всем россиянам бывшее социалистическое право. И в рамках каждой из этих правовых традиций при незыблемости закона, в соответствии с которым власть, участвующая в перераспределении дохода в обществе, каждая правовая традиция привносит определенную специфику на право собственности на власть и на порядок его установления в обществе. Однако наиболее близкими к нам могут быть приняты две правовые системы, а именно: общее право (*common law*) и гражданское, или романо-германское (*civil law*) право.

Право собственности на власть, либо в качестве представительства либо непосредственно право на власть, а следовательно, и на доход, можно вывести на основе того, что государство имеет справедливое право на часть дохода в обществе, освящая это законом и устанавливая тем самым нормы легализма. В противном случае, какой-то нелегальный институт начинает претендовать на часть доходов на основании того, что он этот механизм осуществлял ранее, этот порядок хоть и противоречит *de-jure*, но осуществляется *de-facto* в течение какого-то промежутка времени. Последнее могло стать следствием того, что само государство либо самоустранилось от этого, либо не могло в силу различных причин осуществить свои властные полномочия.

В данном отношении весьма актуальной для современной российской действительности служит практика оправдания нарушения норм распределения дохода в свою собственность коррумпированными кругами, используя правовую незащищенность предпринимательского сектора от государственных и муниципальных чиновников, а также от примитивных вымогателей и шантажистов. Как писал Н. Макиавелли, *никогда не будет у князя недостатка в законных причинах, чтобы скрасить нарушение обещания.*

Следует, видимо, признать, что современные теоретики-цивилисты в российской юридической науке продолжают тяготеть в большей степени к романо-германской традиции, что придает специфику и отличие в этом отношении от общего права. Так, начиная с Кодекса Наполеона (1804 года), который был положен в основу гражданских кодексов Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Голландии, право собственности рассматривается в романо-германской традиции как единое, неограниченное и неделимое. Это предполагает, что собственником такого ресурса в механизме перераспределения как, например, власть, может быть только государство, которое и осуществляет его посредством механизма налоговой системы и финансирования расходной части своего бюджета или внебюджетных фондов. Поэтому только институту государства принадлежат правомочия владения, распоряжения и пользования (*usus*). Наиболее однозначно эта идея выражена в романо-германском праве, закрепленном во Франции, где констатируется, что собственник пользуется и распоряжается вещами наиболее абсолютным образом.

В рамках российского права это положение закреплялось уже в форме того, что собственнику принадлежат права владения, распоряжения и пользования своим имуществом.

Термин «имущество» здесь особой ясности не привносит для нас, однако мы, находясь в том же российском правовом поле, можем утверждать, что природа власти в обществе может быть раскрыта как неимущественные права, что не мешает последним проявлять себя как факторы производства и распределения дохода в обществе. Идея о том, что власть в гражданском обществе не может быть делимой между официально признанными институтами государства и нелегитимными институтами, заслуживает преодоления. На практике подобная проблема не существует.

Можно объяснить сложившуюся ситуацию в теории и практике сегодняшней российской действительности тем, что в бывшем СССР считалось неким феодальным пережитком наличие такой ситуации, когда право собственности на тот или иной ресурс разделялось между многими субъектами.

Как нам представляется, возможности общего права, которые имеют место быть в странах англоязычных, где господствует право прецедента, могут считаться более приемлемыми правовыми системами, в рамках которых собственность на власть как экономический ресурс получает свое трактование и закрепление. Можно говорить уже о том, что общее право, исходящее из концепции собственности на ресурсы как сложного пучка прав, т. е. правомочий, должно закрепить и право собственности на власть, которое если и не закрепляет в праве, то, по крайней мере, отражает этот процесс распределения дохода в обществе. Право собственности на власть полностью специфично, у каждого экономического субъекта есть свои специфицированные права на власть как источник дохода от осуществления процесса перераспределения дохода в обществе, власть одних как представителей публичной власти, обладающих правом непосредственного распоряжения ресурсами, не простирается на других граждан, которые могут быть не более как простыми бюджетополучателями, судьба которых может напрямую находиться во власти первых.

Одним из первых, кто попытался поделить этот пучок правомочий в обществе, был английский юрист А. Оноре. Он предусмотрел в данном пучке прав собственности следующие правомочия:

право владения, право пользования, право распоряжения или управления, право присвоения или право на доход, право на остаточную стоимость, право на безопасность, право на переход по наследству или по завещанию, бессрочность, право на запрещение вредного использования, ответственность в виде взыскания, т. е. возможность изъятия вещи в уплату долга, остаточный характер, заключающийся в ожидании «естественного возврата» переданных кому-либо правомочий по истечению срока передачи.

Мы не можем согласиться с тем, что все перечисленные правомочия могут быть охарактеризованы как право собственности, а их обладатели – как собственники. Атрибутивными характеристиками с позиций полноты собственности как системы реализации отношений можно считать только три первых, с большой натяжкой пять первых, но не более. Однако наиболее существенное наше замечание можно свести к тому суждению, что представленная классификация ориентирована на правомочия собственника в отношении вещи. Здесь нет власти как ресурса по причине того, что изначально предполагалось, что механизм осуществления правомочий собственником на ресурсы имеет место быть в непротиворечивой ситуации, когда господствует полная законопослушность всех граждан государства. Следовательно, место правомочий носителей отношений властных институтов должно найти свое место в данной системе классификации.

Следовательно, собственность на власть можно представить не только как правовое, экономическое, но и как волевое отношение. При этом каждая из этих форм есть одновременно рефлексия экономических отношений собственности в право или волевые отношения. Власть на ресурсы, в т. ч. на право осуществлять сами властные отношения в процессе перераспределения дохода, есть момент целостности внутренне противоречивой субстанции – отношений собственности как целостности [24. С. 7].

Если мы, тем не менее обнаруживаем явление того, что какая-то группа людей начинает занимать специфическое положение к этому ресурсу, как фактору производства и распределения дохода, то мы можем характеризовать эту группу людей как класс.

Класс (от лат. – *classis*) есть разряд, группа, которые могут быть обнаружены в обществе, идентифицируя его по каким-то определенным признакам, например, по отношению людей к средствам

производства. Однако названный выше признак не может быть признан как единственный в теории.

Например, в средневековой России классы отождествлялись и с сословиями. Например, В.О. Ключевский был одним из первых российских историков в отечественной науке, который весьма тщательно описал сословное деление в России. Так, он писал, что «Сословие (*ordo* или *status*, франц. *etat*, нем. *Stand*) – термин государственного права и обозначает известный ряд политических учреждений. Сословиями мы называем классы, на которые делят общество по правам и обязанностям. Права утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе». В результате делается вывод, что в определении В.О. Ключевского понятия «класс» и «сословие» – синонимы.

Логическим следствием нашего исследования становится вывод о наличии как в теории, так и в практике исходного положения, что в обществе выделяются те группы людей, которые занимают специфически определенное отношение к власти как фактору общественного воспроизводства дохода в обществе. Это отношение к возможности и действительности осуществления волевых отношений по отношению к другим экономическим агентам присвоения и производства общественного богатства пронизано и закреплено отношениями собственности. Последнее совсем не исключительно должно закрепляться в легитимных формах государственного установления, обосновываясь на принятых в обществе традициях, привычках, обычаях. Эти группы не растворяются в обществе, их поведение регламентировано нормами права и традициями, они относительно устойчивы по отношению к способам и методам извлечения дохода, к предметам присвоения дохода в обществе. Наконец, эти группы людей доказали свою возможность формировать соответствующие финансово-кредитные институты, которые позволяют обеспечивать их связь с легитимными финансово-кредитными институтами, а также придавать этим, как и легитимным, так и противоправным, формам перераспределения дохода в обществе институциональный характер.

Формы перераспределения национального дохода могут быть самыми различными, начиная от реализации механизма извлечения монопольной ренты, вплоть до форм изъятия доходов

в форме взяток, «откатов» и иных внешне благопристойных подарков и подношений.

Следовательно, можно говорить о соответствующих классах в обществе, классах, которые идентифицированы по отношению к способам перераспределения дохода в обществе, его созданию, относительно своего специфического отношения к властным институтам, наконец, к самой власти, как фактору производства и перераспределения дохода в обществе.

Вообще, понятие «класс» в бывшей советской экономической и политической науке оказалось настолько политизированной категорией, что исключало возможность дальнейшего теоретического изучения этого сложного социально-экономического, политического феномена в бывшем СССР и современной России. Так, под классами как социальным феноменом понимались большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, к роли в общественной организации труда, а следовательно, и к способам получения и размерам той доли общественного богатства, которое создается в обществе. Этот социальный институт получал свое место в обществе в системе распределения влияния, власти, причем наличие этого социального феномена если и не признавалось официально, тем не менее никогда и не могло быть проигнорировано. Часто это получало свое отражение в нормах права. Определение классов, которое дал В.И. Ленин, своей актуальности и научной ценности не потеряло. Тем не менее, следует констатировать, что современное состояние экономической и политической теории в России можно охарактеризовать тем, что эта проблема искусственно если не замалчивается, то, по крайней мере, активно не разрабатывается. Из учебных планов высших учебных заведений выбрасывают целые учебные дисциплины, которые свой предмет видят в изучении способа производства и присвоения дохода в обществе. Удаление, например, политической экономии следует расценивать не столько как абсолютную наивность, а скорее, как научное холуйство не только перед имущими и присвоившими национальное богатство в послереформенной России, но присвоившими другие ветви власти в обществе, в том числе, политическую.

Это противостояние в обществе уже обнаружило свою зияющую бездну противоположности интересов присвоивших власть

в обществе, и рядовых граждан. Это противоречие интересов, суть которых в нарушении не только норм права, но и традиций, института справедливого распределения и присвоения дохода в обществе, приобрело все признаки непримиримости, т. е. антагонизма.

Следовательно, современное российское общество, в котором сформировались такие классы, узурпирующие власть как фактор производства и распределения дохода в обществе, по своей природе обнаружившие свою паразитическую сущность, – есть общество антагонистическое. Это в полной мере вписывается в ленинское определение классов как групп, которые могут присваивать себе труд других людей, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Данное положение В.И. Ленина явилось логическим следствием тех выводов, к которым пришел Ф.Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Классы сформировались в результате общественного разделения труда и появления частной собственности на средства производства.

Однако в данном определении класса присутствует научная некорректность. Её суть в том, что частная собственность на средства производства есть не более как одна из возможностей занять свое место в общежитии, обособленном относительно производства дохода, который есть один из основных факторов воспроизводства человеческой жизни. Можно выразить эту идею более определенно, а именно: собственность на средства производства есть окольная, а не непосредственная форма присвоения прибавочного продукта в обществе. Производство есть только одна из ступеней в сложившихся формах дальнейшего перераспределения дохода в обществе.

В этих рассуждениях отсутствует фактор власти. Власть, в т. ч. экономическая, как раз свидетельствует, закрепляет этот порядок перераспределения как средств производства, так и производимого в обществе дохода. Можно утверждать, что все социальное поле пронизано отношениями власти, или властными отношениями. Эти властные отношения приобретают форму экономической власти, власти авторитетов, власти носителей информации, власти нелегитимных сообществ, наконец, политической власти. На этом социальном поле каждый индивид, сообщество генерирует некоторое локальное поле властных отношений, которое взаимодействует с другими полями индивидов. В зависимости от потенциала власти

и того пространства, которое охватывается лицом, генерирующим властный потенциал по аналогии с физическими полями, можно говорить о напряженности, или интенсивности проявления властных отношений. Источниками власти могут быть только конкретные индивиды, способные, тем не менее, создавать относительно устойчивые конгломераты и обладающие факторами, которые и создают этот потенциал власти. При этом система властных отношений не только переплетается друг с другом, но и получает дополнительные комплементарные эффекты от взаимного проникновения. Например, нелегитимная власть преступных сообществ, находясь в конфронтации с властью легитимной, пытается сражаться с последней, реализуя тем самым свою функцию защиты. Наоборот, представители легитимной власти в своем стремлении обеспечить доступ к дополнительным источникам доходов при помощи кооперации с нелегитимными структурами, устанавливают также относительно устойчивые образования, коррумпированные сообщества.

Власть есть реализующая себя воля индивида, сообщества, которые обладают для этого и необходимым потенциалом. Дать определение власти в силу многогранности этого феномена становится практически невозможно. Однако следует раскрыть ее источник, границы, даже на уровне научного представления. Таким образом, речь идет об онтологическом подходе к источнику власти.

Власть есть осуществляющая себя воля, обладающая для этого ресурсами или факторами. Эти факторы могут находить свое бытие как в средствах производства, которые всегда пронизаны отношениями собственности, так и любых факторах, которые реализуют и закрепляют неравенство в отношениях собственности, т. е. в производстве дохода, потреблении, распоряжении, наконец, в присвоении.

Такое отношение к власти как фактору производства в современной России довольно четко оформилось. Коррумпированное чиновничество во всех ветвях власти присвоило этот фактор в форме монопольно получаемого дохода, суть которого есть рента, приобретающая на поверхности явлений форму взятки. Взятка, следовательно, есть специфическая форма дохода коррумпированного чиновничества, действующего под покровительством и прикрытием представительства законного института государства. Оно, т. е. коррумпированное чиновничество всех ветвей публичной власти в обществе, занимает определенное положение к властным полномочиям,

факторам распределения дохода в обществе. Сама власть публичная оказалась не в состоянии контролировать своих наемных работников, своих служащих. Эта ниша в формах перераспределения оказалась занятой, а меры легитимного подавления и вытеснения этого института коррумпированного чиновничества, оказались малоэффективными со стороны самого же государства.

Проблема здесь видится в том, что сама власть должна бороться против самой себя. Власть вообще есть абстракция, пустое понятие. Оно наполняется конкретным содержанием тогда, когда в анализ властных отношений привлекаются носители этих отношений, конкретные служащие. Эта проблема есть лишь внешнее выражение более сущностного отношения, которое лежит в противоречивой природе самого наемного служащего государства. Он с одной стороны использует властные полномочия, пытаясь достичь, реализовать интересы общества в целом, с другой стороны, его преследуют собственные интересы.

Другая ветвь власти лежит вне сферы легитимности. Эта сфера властных отношений стала возможной только благодаря тому, что публичная власть оказалась несостоятельной полностью охватить все стороны жизни общества. Но там, где есть производство дохода в обществе, где осуществляется процесс его перераспределения, властные отношения не могут не присутствовать. Общество слишком неоднородно, противоречиво как по отношению к размерам накопленного богатства, так и по отношению к соблюдению институтов, обычаев, правил, хотя и не закрепленных в нормах права, но базирующихся на ценностях этики, в том числе и религиозной. Следовательно, можно говорить о коррупционной форме извлечения дохода как о существенном явлении, т. е. о законе. Там, где есть процессе производства и распределения дохода в обществе всегда есть сфера осуществления властных полномочий. Власть есть такой же необходимый фактор распределения дохода в обществе, как деньги, средства производства и т. д. Можно утверждать, что власть есть капитал в полном и более полном объеме этого понятия, несколько не деформируя его содержательный концепт.

Следовательно, те группы людей, которые узурпируют и присваивают этот редкий ресурс в обществе, объективно способны присваивать доходы в обществе, но так как последнее осуществляется с нарушением принципов справедливости в присвоении,

то это явление уже несет в себе все признаки эксплуатации всего общества определенной ее частью.

Государственное чиновничество представляет политическую власть, реально осуществляет эту власть. И тогда, когда их деятельность не соответствует целям государства, построенного на принципах справедливости для большинства, этому государству грозит опасность. В «Диалогах» Платон отмечал подобную угрозу гибели государства, если закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью, например, олигархов. Государство есть политический строй, который следует рассматривать как организм, и у которого службы, министерства есть органы, а не части, находящиеся в своем бытие, в себе моменты самодостаточности. Каждый из этих органов, а не частей, Г.В.Ф. Гегелем рассматривается как тождества. И если некоторые из них полагают себя самодостаточными, то погибнуть должны все, т. е. и государство в целом. Части есть у трупа, у организма – органы [6. С. 283].

Класс коррумпированной бюрократии всегда относится к гражданам как средству наращивания своего дохода, и никогда как к цели. Кантовский императив остается чуждым этому коррумпированному сообществу, которое достраивает свои институты во власти политической, области массовой культуры, информационном пространстве. Тем самым формируется некоторая законченность общественно-политической системы, с чертами целостности. Однако эта целостность оформлена как внутренне противоречивое единство разных по типу людей. Некоторая небольшая часть, обладающая большей долей воли к власти, относится к другим как к средству, превращая последних в факторы своего собственного расширенного воспроизводства. Большая же доля воспринимает это насилие над собственной волей как неизбежное, от которого либо невозможно уклониться, либо эффективнее подчиниться и сохранить для себя ту часть ресурсов, которая уже закрепляется общественным договором соответствующими институтами. Борис Диденко в работе «Человечество – как оно есть. (Цивилизация каннибалов)» предпринял небесспорную попытку объяснить появление подобных отношений в обществе, на основываясь на антропологическом подходе. Выдвинута идея, что у животных, простейших биообразований, сформирована первая сигнальная система. У тех животных, которые относят себя к роду *homo sapiens*, сформирована уже вторая

сигнальная система. Этот род *homo sapiens* относит себя к разряду людей. Однако, как утверждает Б. Диденко, этот признак необходимый, но недостаточный для того, чтобы отнести себя к разряду людей. Второй сигнальной системы для этого явно недостаточно. Следует в этой группе выделить собственно людей и «не-людей». Для людей и «не-людей» характерно формирование второй сигнальной системы. Но они еще не люди в собственном истинном понимании. У рода людей сформирована третья сигнальная система. Эта система раскрывается в этике, для которой ключевыми характеристиками становятся практические действия на основаниях доброты, принципах совести, чести и т. д. Ярким примером подобного человеческого общего жития, по С. Саровскому, становится императив поведения, который был выражен словами великого русского писателя А.П. Чехова, который однажды произнес сакральную фразу, что ему и перед собакой стыдно. Человек, у которого сформировалась и привилась система подобных ценностей, не может относиться к себе подобному только как средству. Он руководствуется императивом И. Канта – относиться к другому как средству и цели одновременно. «Не-люди» не только паразитируют на теле общества, но они реализуют своё оппортунистическое поведение, подчиняя теперь уже все сообщество как инструмент реализации своих корыстных интересов. Эти люди всегда стремятся войти во власть, получить доступ к общественным ресурсам, часто прибегая к институту насилия, которое дает им государство. Получая подобный ресурс, «не-люди» объективно тяготеют к коррупционности, понимая принципы справедливости распределения национального богатства так, как это соответствует их корыстным интересам. Это попрание принципов справедливости уже не позволяет людям с совестью присутствовать во властных структурах. Как опять же писал А.П. Чехов, сама мысль вхождения во власть делает для интеллигентного человека эту идею неприемлемой. Исходя из этого, нам уже и не представляется каким-то случайным моментом тот факт, что история человеческой цивилизации оказывается не богатой на случаи нахождения в должности первых руководителей интеллигентных, совестливых людей (Марк Аврелий, Массарик). Во властных структурах основное место отводится представителям рода «не-людей», сохранившимся из древних «мозгоедов» по-Б.В. Поршневу, например, Бокасса, Пиночет,

Сталин, Ленин, Гитлер и вся остальная многочисленная рать современных охотников до чужих доходов и жизнью.

Однако «не-люди» не обязательно могут быть только во власти. Они сами могут таким же образом подвергаться коррупционной эксплуатации. Но в них заложен некоторый ген, который при благоприятном случайном стечении обстоятельств, обеспечит им доминирование за счет попрания интересов других. Это подготовленная паства для воспроизводства коррупционной бюрократии. Люди с нравственными качествами в этом полупреступном сообществе скорее есть факт случайности, а не закона. Система, в которой правят бал «не-люди», выталкивает их, либо заставляет перерождаться именно нравственно.

Данный подход позволяет несколько по-иному дать сущностные характеристики общества, которое построено на принципах социализма. История СССР и России свидетельствует о том, что форма социалистической собственности не может быть принята ни в качестве необходимого, ни в качестве достаточного признака для отнесения общественно-политической системы бывшего СССР к социалистической. Ключевым моментом здесь становится принцип этики в господствующих отношениях распределения национального богатства и доступа к национальным ресурсам. Если в самом обществе формируется отношение к человеку как средству, как «винтику великого государственного механизма» (И. Сталин), то это общество не формирует и не вырабатывает этот существенный для социализма признак.

Эта идея была высказана в работе великого русского экономиста М.И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение». Социалистическое общество в работе воспринимается как общество, в основу которого положен определенный замысел, определенная правовая идея в противоположность бессознательному комплексу общественного взаимодействия. Если для Платона человеческая личность не имеет самостоятельной ценности, то для современного социализма личность человека есть верховная ценность мира. Современный социализм не только не подчиняет личность обществу, но, наоборот, стремится подчинить весь строй общества интересам личности. Социализм не противостоит индивидуальности.

При социализме люди не только объявляются равноправными, они реально делаются равноправными [31. С. 15, 16].

Другой сущностной чертой социалистического сообщества по Туган-Барановскому является высокая производительность труда. Однако этот пункт нуждается в уточнении. Производительность труда оценивалась как отношение стоимости к затратам труда. Однако стоимость следует рассматривать как средство измерения, соотношения затрат, но никак не как цель общественного производства. В этом пункте лежит важная по своим последствиям ложная парадигма развития, ориентированная на производство власти созданной стоимости, власти денег. Воля к власти денег начинает застилать истинную тенденцию и вектор общественного развития, как волю к мощи, волю к жизни, по-Ницше. Соглашаясь с постановкой проблемы, следует уточнить позицию в оценке. Речь идет не о стоимости, а о ценности, в которой истинным мерилom продолжает оставаться сам человек. Мысль древних о том, что человек есть мера всех вещей, должна и может найти свое место в оценке эффективности всего социалистического сообщества.

Социализм следует поэтому понимать как некоторую концепцию, реализуемую на практике, в соответствии с которой происходит все большее возрастание личной свободы, большая защита прав личности в обществе, что может обеспечивать не господствующая форма отношений собственности, а последовательно реализуемая государственная политика.

Философия производительного труда и чистого дохода в обществе

Есть основания для утверждения, что ни один термин экономической теории не используется в таком богатом многообразии всевозможных своих определений, как термин «чистый доход» и связанный с ним термин «прибыль». Природа чистого дохода была ключевым понятием в самых различных экономических теориях, которые пытались в той или иной степени адекватности раскрыть сущность и противоречивость данного понятия. История экономической мысли оставила в экономической теории самые противоречивые отражения этого одного из самых ключевых понятий. Два десятилетия назад в советской экономической науке даже и не ставился подобный вопрос, следовательно, *a priori* предполагалось, что степень разработки природы чистого дохода в рамках экономической доктрины марксизма была достаточной, чтобы не сомневаться в основных положениях «Капитала» К. Маркса.

Прибыль представлялась как превращенная форма стоимости прибавочного продукта, или прибавочной стоимости. Последнее напрямую связывалось с отношениями эксплуатации наемных работников, когда они были лишены, отчуждены от собственности на факторы производства.

Заработная плата на поверхности экономических явлений выступала также в своей модифицированной форме как плата за труд. Однако в своей сущности заработная плата в теории марксизма была не более как стоимость специфического товара рабочей силы наемного работника, а ее величина определялась минимальной стоимостью средств воспроизводства этой наемной силы как важнейшего

фактора процесса воспроизводства. Следовательно, только наемные работники в специфических условиях капиталистического воспроизводства получали свои заработанные доходы. Все, что составляло избыток в форме прибыли перераспределялось в рамках всей капиталистической системы между всеми участниками специфических форм капиталистического способа производства.

Право, вся политическая надстройка оформляли данный способ присвоения как способ, в основе которого лежали глубинные отношения частной собственности на средства производства. Эти незаработанные доходы всего класса капиталистов освещались правом, соблюдение и осуществление которого осуществляло государство с его репрессивным аппаратом принуждения и подчинения. Следовательно, не могло быть и речи, что чистый доход и его внешнее проявление в форме прибыли мог бы стать вне правовых, освященных самим законом явлений незаконного присвоения дохода в обществе, т. е. форм присвоения, применение которых повлекло бы за собой уголовное или иное преследование в обществе. Институт частной собственности объявлялся достойным своей ликвидации.

Поэтому не случайно суть освобождения от эксплуатации в теории марксизма мыслилась как ликвидация всех форм частной собственности. Следовательно, далеко не случайно первый том «Капитала» К. Маркс заканчивает практически призывом к разрушению частной собственности на средства производства. С необходимостью железного закона должен пробить час капиталистической собственности, которая была продуктом экспроприации в период первоначального накопления капитала. И как следствие, экспроприаторы должны быть подвергнуты теперь уже сами экспроприации со стороны работников наемного труда.

Однако природа теневого дохода в рамках экономической теории марксизма не разрабатывалась. Теория однозначно констатировала то положение, что вообще весь присваиваемый собственниками средств производства прибавочный продукт не имел для этого экономических оснований. Ответ на вопрос, каковы формы присвоения продукта в обществе, где господствует частная собственность на средства производства, теория Маркса не дает. За критикой господствующего способа производства и присвоения не просматривается никакого положительного содержания поставленного вопроса.

Следовательно, общество, которое не стремится к справедливому распределению доходов в обществе, должно быть полностью разрушено. В традиционно рассматриваемых формах капиталистического присвоения не могут быть найдены никакие формы, которые разрешили бы это глубинное противоречие в своей сущности. Внешние уступки со стороны правящего класса способны лишь снять остроту противоречий производства и капиталистических форм присвоения. Само же глубинное противоречие капиталистического способа производства, которое выпукло проявляется в присвоении производимого капиталистическим обществом дохода, может быть разрешено исключительно отрицанием самого института частной собственности на средства производства и всех институтов политической, идеологической надстройки.

Следовательно, хотя марксова теория стоимости и прибавочной стоимости не дает прямого ответа на вопрос о природе теневого дохода в обществе, можно, тем не менее, сделать следующие суждения. Если доходы теневого сектора есть доходы, получаемые в обществе и посредством общества, распределяемые в обществе и потребляемые в форме конкретных благ, и они не могут быть подведены под принцип справедливого распределения и потребления всеми членами гражданского сообщества. Более того, само изъятие у праздного класса владельцев средств производства в результате насильственного отчуждения, либо угрозы применения насилия, не может считаться несправедливыми формами.

«Капитал» – основное «детище» К. Маркса – отразил состояние производства и распределения в специфических формах, которые имели место в начале и середине девятнадцатого столетия. Уже ушли в прошлое не только способы производства, но и сам характер производственных отношений и прежний уровень развития производительных сил. Следовательно, довольствоваться теорией К. Маркса в качестве самодостаточной теории, способной дать ответ на вопросы сегодняшней действительности относительно экономической природы теневого дохода в обществе, вряд ли продуктивно.

Самым ценным и применимым в состоятельной экономической теории, что можно использовать в собой в процессе исследования современного состояния производительных сил и производственных отношений, а следовательно, и специфики современного

процесса воспроизводства и присвоения, может быть только метод, разработанный К. Марксом. Последний дает возможность не довольствоваться созерцанием поверхностных фактов экономической, социальной, политической действительности, а проникнуть вглубь экономических явлений, понять экономическую сущность, одновременно не отбрасывая все богатство специфических экономических форм производства и присвоения. Следовательно, речь может и должна идти не о внешних экономических проявлениях, фактах экономического бытия. Исследователь, который видит свою цель в описании всего многообразия экономического бытия, обречен на неудачу уже потому, что факты экономической действительности никогда не могут хотя бы теоретически претендовать на достаточность в процессе верификации.

Если рассматривать только сферу явлений производства и современных специфичных условий российской действительности производства, распределения и присвоения, то это будет не удел серьезного научного исследования, а удел *«муравьев от экономической науки»*, способных только собирать и описывать факты. Так, несколько перефразировав Г.В.Ф. Гегеля, можно выразить наше отношение к подобным методам, не претендующих на раскрытие глубинных отношений собственности, распределения дохода в экономике.

Но одновременно мы не можем и в полной мере принять метод исследования капиталистического способа производства, который применил, как нам представляется, чрезмерно переусердствовав, К. Маркс. Речь идет о методе абстракций. Теория К. Маркса, по образному замечанию своего современника, бывшего министра Австрии, ученого-экономиста Бем-Баверка, получилась весьма строгой: в этом научном здании все было сцеплено цементом логики, но птица истины в этом здании не поселяется. И мы соглашались с критикой метода, которым злоупотребил К. Маркс исследуя природу прибавочного продукта и подводя эту теорию к необходимости полного отрицания, разрушения основ в отношениях собственности капиталистического способа производства.

Постановка вопроса о приемлемости метода исследования экономической природы дохода теневого сектора экономики в этой связи приобретает исключительную важность в экономической

теории. Пол Хейне, профессор университета США в Сиэтле, автор популярного в России фундаментального издания «Экономический образ мышления», с одной стороны, совершенно правильно констатирует имеющее место в экономической теории положение о том, что следует «отпраздновать труса» и постановить, что не существует правильного определения прибыли, а, следовательно, и определения чистого дохода. Проблема обозначена П. Хейне весьма четко. Следует потратить много усилий со стороны экономистов, философов, социологов, пытаясь решить вопрос о том, как следует называть вещи, явления, которые ввиду их наглядности и повседневности не вызывали до сих пор сомнения в правильности их употребления, когда видимость знания принималась за само знание. Однако этой проблемы избежать невозможно. Различия в определениях дохода теневого сектора раскрывают не столько проблемы семантики, сколько проблемы самой экономической мысли на современном этапе ее развития.

Нельзя достигнуть единства в определении того или иного экономического феномена, если отсутствует ясность в раскрытии природы экономического объекта. Следовательно, многие ошибки, некорректности определений будут сняты, если будут четко определены объем понятия и его концепт. Присвоить после этого некоторый термин этому понятию уже не составляет особого труда. Но если последнее не выполнено, то неясность мысли проявится в неясности употребления и самих терминов. В итоге споры о терминах скорее будут запутывать сам результат научного исследования, заставляя нас ожидать то, что порой просто отсутствует.

Другая важная проблема специфического метода исследования экономической природы теневого дохода будет проявляться в том, что мы не можем согласиться с бытием некоторых объективных идей, объективных понятий и тому подобное. Понятия, взгляды, экономические воззрения сугубо субъективны.

Далее, наше мышление изначально отягощено нашим местом в процессе общественного воспроизводства и общественного присвоения. Общественное воспроизводство и общественное присвоение ни в коей мере не отрицают процесса индивидуализации этого присвоения. Даже тогда, когда мы внешне, с правовой точки зрения,

равны по отношению к бюджету, тем не менее каждый получает индивидуальную услугу от центральных органов власти и его институтов. Когда мы все находимся под защитой вооруженных сил, это одновременно означает, что этот национальный институт обороны страны обеспечивает и защиту каждого индивида в отдельности.

Следовательно, мы не можем дистанцироваться от моментов нашего ценностного для нашего собственного бытия отношения как к процессу производства, распределения, обмена, так и потребления благ в обществе. Из этого следует, что, подвергая научному исследованию то или иное экономическое явление, мы не можем оставаться абсолютно объективными уже тогда, когда мы выстраиваем некоторые основания, принимая в качестве исходных положений те или иные постулаты, принципы.

Политическая экономия не может оставаться неполитизированной наукой. В этом ее специфика, и вряд ли поэтому уместно подвергать ее критике за то, что этому предмету и самому процессу исследования присуще по своей внутренней природе. Следует не критиковать, а понимать это гносеологическое явление и учитывать его в процессе приближения к истине.

Данный вывод идет в разительное противоречие тем господствующим теоретическим взглядам и теоретическим современным воззрениям, что может вызвать уже изначальное отторжение. Эти выводы и сам метод лежат вне господствующей в обществе магистральной теории, или как ее принято называть в настоящее время, в русле взглядов теоретического мейнстрима. В определенной степени этим явлением можно объяснить состояние российской экономической мысли, при котором в последние годы практически исчезли с поля зрения научные исследования, предмет которых лежит в раскрытии природы экономических доходов в современной России.

Часто статьи посвящены второстепенным вопросам, не затрагивающим глубинные отношения собственности в переходный период, – последствия проведенной по указке западных, в основном американских советологов и экономистов, в принципе враждебной для основной массы россиян ваучерной приватизации и ее теоретического обоснования.

Люди, которые осуществляют те или иные реформы в обществе, суть которых затрагивает глубинные отношения собственности и связанные с ними процессы присвоения дохода в обществе,

для осуществления несправедливости в полном объеме привлекали на свою сторону и политизированных ученых. Последние научно объясняли в замысловатых теориях «справедливость» и необходимость осуществляемых реформ. Следовательно, чтобы проблемы метода познания сути механизма распределения и получения доходов теневого сектора экономики были более-менее выпукло представлены и поняты, их мало «схватить мышлением» с помощью рассудка. Эти проблемы нуждаются в понимании, а не только в осознании.

Поэтому у Платона уже более две тысячи лет назад были основания утверждать, что государство, какая бы форма государственного устройства ни преобладала, в интересах господствующей формы справедливости устанавливает законы. Причем, всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические.

Существенные моменты различия возникают тогда, когда мы начинаем трактовать те или иные виды труда как производительные или непроизводительные. Чтобы более ясно представить себе существо различных теорий, мы поставим вопрос более остро. Что означает производительность труда? Каковы исходные принципы определения того или иного вида труда, как производительного или непроизводительного?

Производить, как мы его понимаем в широком плане, – это значит создавать. Но производительный или непроизводительный труд – это предикат труда, его определение в границах существенно, т. е. самого труда. Поэтому, если есть человеческая деятельность, в процессе которой создаются условия существования человеческого индивида, то это и есть производительный труд в самом широком его понимании. Понятие труда как процесса опосредования своих связей с природным и социальным миром уже включает в свой предикат то, что труд должен что-то производить или создавать, другими словами, извлекать из природы и социальной жизни условия своего воспроизводства. Если человеческая деятельность не связана с воспроизводством данных условий, то это нельзя назвать трудом. Одновременно возникает следующая проблема, которая лежит уже в сфере социального неравенства. Можно ли считать производительным труд, в результате которого углубляется экономическое неравенство

граждан в обществе? Наконец, является ли неравенство в обществе фактором роста национального богатства?

Работы экономистов, социологов последних лет раскрывают некоторые проблемы влияния социально-экономической среды на экономическое развитие страны. В частности, утверждается, что частная собственность, которая приводит к неравномерному распределению богатства в обществе не становится некоторым фактором, стимулирующим частную инициативу, а следовательно, и экономический рост страны. Попытки объяснить эти проблемы, находясь исключительно в рамках известных экономических теорий, не могут быть признаны удовлетворительными, так как обнаруживают глубокие расхождения между выводами экономистов и реальной статистикой. Выход следует искать в расширении поля исследований и привлечении в это поле наряду с экономистами социологов, политиков, демографов. Тем самым будет преодолеваться ограниченность узкого ведомственного подхода к исследуемой проблеме, и все в большей мере утверждать себя в серьезных междисциплинарных исследованиях принцип целостного подхода.

Так, согласно теории капитала Маркса неравенство становится фактором формирования капитала на одном полюсе и обнищания наемных рабочих – на другом. Это неравенство базировалось на нарушении принципа справедливости распределения полученного дохода. Накопление сбережений позволяло за счет снижения текущего потребления рабочей массы трансформировать эти накопления в инвестиции в расширенное производство. В этой модели естественным ограничением такого экономического роста стал сам капитал, который неизбежно наталкивался на ограниченность совокупного спроса. Следовательно, можно сформулировать вывод, что, согласно воззрениям классиков экономической мысли, неравенство в обществе стимулировало экономический рост, по крайней мере, на начальном этапе.

Современные модели развития в работах некоторых экономистов рассматривают норму сбережений как функцию накапливаемого дохода, вводя в научный оборот понятия «предельная норма потребления» и «предельная норма сбережения». И если первая обнаруживает тенденцию к понижению, на основании так называемого психологического закона Кейнса, то предельная склонность

к сбережению обнаруживала тенденцию к возрастанию. Это отчетливо просматривается, если применить предельно тавтологичную модель Дж.М. Кейнса о равенстве единицы предельной склонности к потреблению и предельной склонности к сбережению.

Исследования последних лет, в частности, работы Г. Зейра, свидетельствуют о противоречивости влияния неравенства на экономический рост. Тенденция к большему уровню социального равенства в обществе при несовершенстве рынков кредита в достаточно богатых странах стимулирует инвестиции в человеческий капитал и увеличивает темпы экономического роста. Этому способствует наращивание совокупного спроса за счет развертывания и реализации программ не только социальной помощи, но и крупных постоянно возрастающих инвестиций в человеческий капитал. Одновременно следует учитывать в моделях экономического роста, что усиление тенденций в обществе в направлении к большему социально-экономическому равенству снижает социально-экономическую напряженность в обществе, подрывает тенденции к разрушительным формам перераспределительных процессов в результате социальных катаклизмов. Последнее в современной России превратилось в важнейшую социально-экономическую и политическую проблему. Уровень социального неравенства в России уже превысил все предельные границы. Неравенство в распределении имущества, доступа к национальным ресурсам не может найти никакого разумного объяснения, кроме недалёковидности и близорукости социально-экономической политики, проводимой в стране со времен президентства Б.Н. Ельцина. Общество, построенное на принципах социально-экономической несправедливости в распределении национального богатства и допуска к использованию этого богатства, не только обречено на стагнацию, но и таит опасность социальных конфликтов, обречено на извлечение рентных доходов. Это, в свою очередь, формирует социально-экономическую базу для социального напряжения, недовольства, требований к выравниванию доходов, наконец, формирует почву для терроризма в стране. Попытки максимизировать эффект усмирения за счет наращивания полицейского аппарата принуждения при всей его необходимости не могут обладать признаками достаточности. Эта армия силовых структур, если проанализировать статистику последних лет, обнаружила явно

выраженный тренд к увеличению, что свидетельствует о формировании признаков полицейского государства.

Декларации о развитии свободы и формировании тенденций либерализма, скорее, следует рассматривать как «фиговые листки», прикрывающие истинные тенденции развития российского общества. Экономический рост и развитие имеют предельно ограниченные возможности в стране, которая утратила признаки свободно развивающейся нации.

Если не придерживаться предельно обедненного понимания класса, которое еще имеет место в российской политической науке, а несколько расширить объем этого понятия в том направлении, которое было задано в свое время российским исследователем Ключевским, то можно с полным правом отнести к новому классу российскую бюрократию, которая приватизировала рентные доходы и сформировала свое особое отношение к формам их получения, распределения и использования. Этот класс, или социальное российское сословие, стало занимать особое место в сформированных отношениях собственности, превратив институт государства в свою частную собственность. Она максимально использует имманентно принадлежащий ей специфический ресурс, т. е. власть, властные функции по распоряжению объектов национального богатства, и который вполне логично вписался в структуру отношений собственности. По расчетам академика Д.С. Львова, в современной российской экономике только около 15 % чистого дохода создается трудом, остальные 85 % – рента от продажи народной собственности. И именно класс современной российской бюрократии определил свое отношение к этому богатству и механизму его извлечения.

Если принять эти посылки в качестве исходных в дальнейших выводах, то станет очевидным и то, что общество, в котором основным источником сбережений становятся сбережения коррумпированных с институтом государства структур, натолкнется с необходимостью на ограничительные факторы своего развития. Не решив эти глобальные для российского общества проблемы, как мы полагаем, Россия будет вынуждена довольствоваться низкими темпами роста экономики за счет стимулирующего развития экспортно-ориентированных отраслей военной техники, сырья, энергоносителей с низкой добавленной стоимостью. Совокупное потребление

в обществе также будет возрастать за счет наращивания потребительских расходов слоев российского общества, которые оказались у власти приватизировав властные функции, а также современный класс российских приватизаторов ельцинского периода.

Решать проблему экономического развития страны Россия может на путях обеспечения наращивания совокупного спроса за счет резкого наращивания инвестиций в человеческий капитал, ограничения appetитов властных государственных структур за счет более жесткой борьбы с коррупцией, а также переориентирования рентного дохода в пользу национального бюджета, довольствуясь не налоговыми изъятиями части чистого дохода, а полным его изъятием, за исключением части прибыли, которая и будет справедливым вознаграждением магнатам современного сырьевого бизнеса. Однако это возможно только в свободной экономике, в которой конкуренция скорее станет нормой, а монопольное положение – исключением. Ориентировав экономику на поиск прибыли, разрушив тенденции на поиск ренты, позволит сформировать принимаемые обществом как справедливые требования, которые найдут поддержку у россиян.

Вывод С. Кузнецова о том, что относительно низкая дифференциация населения по величине доходов характерна для беднейших и высокоразвитых стран, оказался на практике иллюзией, по крайней мере, для России. Неравенство в доходах возрастает на ранних стадиях экономического развития и не снижается на более поздних стадиях, вопреки С. Кузнецу, опять же применительно к России. Но тем и ценна теория национальной экономики, что она не довольствуется общими, абстрактными моделями, преодолевает космополитизм общей экономической теории, как учил в свое время её основоположник Ф. Лист, в частности макроэкономики, и учитывает особенности «национального грунта». Это станет возможным только на основаниях достижения большего социального равенства в обществе, что позволит сделать вывод о равенстве – как факторе социально-экономического роста и развития. Развитие, понимаемое в таком контексте, есть результат производительного труда.

Следовательно, производительный или непроизводительный труд – это труд, который соответствует двум признакам:

- 1) труд, который создает условия существования индивидов;
- 2) труд, соответствующий целеполаганию человека и общества в целом. Поэтому уже в зависимости от того, какие цели

поставил себе человек в своей деятельности и общество в целом, зависит уже дальнейшее специфическое определение труда как производительного или непроизводительного. Например, если человек ставит своей целью производство прибыли, то производительным трудом, по-Марксу, будет только тот труд, который приносит прибавочную стоимость. Следовательно, специфическое отличие труда производительного от непроизводительного придает процесс целеполагания. Поэтому труд может быть производительным в одних общественно-экономических формациях и непроизводительным – в других.

Однако все виды труда несут некоторые всеобщие моменты. Труд есть процесс присвоения условий человеческого бытия. Он призван удовлетворять какие-то потребности, действительные ли человеческие потребности или мнимые.

Великая заслуга К. Маркса состоит в том, что ему принадлежит раскрытие диалектической природы двойственного характера труда. В этом мы видим его непреходящее значение. Из этого следует, что и субстрат производительного или непроизводительного труда должен охватывать эти два диалектических момента. Это внутреннее противоречие принимает форму существования как двойственность труда и социальной формы его продуктов. Каждая диалектическая противоположность внешним образом начинает представляться как бы обособленно от другой стороны. Например, производство материальных или духовных условий начинает казаться как бы сосуществующим наряду с процессом создания стоимости (ценности) этих благ. И именно здесь кроется существенный недостаток марксистской политической экономии – как в вопросах трактовки производительного труда в условиях капиталистического способа производства, так и в условиях социалистических форм присвоения. Например, производительным трудом стал считаться только труд, который создает стоимость, включающую прибавочную стоимость. Следовательно, труд фермера, который ведет свое производство без привлечения наемного труда, есть труд непроизводительный.

Если стоять на данных догматах марксизма, то получается странное экономическое явление. Существенная доля непроизводительного труда капиталистического общества произвела огромное национальное богатство. В то же время нельзя игнорировать и исходные посылки К. Маркса, ибо они отражают действительный

процесс присвоения в капиталистическом обществе. Однако мы тут же заметим, что отражают односторонне, абсолютизируя специфичность этого процесса присвоения в обществе.

Нечто подобное имело место и в учении политической экономии социализма в бывшем СССР. Производительным трудом признавался труд, создающий материальные блага. В этой концепции из производительного труда исключались те виды труда, которые были связаны с оказанием услуг, не говоря уже об услугах в сфере воспроизводства духовных потребностей и условиях их удовлетворения. При этом общественная сторона данного процесса как бы игнорировалась. Речь о стоимости даже и не шла. Все это вполне вписывалось в теорию государства административно-командной экономики, где предавались анафеме товарно-денежные отношения.

Как нам представляется, если основной общесоциологический закон человечества есть сохранение человека, т. е. его воспроизводство (Дж. Локк), то содержание производительного труда должно охватывать все виды человеческой деятельности, направленной на осуществление этого закона. При этом совсем не обязательно, что должна воспроизводиться стоимость, в основе которой или субстанцией которой, является овеществленный живой труд в общественно необходимой мере. Это догма марксистской политической экономии. Производительный труд – это труд, воспроизводящий ценности человеческой жизни, т. е. и самого человека, которые совсем не обязательно принимают форму стоимости. Они могут принимать свою денежную оценку, когда их нехватка понуждает людей к их взаимобмену, либо они присваиваются вне опосредования денежным оборотом.

Например, общество изначально принимает на себя заботы по очистке воздушной среды, оно несет затраты. Но очищенный воздух не поступает на рынок как товар. Он выпускается наружу, и все имеют возможность дышать более чистым и безвредным для самого человека воздухом. Но возникает вопрос, является ли этот труд по восстановлению экологической среды трудом производительным? На наш взгляд, если исходить из изложенных принципов, этот труд производительный. Он не создал ни грана стоимости, ибо очищенный воздух не стал предметом обмена, не приобрел он и денежную форму. Но он воссоздал условия для воспроизводства

людей в обществе. Он осуществил процесс создания ценности – чистого воздуха – как формы, посредством которой человек реализовал себя как самоцель, как самоценность. Здесь эти отношения сложились между индивидом и обществом в целом.

Общество априори, исключая рынок, определило данные затраты как общественно необходимые, а следовательно, и как производительные. Сам же труд есть труд производительный. Он внимает в своей сути обе стороны этого противоречивого процесса, а именно, воспроизводство условий материального и духовного бытия индивидов, и его общественную сторону – воспроизводство ценности, которая получила признание общественной значимости, или ценности. Следовательно, для условий социалистических форм присвоения производительным трудом следует считать труд матери, учителя, преподавателя, врача, которые непосредственно воспроизводят человека, а не исключительно труд в материальном производстве, где воспроизводятся материальные блага. Следует помнить, что в обществе так называемого реального социализма, в котором оказались максимально деформированы ценности, могло получиться следующее. Затрачивая миллиардные средства на мелиорацию, эти производительные работники губили природную среду, суживая тем самым само жизненное пространство. Хотя и здесь можно уловить даже в самой превращенной форме намеки на эту форму производительного труда. Этот непродуцируемый труд, с точки зрения создания условий для расширенного воспроизводства всех индивидов, всего общества, оказался производительным для небольшой группы паразитирующих на теле социальной системы людей. Они, занимая свою нишу в механизме присвоения государства и используя его как инструмент присвоения, вполне были кровно заинтересованы выдавать это расчётливость за труд производительный.

Наконец, производительный труд создает ценности, богатство, следовательно, его результатом становится экономический рост национальной экономики. Факторы, которые можно отнести к росту экономического богатства, лежат не только в сфере производительного использования капитала и живого труда. Его эффективность может возрасти и за счет факторов интеграции, разделения труда, оптимальных форм кооперации, т. е. в сфере общественных институтов.

Общеизвестно положение, что углубление глобализации экономики, расширение и рост внешней торговли позволяют использовать преимущества от разделения труда в каждой из торгующих стран. Это положение было описано патриархом классической экономической теории А. Смитом в его работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». Сам стиль изложения был настолько понятен, что и до сих пор мало кто сомневается в данной азбучной истине относительно его научности и ценности для современной российской экономической действительности. Основное правило каждого благоразумного главы семьи можно свести к требованию – не производить самому такие предметы, покупка которых обходится дешевле. Портной не шьет себе сапоги, а покупает их у сапожника. И то, что представляется разумным в образе действия любой частной семьи, может остаться разумным и для всего королевства. Следовательно, выгоды, которые приобретает частный товаропроизводитель в результате использования преимуществ разделения труда, становятся источниками роста потребления и расширенного воспроизводства. Эта разница в производственных издержках, в конечном счете, выявляется как разница в ценах на продукты труда в разных странах.

Позже Д. Рикардо углубил и развил данное положение, введя в оборот понятие относительных издержек, относительных конкурентных преимуществ. Исходные посылки в этой модели несколько модифицировались. Д. Рикардо исходил уже из ограниченности ресурсов, которые следует, как человеку экономическому, распределять наиболее эффективно.

Валютный курс завершает это явление тем, что превращает относительное преимущество в ценах в абсолютное ценовое преимущество. Разница цен становится причиной международных потоков капиталов, товаров и услуг. Причины же можно свести к разнице в методах производства, разнице в обеспеченности факторами производства, разнице в характере спроса. Разница в методах производства раскрывается в различии во владении природными, например, ресурсами, в различающихся условиях их доступности при наличии, в технологии производства, в экономии от масштаба. Результат от разницы в обеспеченности факторами производства составляет суть теоремы факторных пропорций Хекшера – Олина. Данная

теорема достаточно хорошо объясняет сегодняшнюю российскую ситуацию: богатая ресурсами Россия экспортирует ресурсоемкие товары с минимальной добавленной стоимостью. А вот из страны, богатой инновационными товарами, товарами высоких технологий, например, США, мы импортируем эти наукоемкие товары. И если в экономической политике принять данное положение как не подлежащее даже критическому осмыслению, то следует согласиться и с логическим результатом. Россия обречена оставаться сырьевым придатком в международном разделении труда, обмен товарами во внешней торговле будет закреплять состояние неэквивалентности. Цены на продукты высоких технологий всегда имеют тенденцию опережать рост цен на товары ресурсоемких производств. При этом упускается, что доводы и ссылки на А. Смита, Д. Рикардо не могут быть признаны убедительными. Подобный примитивизм примеров обмена продукта труда башмачника на сюртуки портного следует оставить для школьных аудиторий в курсе истории экономических учений, но только не для теоретических обоснований при выработке экономической политики страны. Теоретическое обоснование формирования открытых рынков на основе теории сравнительных преимуществ при всей простоте и доступности выводов о том, что международный обмен благами между странами выгоден даже тогда, когда одна из стран производит все блага дешевле, чем другая, только укрепляет позицию политиков в том, что ресурсоемкая структура экспорта выгодна государству.

Однако при всей ясности механизма формирования положительного результата от международного разделения труда возникает вопрос: каким образом Россия сможет преодолеть ресурсоемкую структуру своего экспорта? Насколько свободный рынок способствует оптимальному развитию производительных сил общества Российской Федерации и насколько может быть признано справедливым распределение суммарного положительного эффекта стран от внешней торговли? Другими словами, насколько уместно при подобной структуре экспорта вообще употреблять термин «взаимовыгодная торговля»? Если две страны сводят свои значения чистого экспорта с нулевыми результатами, то в какой пропорции будет поделен суммарный излишек, если последний рассматривать в соотношении с национальными издержками?

Как мы полагаем, в долгосрочном плане подобная форма внешнеторговых обменов не может быть признана оптимальной. Все страны будут проигрывать в мировой торговле тем странам, которые поставляют на мировой рынок наукоемкие продукты и технологии. Отсюда следует и соответствующий вывод: Россия должна реализовать свои возможности выхода на мировые рынки с продуктами высоких технологий, что станет возможным только за счет ускоренного развития науки, образования, современных технологий. Развитие не на основе факторов производства, по теории М. Портера, и даже не на основе инвестиций, а только на основе инноваций.

Все это позволяет наметить контуры новой экономической, таковой, промышленной и иной политики в России на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Важно осознать одно парадоксальное положение современной экономической действительности, когда казалось бы благо от поступления валютной выручки таким все же не является.

Если рассмотреть издержки в наиболее простой концепции К. Маркса, то их можно свести к затратам постоянного и переменного капитала. Когда товар реализуется на внешнем рынке, то экспортер получает уже выручку, которая покрывает отечественные издержки. Издержки иностранного покупателя есть доходы национальных субъектов. Но при громадной разнице в валютной выручке и рублевых издержках при сложившемся валютном курсе экспортер частично возмещает в рублевой массе, а остальное обрушивается на валютный рынок. Если принять в качестве гипотетического случая, что Центральный Банк России скупает эту валютную выручку, то расплатиться он может только тем, что станет результатом эмиссии рублевой массы. Но эти деньги, которые окажутся у экспортера, будут тем больше давить на денежный рынок со стороны спроса, чем большая эффективность от внешнеэкономической деятельности у экспортера. Нарушается баланс соотношения товарной массы и товарных ценностей. Кривая Хикса-Хассена отразит в своей модели это нарастающее неравновесие на национальном рынке.

Однако, по замечанию экономиста, интерпретировавшего модель количественного обмена И. Фишера, денег в экономике столько, сколько это необходимо для неё. Но если вбрасываются все дополнительные денежные массы в национальную экономику,

то это приводит опять же к новому равновесию. Здесь мы вновь можем обнаружить проявления принципа Ле Шателье-Брауна, которому следует уже придавать более фундаментальный характер, чем это обычно полагают специалисты в области естественных наук.

Результат с необходимостью будет следующим – обесценивание прежних накоплений богатства в абсолютно ликвидной форме уже всех субъектов национальной экономики. Центральный Банк не может не выкупить, в конечном счете, эту валютную выручку, ибо его задача добиваться оптимального соотношения спроса и предложения валют, не допуская резких и неожиданных изменений, так как влияние последних в современных экономиках может быть непредсказуемым как по направлениям, так и по силе воздействия. Тогда можно сформулировать очередную «ловушку», в которой оказалась национальная экономика: чем более эффективна торговля ресурсами на внешнем рынке, тем в большей степени изымаются доходы населения страны в форме «налога на деньги».

Поэтому имеет определенный смысл политика Центрального Банка России, Правительства страны, в результате которой всякими возможными приемлемыми формами избыточные доходы размещаются в иных государствах в различного рода ценных бумагах, порой прикрывая эту неизбежность фиговым листком страховых накоплений.

Эффект снижения инфляции, безусловно, следует принимать во внимание, но объяснить разумность подобной политики только борьбой с инфляцией становится уже сложно. Ситуация оказывается существенно обремененной дополнительными негативными для всей национальной экономики последствиями. Так, если исходить из предположения, что будут сохраняться обменные курсы и мировые цены, то наращивание экспорта ресурсоемких отраслей имеет вторую сторону. Фактически, это есть наращивание спроса на ресурсы страны со стороны иного мира. Расходы иного мира на продукцию страны есть доходы национальных производителей. Следовательно, наращивание экспорта становится фактором увеличения национального дохода с учетом предельной склонности к потреблению. Это общеизвестное положение можно было бы оставить как само собой разумеющееся в своих последствиях формирования импульса возрастания доходов в других отраслях национальной

экономики с учетом мультипликативного эффекта. Однако следует учитывать негативные последствия для всей экономики. Экспортно-ориентированные отрасли сырьевой направленности, которые обнаруживают высокую доходность от экспортных операций, а также от разведки, добычи, транспортировки сырья в условиях ограниченности ресурсов будут оттягивать через ценовой рыночный механизм на свои отрасли, предприятия эти ограниченные ресурсы. Тем самым будут угнетаться, подавляться иные отрасли, которые не выдержат межотраслевую конкуренцию за ресурсы. Этот эффект угнетающего воздействия высокоэффективных отраслей, отдельных предприятий на экономику в целом был детально изучен американским ученым польского происхождения Рыбчинским. Следовательно, не учитывать этот эффект в процессе реализации той или иной модели экономического роста нет оснований.

Негативно сказывается и накачивание денежной массы национальной экономики в результате экспорта. Если необходимый продукт, по-Марксу, присваивается наемными работниками, рядовыми служащими компаний, то полученная прибыль есть факторный доход на капитал. Он присваивается в соответствии с законами рыночной экономики собственниками факторов производства, т. е. капитала. Это весьма богатая прослойка российского общества, которая теперь сама формирует спрос не столько на продукцию отечественного производства, стимулируя национального производителя, сколько на продукцию иностранных компаний. Следовательно, и в этом случае влияние наращивания экспортных возможностей продукции сырьевых отраслей не является реальным фактором экономического роста национальной экономики.

Осуществить корректировку курса и добиться при этом положительных результатов с помощью инструментов внешнеторговой политики представляется весьма сомнительным. Таможенные пошлины как фискальные, так и защитные, по-Ф. Листу, квоты, нетарифные торговые барьеры, а также субсидирование и использование возможностей государственных предприятий, являющихся участниками ВЭД, вряд ли будут располагать достаточными возможностями для условий долгосрочного экономического роста рыночной экономики России. В корректировке нуждается вся внутренняя и внешняя политика России.

Экономическая политика: проблемы общего и частного

Под экономической политикой обычно понимается комплексная система мер, инструментов, методов и приемов воздействия экономических субъектов на экономическую ситуацию, позволяющих обеспечить реализацию стратегических и тактических целей. Это системное образование инструментов и механизмов базируется на соответствующей теории взглядов, на традициях, доктринах, политических программах, а также экономических предрассудках и ложных ценностях. Все это образует своего рода идеологическую платформу экономической политики экономических субъектов как по отношению к контрагентам, так и институтам государства.

Макроэкономический анализ позволяет присущими ему методами выделить следующих основных экономических субъектов, реализующих свою частную или публичную экономическую политику: государство с его важнейшими институтами в форме министерств, центрального банка, налоговой, таможенной служб и т. д., а также домашние хозяйства, бизнес, внешний мир экономики. У каждого экономического агента формируется особое отношение как друг к другу, так и всеобщему в лице государства. Последнее формирует правила поведения на экономическом пространстве. Экономическая политика может рассматриваться в разрезе времени, пространства, приобретая формы инвестиционной политики, региональной политики.

При этом одни и те же инструменты могут приводить к разнонаправленным результатам в рамках реализации экономическими субъектами своих стратегических или тактических целей.

Например, таможенная политика государства реализуется в осуществлении фискальных функций. Доход государственного бюджета может пополняться как налогами на прибыль предприятия, так и таможенными платежами. Прибыльность предприятия напрямую зависит от налоговой нагрузки, ибо налоги есть вычеты из валового дохода предприятия. Таможенные платежи также есть налоговая нагрузка в широком понимании этого понятия, они учитываются в издержках, которые относятся на себестоимость внешнеторговых операций. Тем самым это относительно увеличивает при прочих равных условиях доход предприятия, который подлежит обложению налогом на прибыль. Одни и те же инструменты регулирования экономики могут приводить к разнонаправленным по своим целям видам экономической политики как государства, так и бизнеса. Экономическая политика государства, которая реализует фискальную функцию государства, может иметь диаметрально противоположные результаты: как увеличение поступления доходов в бюджет, так и их уменьшение. Но становится лишним основанием утверждение о некоторой единой экономической политике государства, которая не учитывала бы разновекторность поведения всех участников внешнеторговой деятельности, например.

Современное состояние экономической теории констатирует осуществление противоречивого процесса воздействия институтов государства на экономическую ситуацию в стране. Однако нельзя не принимать во внимание того положения, что роль мер государственного воздействия на экономику в последние годы возрастает. Само государство с его аппаратом принуждения и насилия ранее было используемо купечеством в своих частных корпоративных целях. Можно сделать вывод, что каждый макроэкономический агент вырабатывает свою, адекватную ему экономическую политику. Поэтому следует различать экономическую политику общую, которая включает в себя совокупность и взаимообусловленность экономических политик всех экономических агентов, в том числе и института государства. Эта общая предельно экономическая политика приобретает признаки всеобщности.

Политика экономическая конкретного экономического агента есть политика единичного, или части всего многообразия общей экономической политики. Она представлена в форме государственной экономической политики, и политики частных экономических

агентов. Это дает основания для утверждения, что понятие «общая экономическая политика» есть понятие родовое по отношению к объему понятия «государственная экономическая политика», соотносясь как «целое-часть». Поэтому общая экономическая политика не направлена на решение конкретных задач конкретного макроэкономического института, например, населения страны. Общая экономическая политика, скорее, формирует вектор развития экономики, определенное правовое поле, создавая преференции и ограничивая присущими государству инструментами и механизмами нежелательный поворот в развитии. Отдельные экономические субъекты реализуют самостоятельно выработанную ими на основании понимаемых ими ценностей частную экономическую политику. Государственная экономическая политика становится при этом как рядоположенная экономическая политика, хотя ее влияние на всех экономических субъектов будет доминирующим фактором.

Дискуссионным моментом остается проблема соотношения общей экономической политики, частной экономической политики и государственной экономической политики. Встречающееся в монографической и учебной литературе утверждение о том, что каждый субъект хозяйственной деятельности от домашнего хозяйства до институтов государства является проводником своей собственной политики, ибо каждый руководствуется своими собственными целями и, применяя свойственный ему инструмент, нуждается в серьезном уточнении.

Государственная экономическая политика, как выражение требований всеобщности социально-экономического окружения не может существовать вне единичного, т. е. требований объективного развития его частей. Всеобщее может находить формы своего бытия исключительно в конкретном, единичном, т. е. частном. Государственный интерес не может выражать иное, как не интерес всеобщественный, по-Марксу (*die Allgemeingessellschaftliche*).

Интересы части получают своё выражение в государственном интересе, но это не означает, что интерес частный совпал с интересом государства. Часть не есть целое. Часть может осуществлять и проводить свою оппортунистическую экономическую политику. И если вектор этой частной экономической политики отдельного экономического субъекта будет разнонаправлен с вектором общей

экономической политики, то эта частная экономическая политика должна быть признана неадекватной.

Это утверждение в полной мере относится и к государственной экономической политике. Последняя в форме политики, осуществляемой институтами государства, например, центральным банком страны, институтом таможенного дела, правительством, не соответствует требованиям всеобщности, т. е. существенным экономическим взаимозависимостям и связям, эта государственная экономическая политика не должна доминировать над общей экономической политикой, а адаптироваться, видоизменяться, отражая требования объективного развития национальной экономики. Экономическая политика, понимаемая нами как требования всеобщего применительно к особенному, единичному и частному, должна не только сводиться к деятельности государственных органов власти и управления, а относиться к нахождению рациональных моделей, отражающих интересы всей совокупности экономических субъектов в обществе, как занятых в процессе воспроизводства материальных условий жизни, так и институтов общественного и государственного управления.

Воля к власти денег как ложная парадигма развития современной мировой экономики

Все мое – сказало золото.

Все мое – сказал булат.

Все куплю – сказало золото.

Все возьму – сказал булат.

А.С. Пушкин

В философии экономики на протяжении последних не менее двух столетий предпринимались не совсем успешные попытки объяснить наиболее существенные мотивы поведения экономических субъектов в процессе производства, распределения и потребления создаваемых ими жизненных материальных и духовных благ. Например, после работ А. Смита возникло непререкаемое суждение о том, что индивидуальный, или эгоистический, интерес есть движитель всего прогресса. Люди руководствуются своими эгоистическими интересами, ориентируя их в направлении приращения богатства. Каждый бессознательно реализуя свой корыстный эгоистический интерес, создает предпосылки для реализации некоторого уже общего интереса. Это соответственно формирует «невидимую руку рынка» – доход, его прирост стал основным движущим мотивом всего частного производства. Фактически речь идет о доминирующей цели коммерческого предприятия – получение прибыли, т. е. некоторого чистого дохода, который определяется как разница между получаемыми доходами и издержками производства, распределения и иными вмененными расходами.

Это исходное положение принималось как само собой разумеющееся и не нуждающееся в критическом осмыслении в силу своей очевидности и вне временного характера проявления. Однако это доминированное целеполагание не может быть признано, по крайней мере, с позиции текущего времени, т. е. *sub specie temporis*, а тем более с позиции вечности *sub specie aeternitatis*. При этом мы исходим из того фундаментального положения в дальнейших наших выводах, что целеполагание формирует общую детерминанту развития материальной цивилизации, предопределяет вектор, ориентиры экономического развития общества, будучи при этом формой выражения уже более сущностного и вневременного, т. е. субстанционального. Этой сущностью мы полагаем волю, опираясь на те философские воззрения, которые оставили нам представители немецкой философии: А. Шопенгауэр, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше. Воля как философское понятие становится центральным понятием в этих философских системах. Работы последних лет позволяют трактовать волю как социальное явление, которое базируется на глубоких онтологических основаниях. Воля как родовое понятие приобретает свои модифицированные формы, что позволяет исследователям построить уже свои философско-методологические системы, которые могут расширить наши познания в такой сложной области познания, как познание законов развития экономических систем. Как нам представляется, этим методологическим основанием может стать уже «воля к власти». А. Шопенгауэр и Ф. Ницше полагали, что модификация мировой воли в форме «воли к власти», понимаемая одновременно и как «воля к жизни», есть самое глубокое основание всех изменений в мире, формирующее вектор социально-экономического, политического развития сообществ. Однако мы не склонны полагать, что исключительно только воля, как «темное» начало у А. Шопенгауэра, есть источник всего сущего, своего рода кантовская «вещь-в-себе». Все остальное есть мир кажущийся, т. е. мир как представление. Мир, который создается самим человеком, есть одновременно не только мир, творимый «темными» силами стихии человеческой природы, но и мир разумный. Воля и разум имеют один общий дом, они переходят друг в друга, отрицают друг друга. Воля, как «темное» начало, доминирует в поведении человека, но будучи познаваемой разумом воля уже сама отрицается и переходит в сферу разумного, логичного [22].

Однако для реализации воли человек нуждается в ресурсах. Такими ресурсами становятся объекты природы производящей, или творящей (*natura naturans*) и природы творимой, или производимой (*natura naturata*). Даровые силы общественной организации даруются человеку самой организацией труда, т. е. кооперацией, накопленным опытом, знанием, наконец, таким же человеком, которого другой может рассматривать как средство для достижения своих особых целей. Мы можем назвать осознание рода, чувство общности или сплоченности признанием того, что все остальные человеческие существа являются потенциальными соратниками в борьбе за выживание, поскольку они способны осознать обоюдную пользу сотрудничества, в то время как у животных этот дар отсутствует. В гипотетическом мире, где разделение труда не повышало бы производительность труда, не существовало бы никакого общества. Не было бы чувства благожелательности или доброй воли. Другими словами, *do ut des* – даю, чтобы ты дал (лат).

Однако для того чтобы превратить другого человека в средство, человек должен обеспечить применение ресурса власти. Власть становится тем самым тем ресурсом, который позволяет обеспечить одному человеку доминирование над другим, закрепляя его за выполнением определенных производственных функций и используя для этого силу, либо подчиняя его иными способами.

Таким образом, проблема воли может получить свое разрешение исключительно использованием этого ресурса власти. Воля становится действительностью, по-Гегелю, посредством ресурса власти. Без этого ресурса воля есть некоторое темное вожелание. Другими словами, власть есть реализовавшая себя воля, которая из потенции трансформировалась в актуальность. Воля к власти есть, таким образом, стремление осуществлять процесс обеспечения условий своего воспроизводства. Подобное понимание дает основание Ф. Ницше понимать одновременно волю к власти и как волю к жизни.

Это наличие материальных ресурсов обеспечивает формирование особых отношений собственности, как некоторой совокупности объективных экономических условий, обеспечивающих производство, присвоение, распределение, потребление условий бытия самого человека. Эти отношения можно представить по своей природе и как социальные отношения, когда человек воспроизводит

эти условия жизнедеятельности в некотором социуме. В результате в обществе оформляются властные отношения между отдельными членами сообщества, формируются властные поля со своими очагами напряженности и концентратами власти. Основными источниками властных полей в обществе всегда будут оставаться индивиды или группы людей, которые формируют свои особые отношения к средствам их собственного воспроизводства, в том числе и ресурсам власти. Эти особые группы людей следует классифицировать уже как классы во внутренне противоречивом «социальном поле».

Посредством сформировавшихся отношений власти реализуется подчинение, подавление воли других членов сообщества, а следовательно и процессы присвоения, распоряжения и потребления. Власть таким образом впаяна в отношения собственности, представляя уже собственность как некоторую целостность, или тотальность. Это дает основания для суждений о том, что отношения собственности становятся материальной основой для других ветвей власти, например, политической. Это присвоение и распределение условий жизнедеятельности не может не опосредоваться такими институтами, как институты религии, морали, этики. Собственность как целостность формирует и достраивает до своей целостности или тотальности иные формы человеческого общежития, что позволяет говорить о собственности как о религиозном отношении, этическом, нравственном. Этот методологический подход позволяет преодолеть абстрактность обедненного основания власти исключительно как экономического отношения. Однако следует только быть менее категоричным в утверждении собственности как экономического отношения, как единственного основания. В сфере сущности не может иметь место детерминирование. Человек как носитель властных отношений есть всегда человек целостный, несмотря на то, что многие видные философы наделяют его эпитетом «одномерного человека». Человек экономический есть одновременно человек нравственный, религиозный, т. е. целостный, даже если эти положительные качества у отдельных индивидов отсутствуют. Попытка отделить условия материального производства человеческой жизни от духовных долгое время господствовала в экономической теории. Последнее приводило к процессу творения безжизненных абстракций. Например, в марксизме принималось в качестве аксиомы положение,

что материальные отношения формируют некоторое основание, базис, на котором вырастают, получают свое оформление отношения нравственные, политические и т. д. Действительность не подтвердила подобных выводов. Ежедневная производственная деятельность направлена по своей природе на производство материальных благ. Исключительным мотивом этой деятельности стал страх голода, либо получение дохода, прибыли. Эти отношения в работах ученых часто отделялись от всех других мотивов. А такие мотивы, как например, честь, гордость, солидарность, моральный долг или просто ответственность за общую судьбу, принимались как несущественные, не имеющими отношения к повседневной производственной деятельности, отмечает К. Поланьи [26]. В этом виделся источник рокового разрыва материального и идеального, человек как бы лишился смешанных мотивов поведения, при которых он оставался самим собой. В результате в условиях рыночной экономики человеческое общество само оказалось организовано по дуалистическому принципу. Повседневность была отдана материальному, а воскресенье у христиан – идеальному, заботе о душе. Поэтому рыночный взгляд на человека есть одновременно и рыночный взгляд на общество [26. С. 28, 29].

Это положение продолжает сохраняться в современной экономической системе, как господствующая очевидная и непререкаемая парадигма экономического развития. Рыночная экономика по настоящее время не видит иные альтернативы развития. Основной вектор её функционирования – прибыль. Даже в границах материального была отброшена как несущественная ориентация на голод, на выживание людей. Однако в специфических условиях России это уже вступает в противоречие с действительностью. Основная масса населения России следует в векторе выживания. Ориентация на прибыль, на наживу стала уделом «элиты» от бизнеса, которая по численности составляет ничтожно малую величину. Однако это не мешает им расширенно воспроизводиться, что следует из статистики прироста долларовых миллиардеров в России в 2010–2011 годах. Подобная парадигма развития в России потерпела очевидную неудачу, принцип «воли к власти денег» в основании оказался ущербным в силу своей обедненности примитивным материалистическим, ложно понимаемым детерминизмом. История человеческой

цивилизации показывает глубокую ошибочность этой концепции, а продолжение этой альтернативы на будущее скорее есть теоретически не выверенное направление социально-экономической политики, что способно в конечном счете развалить, взорвать все это социально-политическое образование. Экономический детерминизм отражает ложные ценности только рыночного хозяйства. «Воля к мощи» в истинно понимаемом ницшеановском смысле как «воля к жизни» есть реальная альтернатива социально-экономического развития. В этой парадигме человек есть целостный, а не человек экономический, который рассматривается сообщество не только как средство получения дохода для иных членов сообщества, но и как средство и бесконечная ценность самого себя и как цель для общества.

На протяжении всей мировой истории человек использовал фактор власти, подчиняя себе не только даровые силы природы, но и других членов сообщества, превращая его тем самым в средство своего собственного расширенного воспроизводства. Решающими факторами на разных этапах были прямое подчинение вплоть до приковывания работника к средствам производства. Подчиняться или сопротивляться определялось соотношением факторов, которые обеспечивали это подчинение. Однако важнейшим всегда оставалась высшая ценность, т. е. сама жизнь. Вся история становления человеческой цивилизации может быть представлена как непрерывно осуществляющийся процесс подчинения-освобождения индивидов. В истории менялись формы подчинения, инструменты, механизмы реализации власти в обществе, но суть оставалась прежней. Воля к власти могла получить свою реализацию и стать действительностью только при наличии ресурсов, которые в любом случае были пронизаны отношениями собственности, более того, сами эти властные отношения лежали в структуре отношений собственности.

Существенные изменения в отношениях власти-собственности произошли с наступлением индустриальной революции лишь 150 лет назад. До этого периода можно говорить, что рыночная экономика скорее была эпизодом. Сами рынки в средневековой Европе следует рассматривать как некоторые вкрапления в среду производства самого человека, другими словами, его выживания. Производство дохода в форме денег не было детерминантой, движущимся мотивом средневекового человека – это феномен уже поздней «рыночной

экономики» времен Адама Смита. Мотивы выживания доминировали в более ранние времена. Как свидетельствует историк и экономист Ф. Бродель, именно выживание, борьба с хищниками в Средние века были более насущной проблемой, чем производство прибыли в современных условиях. Так, «в 1420 году стаи волков проникают в Париж через бреши в крепостных стенах или через плохо охраняемые ворота; а в сентябре 1438 г. они снова ... нападают на людей. ... В 1640 г. переправившись через реку Ду возле городских мельниц, волки появились в Базансоне и «поедали детей на улицах» [3. С. 38]. Другой проблемой для населения был голод. Франция, наиболее развитая страна в Европе, познала 10 голодных периодов в X веке, 26 – в XI, 2 – в XII, 4 в – в IX, 13 – в XVII, 11 – в XVII и 16 голодных периодов в XVIII веке [3. С. 45]. Голод, который обрушился на Индию в 1630–1631 гг. охватил почти всю страну. По свидетельствам очевидцев, люди, чтобы выжить, продавали сами себя, имели место коллективные самоубийства, люди поедали павших. «Сотни и сотни тысяч людей умирали, так что страна была вся покрыта трупами, оставшимися без погребения. ... В одной деревне человечина продавалась на рынке» [3. С. 47, 48].

Другое неоспариваемое никем явление в мировой цивилизации – эпидемии, уносившие населения целых территорий. Тот же Ф. Бродель приводит свидетельства, что ситуация с эпидемиями чумы ухудшалась от века к веку. «В Амстердаме чума царит ежегодно с 1622 по 1628 г., итог – 35 тыс. умерших. В Париже она присутствует в 1612, 1619, 1631, 1638, 1662 и в последний раз в 1668 г.». В Лондоне чума повторяется пять раз с 1593 по 1664–1665 гг., унося... в общей сложности 156 463 жертвы. В 18 веке наступит общее улучшение, однако чума 1720 года в Тулоне и Марселе будет очень трагичной. В Марселе погибли более половины жителей. Улицы, по свидетельству историка, были полны «трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками» [3. С. 56, 57].

Данные исторического исследования подтверждают основную идею, что целеполаганием народов средневековой Европы не могло быть накопление богатства, получение прибыли в результате материального производства. Были весьма прозаические цели – выживание людей как таковых. Наибольшими шансами располагали те, кто обладал большими ресурсами власти, собственности. Воля

к власти в этом отношении проявляется наиболее отчетливо как воля к жизни.

К этому материальному ресурсу прибавляется ресурс количества. «Количество разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес, определяет его уровень культуры и его действенность, ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу его заболеваний и сопротивления им. Но количество давит и на взаимоотношения живых масс между собой, на те отношения, которые характеризуют не только мирную историю людей – обмена, торговлю, – но и бесконечную историю их войн. Война – это многообразная деятельность, она присутствует всегда, даже на «нулевом уровне» истории. Итак, количество заранее намечает ее очертания, силовые линии, повторения, очевидную ее типологию. В борьбе, как и в повседневной жизни, шансы отнюдь не у всех равны. Количество почти безошибочно разделяет группы людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в смысле их нормальных возможностей и шансов на успех в данный момент» [3. С. 62]. Это дает основания для утверждения, что реализация воли в власти как воли к жизни не опосредовалась такими инструментами, как деньги. Целеполагание огромных количеств масс сводилось к простому выживанию, которое отнюдь не исключало и расширенное воспроизводство, если этому способствовали внешние и внутренние условия народа. В Средние века имели хождение действительные деньги. Характерные признаки действительных денег и их отличие от бумажных денег, или знаков стоимости, заключались в том, что действительные деньги выполняли пять функций. Будучи изготовленными из драгоценных металлов, они измеряли стоимость товаров, ибо сами были носителями стоимости, материализованной в металле. Эти деньги выполняли функции обращения, платежа, сохранения стоимости, а при пересечении национальных границ также функцию мировых денег. В результате действительные деньги становились элитным товаром, в противовес остальной «товарной черни». Накопление денег означало накопление богатства. Власть денег была выражением власти, которую обеспечивал материальный ресурс. Накопления денег придавали их владельцами соответствующую мощь. Если быть корректным, то термин, который употребляет Ф. Ницше «*Wille zur Macht*», и переведенный

как «воля к власти», следовало бы более точно перевести как «воля к мощи». Мощь же в русском языке понимается как сила, как могущество. Эта сила и могущество, которое обеспечивалось обладанием ресурсов всех форм, позволяло реализовать основной вектор поведения индивидов – волю к власти на условиях собственного выживания и далее – расширенного воспроизводства. Эта сила и мощь позволяли надеяться, что человеку удастся вырваться из ада нечеловеческого бытия. Однако сам по себе вопрос о возможности предполагал и ответ на него. Эта возможность, как потенция, как сила, как мощь к жизни лежала не только в обладании силами природы, которые человек осваивал на протяжении всего своего существования. Эти силы лежали в системе общественного обустройства. Этот вопрос Ф. Бродель поставил и сам ответил на него. «Можно ли вырваться из ада? Иногда – да, но никогда самому по себе, без того, чтобы согласиться сразу же на тесную зависимость человека от другого человека. Нужно было возвратиться в берега социальной организации, какова бы она ни была, или же целиком построить такую организацию со своими собственными законами внутри какого-то контробщества. Организованные банды незаконных торговцев солью, контрабандистов, фальшивомонетчиков, пиратов или же также особые группы и категории людей, какими были армия и многочисленная прислуга, – вот почти единственные прибежища для спасшихся, отказавшихся от пребывания в аду. Как бы то ни было, мошенничество, контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину, бесчисленные формы круговой поруки. Бандитизм имел своих предводителей, свои договорные формы, свои кадры, так часто организованные наподобие сеньории» [2. С. 526]. Этот исторический экскурс дает основания понять, что люди постольку могли реализовать волю к жизни, поскольку, объединяясь, могли создавать социально-экономические анклавов, в которых создавались отношения подчинения, т. е. власти. Однако не только власть как возможность и действительность реализации подчинения обеспечивала изъятие производимого дохода. Сам доход мог создаваться в большем объеме при тех же ресурсах благодаря человеческой кооперации. Эти виды кооперации следует признать уже как даровые силы самого социально-экономического сообщества. Устанавливая и подчиняя членов сообщества в рамках социально-экономического образования, создавались иные силовые

властные поля, хотя они могли при этом противостоять власти официальной, легитимной. Если в неофициальных нелегитимных полях в основном человек воспринимался, скорее, не только исключительно как средство, но как цель признаваемого в сообществе, то в структурах легитимных, официальных это уже было не обязательно. Власть видела цель в самой себе. Все остальные члены сообщества воспринимались властной верхушкой как средство, например, рабы, крепостные, пролетарии, наемные работники.

Воля к власти через инструмент денег стала формироваться позднее, когда выделилось и стало оформляться сословие купцов. Купец получал источник дохода от спекуляций. Негоциант смотрит лишь на то и принимает во внимание лишь то, что может увеличить его капитал. Каким образом это будет достигнуто – для последнего не приобретало значения. Это можно проследить по деловой переписке негоциантов между собой. Не приходится сомневаться, они трудились, чтобы заработать деньги. Однако одно несомненно, – капитализм стал формироваться из духа наживы. «Однозначное, «идеалистическое» объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от признания мысли Маркса» [2. С. 409]. Здесь не следует полагать, что в основе смены парадигмы развития имели место исключительно материальные условия, либо исключительно социальные, либо политические события.

Попытка выделить один из аспектов, например, материальные предпосылки, как это сделал К. Маркс, приведет только к очередным бессодержательным абстракциям. Следует принимать во внимание всю целостность, отказываясь в методологии познания от принципа механического детерминизма. Наиболее глубокими основаниями следует считать смену парадигмы «воли к власти» на парадигму развития, которую можно обозначить как «волю к власти денег». Из этой парадигмы естественно вытекают современные формы присвоения, социально-экономического обустройства, духа наживы, стяжательства, дикой коррупции, более того, самого духа не предпринимательства, по-Веберу, а духа стяжательства. Однако последние уже не могут быть логически объяснены исключительно тем, что класс олигархов, который сросся с государственной

бюрократией в России, находится на грани вымирания, как это было ранее в Средние века, либо во все доадамовские времена.

Деньги в новой парадигме вытеснили самое главное – источники расширенного воспроизводства и самого человека, которого следует признать как высшую ценность. Деньги как накопленное богатство есть деньги, которые временно выпали в осадок тогда, когда акт продажи не стал совпадать с актом покупки. Это, скорее, исключение для современного товарно-денежного обращения, своего рода *ad hoc*, а не закон, не существенное явление. Деньги есть не истинное бытие богатства индивида, а симулякр этого богатства. Однако для общества деньги имеют исключительную ценность, ибо позволяют преодолеть бартерные отношения, снизить так называемые трансакционные издержки. Общество извлекает громадную пользу от использования денег, которые опосредуют обмен. Польза для всего общества реализуется и как благо для индивида, но только опосредовано, окольно. Накопление денег как богатства есть скорее модифицированная форма сохранения и приумножения богатства. Эта форма может быть использована на кратковременном периоде, принимая во внимание соотношение сохранения ценности и ликвидности. Накопление же капитала в натуральной форме заводов, рудников, административных зданий, торговых центров, автомобильных и железных дорог, аэропортов и т. д. – играет решающую роль в экономическом росте. Без подобного накопления никогда не был бы реализован тот экономический рост, который мы наблюдаем и плодами которого мы пользуемся. Без сохранения унаследованного капитала приобретения, сделанные одним поколением, были бы растрчены последующими. Но накопление человеческого капитала в форме возрастающего знания и квалификации, улучшения здоровья и увеличения продолжительности жизни населения также сыграло значительную роль. И оба этих вида накопления взаимно усиливали друг друга. Капитал в натуральной форме способствовал повышению производительности труда человеческого капитала, предоставляя ему орудия труда. А способность людей изобретать новые формы капитала, более эффективно его использовать и получать все большую отдачу от него, организовывать использование овеществленного и человеческого капитала во все возрастающих масштабах являлась одной из причин роста продуктивности

капитала. Как овеществленный, так и человеческий капитал нуждается в уходе и замене. Поскольку воспроизводство человеческого капитала является более сложным и дорогостоящим, чем машин и оборудования, это послужило основной причиной того, что отдача от него росла во много раз быстрее [36. С. 35, 36].

Используемое в экономической литературе понятие «власть рынка» есть скорее иррациональное понятие, если только под этим рынком не понимать его специфическое состояние – монополию, монополию или олигополию. На конкурентном рынке не может доминировать ни один покупатель, ни один производитель, ни один продавец или покупатель не может навязать свою волю. Для этого конкурентный рынок не располагает потенциально никакими ресурсами. На рынке действуют экономически свободные агенты, это положение остается справедливым и при условии, если этот рынок нелегальный. Добровольный обмен является необходимым, но не достаточным условием процветания и свободы [36. С. 25, 26]. Но это положение можно распространить по аналогии и на волю к власти. Реализовать себя воля к власти может на конкурентном рынке, стремясь обеспечить противоречивую гармонию интересов продавцов и покупателей на основании «справедливой» цены. Однако воля к власти денег уже стремится к формированию и становлению монополярной цены продавца или покупателя. В этом случае начинают доминировать особые интересы, которые используют ресурс монополярной власти, добываясь перераспределения дохода в процессе обмена в свою пользу через механизм монополярных цен.

Однако абсолютная ликвидность денег позволяет им трансформироваться в любые формы активов, имущество, производительный капитал, а также в систему власти. Понятие «инвестиции во власть» из некоего иррационального понятия превратилось в содержательное, с логичным концептом и денотатом. Власть денег и деньги как власть есть выражение одного и того же социально-экономического, политического, этического, религиозного феномена, или феномена собственности как тотальности. Индивиды, которые находятся в избранной ими концепции поведения, ориентированной на реализацию «воли к власти денег», используют деньги для позиционирования себя в новом силовом, социальном поле власти, конвертируя деньги во власть. Теперь уже власть становится фактором наращивания мощи денег, раскручивая спираль «власть – деньги – власть».

Однако в этом круговороте, где основным фактором наращения богатства становится власть легитимная, публичная, человек уже не может рассматриваться как средство и цель одновременно. Индивиды, которые выпали из властного поля перераспределения дохода как реципиенты, могут стать исключительно донорами индивидов, присвоивших ресурс публичной власти. Это реализуется посредством института государства. Государственная бюрократия, по-Марксу, узурпирует властные публичные функции, превращает тем самым государство в свою частную собственность.

Сказанное нами не относится ни в коей мере ко всему сообществу публичной бюрократии. Наличие публичной бюрократии столь же необходимо, как и потребность в пекарне. Речь идет о той ее части, которая руководствуется парадигмой «воля к власти денег», в которой власть есть атрибут собственности. Тем самым оформляются особые отношения у этой группы к формам присвоения дохода. Мы имеем все основания для утверждения, что эти особые отношения у особой группы людей являются достаточным признаком для отнесения её к классу общества с соответствующим участием распределения власти в обществе. Именно эта группа реализует отношения эксплуатации других членов сообщества, относится к другим членам сообщества как средству и только, но не как к средству и цели одновременно.

Новая оформившаяся парадигма социально-экономического, политического развития России таким образом обнаруживает свою эксплуататорскую природу, в результате чего в России реальностью стало отчуждение власти от народа, степень которой уже приводит к социально-экономической и политической напряженности. Если в предшествующие эпохи воля к власти рассматривалась одновременно и как воля в жизни, что и позволяло обеспечить выживание, то в современных условиях воля к власти денег уже ведет к прямому уничтожению населения земли. Современные военно-политические конфликты имеют одну природу, один источник – реализуемый принцип «воли к власти денег». Деньги как власть становятся инструментом, позволяющим перераспределять власть, а следовательно и перераспределять материальные условия жизнедеятельности и факторы самой жизни человека. В современных условиях уже стало не обязательным и не необходимым прибегать к грубому насилию.

Завоевателю следует еще заботиться о лице цивилизованного, культурного человека. Он должен выглядеть в маске миротворца, лице очередного нобелевского лауреата премии мира, но только не как источник напряжения и объект критики. Подкупать властителя в регионе как собственной страны, так и подкупать марионеточного суверена в глобальной структуре миропорядка стало гораздо дешевле и менее накладно, т. е. эффективнее, если применять соответствующую либеральную терминологию.

Первый «покупает» ярлык на властвование, например должность губернатора, федеральный центр покупает лояльность населения территории региона. Тем самым формируется новое поле власти, распределение власти в обществе, позволяющее обеспечить «гармонию» интересов во властных структурах. Лучший инструмент, чем деньги, для этих целей предусмотреть сложно. Деньги стали легитимным инструментом, реализовалась система институционализации денег, деньги приобрели еще одну функцию – деньги как олицетворение власти экономической превратились в олицетворение власти политической как внутри страны, так и в глобальной экономике и политике.

Количество денег стало еще одним фактором укрепления власти в тех руках, кто смог сосредоточить их в больших количествах. Большие деньги не только приносят большую добавленную к ним стоимость, но и увеличивают эту долю интенсивно. Речь идет как об экстенсивном накоплении, так и интенсивном накоплении богатства в денежной форме. Равномерно экстенсивное накопление богатства не приводит к изменению соотношению власти в обществе. Однако в действительности это экстенсивное количество может формировать предпосылки и для интенсивного количества. Олигарх имеет гораздо больше возможностей как разместить большие депозиты по более высоким ставкам и на более длительный период без особого ущерба. Его богатство в денежной и иных формах служит само по себе гарантией. Эти экстенсивно большие объемы вкладов в сравнении с вкладами рядовых граждан приобретают интенсивное количество в наращении. Рядовой гражданин при прочих равных условиях будет размещать на депозитах меньшие суммы и на меньший срок. В результате для банковского сектора эти деньги уже изначально будут менее ценными, следовательно, интенсивная величина наращения – ставка по депозитам – будет ниже.

Это правило можно применить и к ставкам по кредитам. Привлечение кредитных ресурсов для богатых членов сообщества также может быть ниже уже по той причине, что оставшаяся собственность может послужить в качестве залога. Риск кредитования может быть меньше для банка, поэтому богатые и состоятельные граждане могут рассчитывать на менее интенсивное нарастание долга по кредитам. Но если небогатые люди, размещая депозиты в коммерческих организациях, руководствуются в основном сохранением своего богатства хотя бы от инфляции, то имеющие большую ликвидность всегда преследуют цель – извлечь доход от вклада. В итоге при прочих равных условиях накопление богатства осуществляется непропорционально для богатых и для рядовых граждан при росте национального дохода в обществе. Но тогда, принимая во внимание то, что было изложено ранее, меняется и распределение власти экономической, а затем и политической. С момента присвоения власти политической следствие само становится причиной. Система начинает расширенно воспроизводить власть, которая будет только усиливать разрыв одновременно в сфере власти экономической и власти политической. Процесс углубления разрыва в реализации власти в обществе начинает приобретать все признаки самовоспроизводящегося процесса.

Воля к власти денег как основание поведения олигархов приходит в противоречие с основанием поведения рядовых людей, для которых основанием является воля к мощи расширенного воспроизводства. Однако для рыночной экономики характерно то, что продажи дают доходы, которые направляются на покупки. Становится несущественным, являются эти доходы результатом продаж рабочей силы, доходами по депозитам, сдачей в прокат имущества. Доходы извлекаются из продаж и направляются на покупки или сбережения. Однако эта модель рыночной системы работает до тех пор, пока есть мотивы для продажи. Если первичное распределение национального дохода таково, что соотношение доли прибыли и доли необходимого продукта в форме заработной платы уже не может устраивать вторых получателей, т. е. наемных работников, система входит в стагнацию. Современные условия уже тем отличаются от средневековых, что страх потерять жизнь от голода более не становится актуальным как в средневековье. Для современной экономики приобретают

актуальность мотивы религиозные, этические, эстетические в том числе. Если для рыночной экономики в большей степени характерны мотивы голода и дохода, то какое место отводится иным мотивам? Другими словами, может ли приниматься во внимание положение, что в иных социальных системах мотивы голода и денег не являются исключительными? Что могут существовать и более сильные мотивы производственной деятельности, которые соединены определенным образом с мотивами голода и денег? Как отмечает по этому поводу Карл Полаanyi: «В истории человеческой цивилизации невозможно найти человека, действия которого направлены были бы на обеспечение индивидуального интереса в получении материальных благ, а скорее всего, столкнемся с тем, что его действия направлены на обеспечение его социального положения, его социальных притязаний, его социальных активов. Он ценит материальные блага преимущественно как средство для достижения этой цели. Экономика человека, как правило, отражает его социальные взаимоотношения» [26. С. 25]. В области первобытных экономик приобретают фундаментальное значение результаты антропологических исследований Б. Малиновского и Р. Турнвальда, которые сводятся к констатации положения, в соответствии с которым миф об индивидуалистической психологии первобытного человека не прошел проверку на истинность. Не было обнаружено детерминирование в поведении дикаря ни грубого эгоизма, ни склонности к бартеру или иному обмену, ни тенденции добывать главным образом для себя. Но точно так же не выдержал проверку и тезис о коммунистической психологии «дикаря», о его низкой способности понимать, осознавать и ценить личный интерес. Истина состоит в том, что человек практически не изменился за весь период становления мировой цивилизации. Поведение древнего «дикаря» становится понятным и современному человеку. Экономическая система организована так, что участие в производстве не является следствием боязни голода или страха голода. Древний человек имел свою долю в общественных ресурсах независимо от того, принимал ли он непосредственное участие в их производстве или добыче. Индивиду в первобытном обществе не угрожала голодная смерть только потому, что он не участвовал в приобретении или производстве общественных ресурсов кроме тех ситуаций, когда все общество находилось на грани вымирания.

Характерной особенностью первобытных сообществ являлось то, что отсутствовало стремление получать прибыль в процессе примитивного производства или обмена. Выгода, выступающая стимулом в рыночных экономиках, никогда не выступала в качестве мотива самого производства в условиях первобытного хозяйства. Более того, отсутствует труд на условиях его оплаты [26. С. 26].

Важным для наших выводов является суждение о том, что не голод, не выигрыш, а гордость и престиж, ранг, статус, публичная похвала и личная репутация выполняли функцию индивидуальных мотивов в производстве благ. И страх голода и иных материальных лишений не всегда доминировал в выборе мотивов поведения. Рынки были широко распространены при всех типах человеческой цивилизации, однако они продолжали оставаться местами торговли. Однако купцы уже были ориентированы на получение дохода. Тем не менее, их роль была не столь существенна, они продолжали оставаться изолированными островками, не связанными тесно с процессами производства благ. Вплоть до 19 века рынки не доминировали в экономиках практически всех стран [26. С. 2]. Это аргументы свидетельствуют о том, что мотив денег, мотив прибыли, наживы не могут быть принятым уже на основе того, что он не обладает даже признаками необходимости. Ориентация на доход, наживу есть не более как момент в длительной истории развития человеческой цивилизации.

Природа дохода в обществе:
 противоречия, формы разрешения

Прежде всего, необходимо раскрыть содержание понятия дохода вообще и его специфических форм в различных социально-экономических системах. При этом в своих исследованиях мы будем опираться на работы классиков буржуазной и марксистской политической экономии, а именно, А. Смита и К. Маркса. Мы увидим, что многие превратности политической экономии могут найти, по крайней мере, объяснение в исходных посылках этих великих учений. Поэтому напомним некоторые положения марксистской политической экономии и, прежде всего, самого К. Маркса, чтобы быть предельно корректными в изложении этих спорных фундаментальных посылок.

У К. Маркса доход выступает как результат обмена овеществленного труда на живой труд [16. Т. 46. Ч. 1. С. 225], когда возвращение стоимости становится возвращением дохода [16. Т. 46. Ч. 1. С. 247].

Маркс допускает мысль – хотя сейчас не будем утверждать, что это адекватное прочтение К. Маркса, – что оборотный капитал и основной капитал приносят доход в различных формах. При этом приносить доход капитал вообще может лишь в той форме, в которой он вступает в обращение и возвращается из него, т. к. производство дохода в виде непосредственных потребительных стоимостей, которые не опосредованы обращением, противоречит природе капитала. Следовательно, так как основной капитал возвращается в качестве стоимости лишь в форме оборотного капитала, то он может приносить доход тоже лишь в этой форме. Доход вообще, пишет К. Маркс,

есть ни что иное, как часть прибавочной стоимости, предназначенная для непосредственного потребления [16. Т. 46. Ч. 1. С. 248].

Это уже серьезная заявка на понимание содержания дохода у К. Маркса. Поэтому мы сделаем необходимые уточнения, тем более что приведенные выше положения выражены словами самого Маркса.

Во-первых, доход может возникать лишь посредством обращения. Следовательно, в сфере хозяйства, основанного на собственном труде мелкого собственника, который производит, например, продукты потребления, и которые поступают непосредственно в потребление самого производителя, доходом не являются. Если он продаст продукты производства, а на вырученные деньги опять же приобретет эквивалент продуктов или предметов потребления, то это уже можно считать доходом, так как его получение опосредованно обращением.

Но заметим, что природа этого экономического явления не изменилась, следовательно, уточнение Маркса несущественно и не может приниматься во внимание, а скорее должно рассматриваться как недоразумение.

Во-вторых, К. Маркс однозначно заявляет, что доход вообще есть не что иное, как часть прибавочной стоимости при капитализме. Но из этого следует, что наемные рабочие вообще не получают никаких доходов, ибо заработная плата для них даже не доход. Но тогда, что она представляет по своему содержанию? Маркс пишет, что она есть стоимость его рабочей силы. Следовательно, рабочие доходы не получают, они не участвуют в распределении доходов. Но далее К. Маркс вводит понятие чистый доход, который уже включает в свой состав стоимость выплаченной заработной платы и прибавочную стоимость. Мы зафиксировали, таким образом, противоречие в определении. Это противоречие формально-логическое. В науке, когда обнаруживается подробное противоречие, тем более в исходных посылках, вся наука теряет свою научную ценность.

О том, что доход не следует непосредственно отождествлять с прибавочной стоимостью, дает более глубокое определение Сисмонди. Доход приносит не только богатство, но и труд. Богатство,

как и труд, посредством труда приносит ежегодный плод... Этот плод есть доход, проистекающий из капитала [цит. по: 16. Т. 46. Ч. 2. С. 275].

У Сисмонди часть дохода превращается в капитал как постоянно умножающую себя стоимость. Эта стоимость обособляется от товара, который создал ее; она, как некоторое метафизическое невещественное качество, всегда остается в руках одного и того же земледельца (капиталиста), для которого она принимает различные формы.

Как мы отмечали несколько ранее, К. Маркс, противореча сам себе, уже писал, что заработная плата является формой дохода для наемных рабочих. Это следует из следующего положения. Заработная плата составляет часть капитала и одновременно – доход рабочих. В теориях прибавочной стоимости К. Маркс пишет, что в качестве дохода существует лишь доход самих капиталистов и доход рабочих. Из этой фразы явствует, что доходы в натуральном хозяйстве Маркс исключает, но рабочие уже становятся носителями дохода.

Рассмотрим теперь некоторые положения классика буржуазной политической экономии А. Смита на природу дохода. У А. Смита цена товарного мира слагается из суммы доходов. Это фундаментальное положение было названо «*догмой Смита*». Видно это из следующего тезиса. Эти три части – заработная плата, рента земельного собственника – непосредственно или, в конечном счете, составляют, по-видимому, всю цену хлеба [16. Т. 24. С. 418]. Далее К. Маркс критикует А. Смита за то, что последний товарные стоимости незаметно превращает в ее самостоятельные составные части и, наконец, в источники всякой стоимости. Дальнейшим следствием является то, что товарная стоимость составляется из различного рода доходов. В итоге, у А. Смита не доходы составляют из товарной стоимости, а товарная стоимость состоит из доходов [16. Т. 24. С. 438].

Чтобы судить об истинности того или иного суждения, следует прежде всего четко выяснить, на каких исходных позициях теории стоит сам исследователь. Если брать исходные посылки Маркса, то, безусловно одно – с выводами А. Смита трудно

согласиться. Но поиск истины не может сводиться исключительно к формально-логическим операциям доказательства. Необходимо рассмотреть еще сами исходные посылки обеих теорий. Однако последнее уже не так безапелляционно, как это может показаться при начальном рассмотрении, да еще исследователя, на котором изначально висит «проклятие» – быть отягощенным догматическим сознанием, в том числе и марксизмом. Тем более, некоторые признаки изначальной противоречивости теории и ее изложения самим Марксом мы уже отметили.

Если даже следовать самой теории Маркса, то источником любых форм доходов становится труд, производящий стоимость. Будучи воплощением овеществленного труда, стоимость на поверхности экономической жизни проявится как цена товара. В актах обмена, денежного обращения, цена товара отразит движение дохода. Но для последующего процесса производства этот товар, который обменялся ранее на доход, не может уже выступать в какой-то иной форме, как доход рабочего, который приобрел на свою заработную плату средства своего существования, или доход капиталиста, который приобрел на прибыль как форму дохода капитала, средства производства, т. е. опять капитализировал часть своей прибавочной стоимости. Поэтому, хотя в источнике своем доходы имеют стоимость, но на поверхности экономической жизни эта стоимость уже функционирует как доход субъектов предшествующего производства. Они составляют предмет издержек и сами уже начинают определять вновь создающую стоимость. Ибо этот доход уже материализовался, он стал овеществленным в товарных массах, которые вошли в стоимость основного или переменного капитала. Этим можно и разрешить тот бесконечный спор, который ведет К. Маркс на протяжении практически всего второго тома «Капитала» с А. Смитом. Истина даже в самой теории К. Маркса обнаруживается как у самого К. Маркса, так и у А. Смита.

Научный курьез состоит в этом споре в другом. К. Маркс ввел понятие, ставшее ходячим, но из этого совсем не следует, что выражение *догма Смита* было верным изначальным. Суть этой догмы сведена Марксом к следующему: у Смита цена всех товаров,

или ценовая стоимость каждого отдельного товара и всех вместе, что составляет годовой продукт общества, слагается из трех составных частей, или разлагается на заработную плату, прибыль и ренту. О том, что это утверждение имеет под собой большее основание, чем выводы, к которым пришел Маркс, мы отметим чуть позже. Сейчас же мы только заметим, каким образом К. Маркс понял А. Смита. Последний пишет: стоимость, которую рабочие присоединяют к стоимости материалов, разлагается на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал на материалы и на заработную плату. На языке оригинала эта фраза начинается так: «*Der Wert, den die Arbeiter den Materialien hinzufügen, lost sich auf...in zwei*» [40. С. 370]. Только при очень большом желании можно «*упустить*», что в стоимости годового продукта следует понимать стоимость, которая присоединяется, добавляется к стоимости оборотного капитала. Другое дело, что Смит выпустил из виду основной капитал. Главное, что стоимость сырья, материалов не выбрасывается им. Она, входя в состав цены, входит тем самым в состав дохода, как минимум.

Однако сказанное нами позволяет утверждать, что так называемая догма А. Смита есть, скорее всего, научный казус самого К. Маркса. Нет ничего более далекого от истины, чем утверждение К. Маркса о том, что «Первая ошибка А. Смита заключается в том, что он отождествляет стоимость годового продукта с вновь созданной за год стоимостью. Последняя является продуктом только труда истекшего года; первая заключает в себе, кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истекшие годы: средства производства, стоимость которых лишь снова появляется, и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года» [16. Т. 24. С. 423, 424].

Следует сказать, что К. Маркс в этом утверждении против А. Смита прав. Но прав в той мере, в которой он находится в рамках абстракций, примененных им самим, что вся произведенная

стоимость полностью потреблена и воспроизведена, что период обращения основного капитала равен ровно году, что отношения касаются только двух классов – капиталистов и наемных рабочих, что отсутствует влияние внешней торговли.

Все это имеет место исключительно в умозрительных схемах К. Маркса. Эти допущения настолько серьезны, что ставят под сомнение все последующие рассуждения К. Маркса. Вместе с тем, будем следовать за самим Марксом, который совершенно прав, когда замечает, что следует выделять не просто первое подразделение, а его две разновидности: производство средств производства для производства средств производства и производство средств производства для производства предметов потребления. Поэтому, рассматривая подобную схему, следует заметить, что с точки зрения образования массы стоимости, различие между основным и оборотным капиталом исчезает. Они перешли без остатка на стоимость готового годового продукта. Но у А. Смита есть только материалы. Они несут в себе первоначальную стоимость, по словам самого А. Смита, входят в состав, присоединяются к вновь созданной стоимости. Конечно, мы принимаем ту массу бесконечных противоречий, которые допускает сам А. Смит. Но потребленные средства производства действительно исчезают у А. Смита. Это уже серьезно, и К. Маркс справедливо отмечает это положение.

Каков ход рассуждений А. Смита? Одно из них заключается в следующем: потребители, в конечном счете, должны оплатить всю стоимость продукта, поступившего в непосредственное потребление. Например, потребители рубашек оплачивают стоимость всех средств производства, заключающихся в рубашках, а также заработную плату и добавочную стоимость льновода, прядильщика, ткача, белильщика, фабриканта рубашек, равно как и предпринимателей в сфере транспорта. Это совершенно верно, замечает К. Маркс. Это действительно понятно каждому ребенку. Но непонятно уже нам, почему К. Маркс считает, что это следует отнести только к стоимости всех предметов потребления [16. Т. 24. С. 493]. Ибо только эта часть созданных стоимостей может быть израсходована как доход. Сумма стоимости всех этих товаров равна стоимости потребленных на них

средств производства (потребленных частей постоянного капитала), плюс стоимость, созданная трудом, присоединенная в последний раз (заработная плата плюс прибавочная стоимость). Но далее у К. Маркса следует поразительный вывод: вся масса потребителей может оплатить всю сумму, так как, хотя стоимость каждого отдельного товара и состоит из $C+U+M$, сумма стоимости всех товаров, входящих в фонд потребления, взятая в своей совокупности, максимально может быть равна лишь той части стоимости общественного продукта, которая разлагается на $U+M$ т. е. может быть равна лишь той стоимости, которую труд, затраченный в течение года, присоединил к уже имевшимся в наличии средствам производства, к стоимости постоянного капитала [16. Т. 24. С. 493, 494].

Итак, следует задать некоторые вопросы и ответить на них. Что обменивается между двумя подразделениями? Видимо, не будут возражать против того, что из первого подразделения во второе будет направляться вся масса средств производства для производства предметов потребления, а именно – оборудование, металл, энергоносители, т. е. все то, что необходимо для нормального течения процесса производства. Однако продукт первого подразделения не входит непосредственно в состав предметов потребления. Сказать, что туда устремляются исключительно денежные массы заработной платы и прибыли – значит намеренно издеваться над здравым смыслом. Следует воспроизвести в сознании процесс, и сказать, что из первого подразделения во второе идет вся созданная стоимость первого подразделения, предназначенная для нужд второго подразделения. Например, станок, проданный капиталистом первого подразделения капиталисту второго подразделения, будет включать в себя заработную плату, прибыль, а также потребленную стоимость прошлого труда. Поэтому К. Маркс правильно утверждает, что вся стоимость каждого отдельно товара равна $C+U+M$. Но почему их стоимость не равна стоимостям всей массы? Это уже вопрос. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что это вопрос уже к самому К. Марксу. Это грубейшее нарушение операций формальной логики, вернее, насилие над разумом. К. Маркс сам создал себе непреодолимые трудности в своих исходных посылах. Они несут в себе

противоречие в исходном. Если средства производства полностью потреблены в процессе производства, то это означает, что суммы заработной платы, которые, капиталист авансировал наемным рабочим, только и могут реально представлять нечто материальное: услуги, сырье, материалы и т. д. Следовательно, и в денежном выражении сумм заработной платы и прибыли, т. е. $Y+M$ первого подразделения, будут заключаться еще, как минимум, суммы заработной платы и прибыли прошлого этапа производства. К. Маркс абстрагировался от этого существенного явления, тем самым создал для себя неразрешимые трудности.

Всегда $Y+M$ последующего года в первом подразделении будет суммироваться с частью чистого дохода, созданного в предыдущем году. И если рассматривать данный процесс как бесконечно продолжительный, то, оказывается, прав будет уже А. Смит. Вся сумма произведенными стоимостей будет сведена к суммам $Y+M$, т. е. первоначальными источниками стоимостей будут исключительно затраты труда. Но отсюда совсем не следует, как полагает К. Маркс, что из первого подразделения во второе должно устремляться только $Y+M$, которое создано только за последний год. Это удивительный научный казус теории воспроизводства К. Маркса, а не презрительно названное К. Марксом – *догма Смита*. Реальные процессы обмена между первым и вторым подразделениями оказались несравненно богаче, чем это представилось Марксу, и было выражено им в крайне упрощенных схемах простого воспроизводства. Если употребить термины самого К. Маркса, то эти упрощенные схемы и есть плоский реализм, когда процесс оказывается простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского реализма [16. Т. 24. С. 107].

Доход, в широком смысле слова, следует представлять как всю массу материальных и духовных условий существования индивида, произведенных индивидом либо в процессе непосредственного производства, либо в процессе посреднической деятельности. Доход не обязательно должен быть представлен в денежной форме. Доход может находить формы своего бытия в предметах производства, которые представлены в собственность индивида. Доход может существовать и в форме произведенных средств производства, которые

не могут быть употреблены непосредственно индивидами. Но даже в этой форме они представляют эквивалент предметов потребления. Поэтому отказывать в доходах произведенным средствам производства только на том основании, что они пока не превратились в предметы питания, например, нет никаких оснований.

Однако возникает необходимость каким-то образом различать доходы произведенные и доходы потребленные, доходы прошлого труда, которые овеществились в средствах производства и приняли участие в процессе производства дохода чистые, т. е. за разницей уже потребленных средств производства, которые приняли характер издержек производства.

Доход есть предмет собственности, материализация собственности, при этом совсем необязательно, что доход может быть представлен в виде услуг индивиду. Сама человеческая жизнь есть процесс производства дохода и его потребления. Но окончательное потребление дохода имеет место исключительно в процессе индивидуального потребления. Все остальное есть процесс производства дохода, обмена доходами как производительными услугами. Все общество должно жить тем, что оно воспроизводит доход, либо делает возможным процесс его движения. Следовательно, труд, который воспроизводит и производит материальные и духовные условия человеческого бытия, есть труд, воспроизводящий доходы, есть труд производительный. Но одновременно есть все основания полагать и иное. Все то, что приводит в движение капитал, создающий стоимость, тоже вносит свою лепту в процесс создания стоимости. Это следует из самого фундаментального положения К. Маркса, в котором он дает определение капитала, относительно сферы его возникновения. Речь идет об определении и понимании категории «движение» у Г. Гегеля. Капитал К. Маркса есть калька с определения движения Г. Гегеля.

Непроизводительный труд есть, следовательно, труд, деятельность, в результате которой происходит только исключительно потребление доходов без результата создания стоимости, ценности. Можно полагать, что понятие «непроизводительный труд» уже несет в себе противоречие между определяемым и определением. Из этого следует исходить и при оценке справедливости при присвоении

доходов, их производстве и распределении в любых человеческих цивилизациях. Сама же по себе справедливость не может объяснить ничего, если последняя берется вне исторически, или с позиции вечности (*sub specie aeternitatis*), если не окончательно запутать суть дела. Истину следует искать с позиции времени (*sub specie temporis*). В первом случае это приводит к абстракциям, имеющим сомнительную ценность для актуального человека.

У Маркса производительный труд есть такой труд, который производит прибавочную стоимость. Это теория Маркса и она вполне имеет право на существование. Поэтому и прибыль есть доход капитала, его специфическая форма, которая приложима к теории марксизма.

Производительным трудом следует считать труд, который воспроизводит высшую ценность – человека с его условиями расширенного бытия. Это положение отражает суть проблемы с позиции вечности (*sub specie aeternitatis*), а производство прибавочной стоимости отразило производительный труд, который расширенно воспроизводит отношения капитала, производство прибавочной стоимости (*sub specie temporis*) есть позиция времени.

Специфика дохода в обществе, построенном на социалистических принципах

Можно сколь угодно удивляться тому факту, что природа доходов при социализме не только практически не разрабатывалась, но и оказалась максимально запутанной проблемой. И это объясняется тем, что теория доходов при социализме была непосредственно связана с догмами марксистской политической экономии о производительном и непроизводительном труде, о трудовой природе стоимости. Исследователь, который хотел бы беспристрастно разобраться в теории доходов, неизбежно наталкивается на эти проблемы происхождения с официальной доктриной признания производительного труда в условиях социализма.

Тем не менее, делались серьезные попытки раскрыть природу доходов в социалистическом обществе. Например, пытались отделить трудовую природу доходов от доходов тех или иных видов человеческой деятельности. Причем этим занимались не только экономисты, но и юристы, для которых признание трудовой или нетрудовой природы доходов человеческой деятельности имело исключительно практическое значение.

Например, выдвигалось теоретическое положение, что трудовым доходом мог быть только такой доход, который был получен как эквивалент. Другими словами, ценности, полученные индивидом или группой лиц, должны быть эквивалентны трудовым затратам. Следовательно, нетрудовым признавался доход, который был получен без затрат труда или превышающий трудовые затраты. Как мы показали ранее, эта теория строилась на стремлении увязать теорию доходов в обществе с теорией трудовой стоимости.

Но эта теория не могла объяснить многие экономические явления в обществе с позиции рикардианства. Все доходы должны иметь трудовую природу – это требование выступало как закон. Но тогда многие виды доходов не могли быть признаны трудовыми, например, доходы, источниками которых стали общественные фонды потребления, пенсии, стипендия, и т. д. Не могла быть объяснена и природа доходов, получаемых в форме алиментов, иных пенсий. Здесь вообще утрачивается связь с трудом лица, которое их производит, первично получает, или лицом, для кого они получаются.

Была выдвинута идея о том, что нетрудовыми доходами следует считать все средства пользования, которые получены неправомерными способами. Суть этой теории заключается в том, что понятие трудового дохода стало подменяться понятием дохода законного. Этот подход максимально упрощал задачу для правовой науки, но одновременно и давал последней полный произвол. Именно в этом вопросе трактования трудовых доходов были допущены серьезные нарушения прав и свобод граждан страны. Право как осуществление власти господствующей государственно-партийной бюрократии давало основания для произвола.

Делалась попытка объяснить природу трудового дохода, исходя из противоправности и эквивалентности. Таким образом, нетрудовыми признавались доходы, полученные без приложения собственного труда и неправомерными способами, или способом, не санкционированным законом. Все это дало возможность появиться таким формам, как трудовой доход законный и нетрудовой доход законный.

Однако в то же время появилась и другая пара категорий: трудовой доход незаконный и нетрудовой доход незаконный. Признать, что в обществе могут существовать практика незаконных трудовых доходов, официальная наука не могла. Она вынуждена строить опять же вымышленные, надуманные схемы права. Например, колхозник выращивал на подсобном участке огородную продукцию. Если объем продукции, который снимал колхозник, превышал какие-то надуманные нормы, то часть дохода уже не могла считаться законным и трудовым. Делался вывод, что данный индивид незаконно обогащался за счет собственного труда. Чтобы бороться с подобными явлениями, властными органами разрушались теплицы, отбирался скот, если его поголовье было выше установленного бюрократическим аппаратом численности.

Появлялись непреодолимые трудности в определении эквивалентности, тем более, если сами рыночные отношения не были разрушены, то, по крайней мере, существенно деформированы. Поэтому в такой системе стали доминировать признаки законности. Получилась картина, представленная в предельно искаженном виде. Законность, чтобы получить свое существование в теории дохода, сама стала определять экономическую природу дохода.

Далее, незаслуженное получение всевозможных званий, орденов давало возможность получения и незаконных благ, например, бесплатный проезд на железнодорожном транспорте, льготы в приобретении жилья, пользование транспортом общего пользования и даже специальным транспортом и т. д. Эти льготы уже не вписывались в теорию доходов, поэтому вполне естественно, что стали говорить уже не о доходах, а об антисоциальном, или противоречащем принципам социализма, распределении материальных и духовных благ. Понятия трудового или нетрудового дохода стали постепенно заменяться этим расплывчатым социальным или антисоциальным принципом.

Справедливым стал считаться принцип распределения по труду, что и было зафиксировано в Конституции СССР. От каждого по способностям, каждому – по труду.

Но может ли данный принцип обеспечивать или выражать справедливость? В данном случае авторы усматривали эквивалентность отдаваемого обществу и получаемого от общества. Однако, как нам представляется, этот принцип не мог реализовать эквивалентность. Если от каждого требуется по способностям, то уже предполагается неравенство в производстве материальных и духовных условий воспроизводства индивида. Наконец, способность есть не более как потенция, она может и не реализоваться во вкладе в фонд общественного богатства. Каждому по труду должно предполагать, что распределяется уже то, что подлежит этому распределению, т. е. остаток, что, собственно, и было выражено в Готской Программе у К. Маркса. Эквивалентность нарушалась. Но существенное лежало в другом. Эта эквивалентность могла проявиться только в условиях развитого рынка. Если же рынок рабочей силы, продуктов труда средств отсутствовал, то исчезал механизм признания общественной значимости труда, его результатов и эквивалентности обмена. Стала

осуществляться наиболее упроченная схема уравнительности, а именно, эквивалентность затрат труда в физиологическом смысле.

Но общество состоит не только из трудоспособных граждан. Оно обязано заботиться и об обеспечении старости, инвалидов, детей без родителей и т. д. Часть общественного пирога необходимо урезается на эти нужды. Тогда принцип справедливости, в данном случае, эквивалентности, дополняется принципом гуманизма. Утверждалось, что эти принципы, а точнее их сочетание, выражают суть социалистических распределительных отношений.

Но более внимательное прочтение данных принципов, а главное – вся практика осуществления распределительных отношений в бывшем СССР показала, что справедливости в распределительных отношениях было столь же мало, сколь и гуманизма.

Справедливость как принцип распределения, в основе которого лежала эквивалентность затрат труда, не являлась каким-то единственным принципом распределения общественного продукта в обществе, которое пыталось обустроить свой мир бытия на социалистических принципах. Имел хождение и принцип равенства дохода, подлежащего распределению. Собственно, этот принцип является уже принципом коммунистическим. Человеческое сообщество реализовало этот принцип распределения, но в специфических формах крайней нужды, нехватки жизненных средств существования.

Как и в предыдущем случае, справедливость сама объясняется некоторыми *a priori* взятыми принципами. Вся последующая практика экономического бытия получала свое объяснение с точки зрения этих исходных принципов справедливости. Однако ближайшее рассмотрение выявляло производность принципов справедливости от первоначальных схем. В условиях капиталистического способа производства в марксовой теории стоимости справедливым признавался принцип распределения дохода по стоимости, т. е. стоимости капитала и стоимости товара рабочая сила.

Каждая эпоха обременена сознанием принципов справедливости. Это можно отнести к каждой социально-экономической системе. На формирование принципов справедливости в распределении дохода в обществе оказывают влияние не только экономические отношения, т. е. базисные отношения, но и состояние общей культуры, традиций, нравственного сознания. Экономический детерминизм неприменим в этих вопросах.

Но в обосновании принципов распределения созданной стоимости может лежать и распределение стоимости по собственности. Более того, этот принцип более основателен и фундаментален. Все принципы распределения с точки зрения справедливости можно свести к этому признаку. Например, распределение по труду есть форма распределения по реализовавшей себя стоимости товара рабочая сила. Распределение по капиталу есть не что иное, как распределение по собственности в ее специфической форме. Распределение по потребностям минимального существования есть распределение подушное среди лиц, лишенных собственности. Может приниматься в качестве справедливого для одних и распределение по реальной власти в обществе. Но власть есть реализующая себя собственность на факторы, которые в свое время формируют властные поля. Принцип эквивалентности здесь уходит в небытие. Более того, инструменты рынка, как например, деньги, уступают свое место институту власти в обществе, но уже в своей первичной, т. е. примитивной форме, как прямое насилие и страх быть подвергнутым насилию.

Другое дело, что иные члены сообщества не признают справедливыми те или иные принципы распределения созданных условий материального и духовного бытия в обществе, даже если последние освящены законом.

Распределение по собственности предполагает справедливым распределение по осуществляющей себя в процессе воспроизводства материальных и духовных благ собственности. Однако в этом механизме распределения не может иметь место применение насилия, не освященного государством, его нормами права. Государство реализует всеобщую волю его граждан, и если не понимать здесь как воля гегелевского монарха, то система может создать механизмы распределения дохода на принципах всеобщей справедливости. Так, в «Философии права» Г. Гегель писал: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой (действительностью) оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в-себе и для-себя разумное. Это субстанциональное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает наивысшего подобающего ей права, так же как эта самоцель обладает наивысшей правотой в отношении единичного человека, наивысшей обязанностью которого является быть членом государства»

[7. Т. 2. С. 279]. В этом случае воля, будучи схваченная мышлением, разумом, находит свои исторически приемлемые формы в институте государства.

Эта собственность может осуществляться сама в самых различных формах: форме заемных денежных средств, кредитов, товарных ценностей, собственности на свою рабочую силу, собственность на такие ресурсы, как знания, информацию, наконец, собственность на властный ресурс. Однако если власть внеэкономическая, то все формы, в основе которых положена эквивалентность, не могут быть признаны справедливыми.

Это положение имеет гораздо большую значимость, чтобы полностью относить его к социалистическим формам присвоения и распределения дохода в обществе. Но именно в условиях социалистического способа присвоения мы можем обнаружить большее поле для нарушения принципов справедливости, в основе которого лежит эквивалентность при обмене доходами. Социализм, по определению, отрицает справедливость на эквивалентности. Если при этом выносятся за скобки человеческий фактор, превращая человека в средство, в «винтик великого государственного механизма», то мы можем обнаружить одно из самых несправедливых форм общественного устройства. Здесь собственность уже не имеет значения, но приобретает возрастающую роль государственная бюрократия – все признаки класса в обществе. Власть, как внеэкономическое принуждение, не может найти свое обоснование в бытии рынка. Хотя это совсем не означает, что необходимость власти будет находить свое обоснование также на принципах требования справедливости, но уже принципиально на иных основаниях.

Следовательно, различные формы дохода в виде процента по кредиту, заработная плата, арендная плата, рентные платежи есть специфические формы реализующей себя собственности. Принцип распределения по труду становится не более, как одной из специфически возможных форм распределения произведенного продукта в обществе. И принцип распределения по собственности не исключает последний как свой инородный момент, наоборот, включает в свое содержание как особую специфическую форму.

Полагаем, что названный нами принцип распределения имеет право на существование в теории. В практике он давно, еще с до *адамовских* времен, реализуется в той или иной степени. Но будет ли данный принцип справедливым для общества, которое устраивает свою социально-экономическую жизнь на социалистических принципах? Другими словами, являются ли принципы распределения по собственности принципами социалистическими?

Ответ на этот вопрос будет лежать в сфере понимания того общественно-политического, социального обустройства, которому мы присвоим термин «социализм». Если социализм предполагает полное обобществление средств производства, отрицание частной собственности, то ответ будет один. Если же под социализмом понимать, как это выражено в теории М.И. Туган-Барановского, как общество, в основу которого положен известный разумный план, определенная цель, определенная идея, которая реализуется в определенной исторически определенной форме общежития (27), то ответ будет принципиально иным.

Поэтому первоначально следует выяснить концепт этого понятия, т. е. уточнить те атрибутивные признаки, которые раскрывают суть социалистической идеи. При этом следует руководствоваться, что эти признаки должны обладать качествами необходимости и достаточности сущностных характеристик.

Одновременно сама эта сущность социализма, и её признаки может выражать некоторое основание, которое не может быть доказано. Более того оно есть основание, из которого вырастает все научное здание социализма. Другими словами, это основание есть результат «научного произвола» исследователя, который определил тем самым и основополагающие принципы. Фактически эти основополагающие принципы и есть атрибутивные признаки сущности социализма, утрата которых ведет к утрате социально-экономической, политической природы, т. е. самой сути.

В основе нашей идеи социализма лежат признаки:

- признания высшей ценности человеческой личности обществом, что дает основания для реализации императива И. Канта относиться к человеку не только как средству, но как к цели и средству одновременно;
- свобода личности;

– достигнутый в обществе достаточный уровень развития производительных сил и общественных институтов, который делает возможным обеспечить экономическими ресурсами свободное развитие личности.

Первый принцип позволяет исключать в обществе такие формы перераспределения дохода в обществе, которые не могут быть оценены как справедливые. Справедливость в распределении – это распределение по собственности, в основе которой лежат индивидуальные ценности, активы, в т. ч. ценность человека, который способен производить доходы в условиях экономической, политической свободы. Это исключает формы использования чужих ресурсов на неэквивалентных основаниях в частных интересах. Факторы, которые принадлежат всему обществу, должны приобретать общенародную форму.

Свобода личности – это свобода человека реализовывать свою волю в соответствии со своими природными, имеющими и накопленными ранее ресурсами, т. е. как реальным, так и накопленным человеческим капиталом. Свободным человека делает его собственность. В обществе собственников формируется устойчивое поле власти экономической, которая находит свое отражение и закрепление в сфере власти политической.

Третье основание позволяет несколько по-иному отнестись к положению о естественности и необходимости социалистического обустройства общества. Социализм не следует рассматривать как надисторический идеал человечества, как искусственную, придуманную форму человеческого общежития, как это делал М.И. Туган-Барановский. Социализм с его формами перераспределения дохода уже реализовал себя как действительность в практике его построения в бывшем СССР. Вопрос об искусственности форм или их естественности не может лежать в ответах о основаниях и принципах обмена в обществе, т. е. рыночности или вне рыночности. Как сознательно поддерживаемая пропорциональность в первобытном обществе была необходима, но невозможна форма рыночная, так и капиталистическая или социалистическая форма дают основания как планомерного, так и рыночного распределения. Отрицать наличие планомерности в современном капиталистическом хозяйстве есть, научная наивность, либо сознательное фарисейство,

также ничего общего с истинно научным осмыслением не имеющие. Социализм в бывшем СССР был скорее формой ущербной. Всеобщее обобществление не было необходимым требованием, скорее наоборот. Это обобществление лишило народ собственности фактически (*de facto*) при манифестации общенародной собственности (*de jure*). Не будучи фактически собственником, народ не мог стать и свободным.

Ни всеобщее планирование, ни всеобщее обобществление, ни юридическое равенство в правах не есть атрибуты с признаками достаточности, чтобы быть отнесенными к сущностным признакам социализма. Поэтому вполне закономерно социализм, как искусственно навязанное большевиками социально-политическое образование, оказался нежизненным. Высказанное М.И. Туган-Барановским предупреждение относительно нежизненности социалистических форм хозяйствования в условиях недостаточного уровня развития производительных сил и социальных институтов оказалось не услышанным бывшими руководителями-революционерами. Они скорее оказались не по разуму старательными в реализации своих нежизненных идей, что принесло неисчислимое горе всем гражданам России. Вместо того, чтобы стать «царством свободы и всеобщего богатства», социализм оказался «царством рабства и всеобщей нищеты» [31. С. 126].

Решение данной проблемы уходит корнями в другую сферу науки. Многое будет зависеть от модели социалистического обустройства общества, понимания социалистической идеи и форм ее воплощения в различных сообществах. Мы можем на этот счет предложить результаты осуществленных нами исследований, изложенных в работе «Собственность: сущность, противоречия, формы их разрешения». Поэтому мы не будем останавливаться на проблемах теоретического обоснования социалистической идеи и практики ее реализации. Заметим только, что социалистическое обустройство предполагает не индивидов, лишенных собственности, а общество ассоциированных в масштабе всего общества собственников. Доход следует считать справедливым, если он реализовался как продукт собственности, но собственности индивидов, приобретенной в условиях экономической, политической свободы. Эта собственность не может быть продуктом ранее допущенной

несправедливости в распределении общенародной собственности во времена ваучерной приватизации, собственности, приобретенной в форме залоговых аукционов и т. д. Захват есть грабеж, прикрытый законом в условиях несправедливого перераспределения собственности на средства производства. В это время несправедливость была осуществлена во всем объеме полно, как отмечал ранее Платон. Новые собственники вместо преступников оказались героями, превратив само государство в свою частную собственность. Последнее находится в полном противоречии с выводами Г. Гегеля, который исключал перерождение государства в частную собственность отдельных олигархов: «Особенные функции и сферы деятельности государства свойственны ему в качестве его существенных моментов; они связаны с индивидами, которыми они осуществляются и совершенствуются, но не со стороны их непосредственной личности, а со стороны их всеобщих и объективных качеств и поэтому связаны с их особенной личностью как таковой внешним и случайным образом. Поэтому государственные функции власти не могут быть частной собственностью» [7. Т. 2. С. 289].

В условиях распределения по собственности на факторы собственного воспроизводства, когда ею обладает абсолютное большинство, сам процесс деятельности стал делом внутренней потребности творчески осуществляющей себя личности. Если процесс производства дохода и его присвоения протекает в условиях личной зависимости, несвободы, то говорить о социалистичности можно лишь условно и с определенными оговорками. Следовательно, все доходы, в основе которых лежит собственность индивида, группы, сообщества можно и следует считать справедливыми и социалистическими. Социалистическое обустройство предполагает не паразитирование на социалистической собственности, а реализацию собственности каждым в предельно максимальных возможностях. Поэтому доходы по собственности следует считать справедливыми и имманентными самой природе социализма. Собственник в социалистическом обществе объективно требует реализацию принципов личной свободы, свободы распоряжаться результатами своего труда. Подобная модель социализма в качестве основания полагает свободу в обмене, т. е. рынка, рыночной свободы. Можно более категорично выразить эту идею. В социалистическом сообществе реально столько свобо-

ды, сколько рынка. Это ни в коей мере не отрицает роль государства как охраняющего, регулирующего и производящего услуги института. Однако их соотношение следует скорее уложить в модель, высказанную и закреплённую в научной и учебной литературе: рынка – насколько это возможно, государство – насколько это необходимо. В этом общественно-политическом образовании могут формироваться предпосылки для всеобщей кооперации, в которой к индивидам уже не относятся исключительно как к средству расширенного воспроизводства другого члена сообщества. Одновременно и социалистическое сообщество уже не будет представлено как совокупность отдельных обособленных общин. Общество может и должно представляться в теоретических моделях и действительности не как совокупность независимых экономических анклавов, которые объединены рынком и не более, а целостным организмом, объединённым одной социалистической идеей и политически оформленной в институт государства с его необходимыми институтами власти, управления, принуждения, регулирования образования, защиты и т. д. Другими словами, социалистический характер сообществу придает сам институт государства, который следует рассматривать как органическую достройку до масштабов целостности всего образования. Здесь уже не отношения собственности исключительно, как полагалось в теории марксизма, как некоторый базис, выступали доминантой всех возможных форм социально-политического обустройства, а вся целостность отношений производства, распределения, отношений политических, религиозных, этических и т. д. Механический детерминизм оказался неспособным в принципе объяснить всю эту сложную и противоречивую систему. Простота принципа детерминизма сыграла очередную «злую шутку», пытаясь в простые модели механицизма втиснуть всю сложность социально-экономических процессов.

Сообщество отдельных собственников можно рассматривать как относительно автономное хозяйственное образование. Но над этим сообществом будет реализовываться политическое объединение – государство. Характер государства, характер политической власти придаст и специфику механизмам производства и распределения богатства в обществе. В чью пользу будет изыматься прибавочный продукт в обществе, в чью пользу будут распределяться доходы от реализации национального богатства в современной

России? Ответ на этот вопрос наводит на известную аналогию Мережковского: *растаскиваемая олигархами Россия продолжает оставаться «больной красавицей»*, но не хотелось бы только, что бы это состояние было на века.

Нарушения социалистических принципов получения доходов в обществе возникнут тогда, когда индивид будет лишен собственности, либо ему будут созданы условия невозможности реализовать свою собственность. Эти условия действительно будут предпосылками отхода, искажения социалистических принципов распределения. Монополизм государственных структур, протекционизм в экономических отношениях, использование насилия и принуждения несовместимы с социализацией экономической жизни.

Следовательно, социалистические принципы находят свои основания не столько в абстрактных принципах справедливости, сколько в экономических отношениях доходов в обществе на основе реализующей себя собственности. Антисоциальным, антисоциалистическим способом присвоения дохода в обществе, которое следует или стремится следовать социалистическим принципам, будут доходы, механизм получения которых покоится на насилии, на несвободе. Ибо эти формы не позволяют проявиться самооценности индивида, они нарушают принципы эквивалентности обмена услугами, позволяют присваивать одной части сообщества доход другой части. Сама же величина дохода не может стать каким-то существенным критерием социалистичности.

С другой стороны, общество как целое, т. е. как государство, будет разрешать противоречия социального неравенства в потреблении. Одновременно оно должно создавать условия для становления собственности каждым индивидом, для передачи некоторой части дохода другим членам сообщества. Однако это не процесс выравнивания или нивелирования, а скорее процесс постоянного воспроизводства стартовых условий для индивидов, которым по тем или иным причинам не удалось создать себе собственность в достаточных размерах.

Следовательно, производство дохода есть только момент производства индивидов в обществе. Этот процесс не охватывает процесс непосредственного потребления дохода, т. е. материальных и духовных условий человека. Но и потребление этих благ следует

понимать как момент жизни, как момент воспроизводства индивида в социалистически ориентированном сообществе. Потребление есть не момент производства дохода, а момент воспроизводства человека. И если труд по воспроизводству человека станет считаться трудом производительным, то само непосредственное потребление следует считать производительным (для индивида) моментом, сферой воспроизводства индивидов.

Таким образом, можно избрать такую деятельность, которая будет приносить доход, но эту деятельность не следует считать производительным трудом. Например, деятельность по производству предметов, удовлетворяющих мнимые потребности и направленные во вред человеку только и может запрещаться сообществом как целым, т. е. государством.

Подобной деятельностью может стать и деятельность, в результате которой происходит суживание сферы жизни человека. Например, если отравляется природная среда, ограничивается жизненное пространство самого человеческого существования. Не играет при этом роли тот факт, что вполне возможно получение дохода в какой-то период времени.

Экономическая культура и экономическое сознание

Еще совсем недавно сочетание терминов «экономика» и «культура» казалось, по крайней мере, для многих, надуманным образованием. Представлялось, что эти две сферы человеческого бытия и не могли получить области своего соприкосновения. Более того, экономический прагматизм довел до крайности это разделение, противопоставил в самом целеполагании экономические интересы и интересы культурного бытия индивида. Сфера культуры не то, чтобы паразитировала на прагматичном теле экономики, она, по крайней мере, подпитывалась экономикой, получая остаточные пироги со стола экономической жизни.

Возьмем на себя смелость утверждать, что подобные взгляды не были преодолены и на конец XX столетия. Это прискорбно для разумного сознания, но порой удивительно объясняется рассудочным мышлением. Феномен культуры в экономической жизни дан в единстве с феноменом экономии, с феноменом экономической жизни. Поэтому, не боясь противоречить самому себе, замечу, что нет отдельно существующего феномена экономического события вне феномена культуры. Только в глубокой абстракции можно полагать как существующие одно вне другого эти феномены экономики и культуры. Следовательно, мы преследуем в своем методе исследования цель – понять экономическую жизнь общества и индивида в ее целостности. И наш метод познания должен следовать принципу целостности, а не абстрактной всеобщности. Поэтому понятие экономической культуры вполне имеет право на существование,

и не случайно, что стали появляться работы по проблемам становления экономической культуры.

Однако прежде чем раскрыть содержание понятия экономической культура, следует раскрыть содержание понятия «культура» вообще. Это тем более имеет значимость, что многие исследователи отношений культуры стоят если не на различных исходных позициях, то, по крайней мере, на существенно отличающихся.

Культура очень тесно связана с двумя латинскими словами *cultum* – культура и *culturo* – цивилизация. В настоящее время культура понимается собственно в значении характеристики определенных исторических эпох, конкретных обществ, народностей и наций, специфических сфер деятельности человека или жизни. В узком смысле культура есть особая сфера духовной жизни людей. Ее проявлениями становятся предметные результаты деятельности индивидов, как, например, машинная техника, формы общественного устройства, сами способности и знания людей, которые материализовались в предметной деятельности. Некоторыми исследователями проблем культуры ее содержание понимается, как социальная память общества, как особый социальный организм, воспроизводящий эталоны поведения, которые проверены опытом истории и соответствуют потребности дальнейшего развития общества [10. С. 97, 98].

Мы полагаем, что все названные выше определения культуры имеют право на существование. Саморазвитие человеческой организации проходило не только противоречиво, но обнаруживало признаки некоторого внутреннего единства. И хотя каждая сфера человеческого бытия неизбежно накладывала определенный отпечаток на формирование понятия «культура», тем не менее, обнаруживалась некоторая общность, которая проявлялась на более глубоком уровне познания индивидом сути своего собственного бытия.

Нашему пониманию сухости культуры соответствует в большей степени такое понятие, содержанием которого становятся некоторая целостность материальных и духовных условий человеческого бытия, которые, собственно, и выявляют в человеке, в создаваемой им жизни истинно человеческое. Следовательно, определить содержание культуры в жизни человека можно только после того, как выяснив, что собственно есть человек. Другими словами, ответить на те

сакральные вопросы И. Канта: кто мы? куда идем? что мы должны делать? на что мы можем надеяться?

При этом мы не склонны характеризовать культуру, как некоторое состояние, – скорее всего культура есть выражение некоторого процесса становления истинно человеческого в человеке. Этот процесс отражает не только состояние овеществленного в средствах труда, формах общественного бытия знания и опыта данного поколения, но и прошлого. Следовательно, культура всегда оставляет открытым вопрос: что нами было усвоено от прошлого ценного для человека и всего сообщества, какое приращение, в смысле обогащения материальной в духовной жизни, было привнесено нынешним поколением?

Поэтому вопрос о культуре в обществе не только затрагивает состояние общества и индивида, но и отражает момент движения данного поколения людей, их идеалы, сознание, образование, развитие или деградирование науки. Поэтому мы не возьмем на себя ответ на вопрос о том, были ли люди эпохи Возрождения более культурными.

Каждое поколение усваивает накопленное богатство всеми предшествующими поколениями. Но всем ли поколениям удастся его хотя бы повторить и усвоить? – это, *во-первых*. А *во-вторых*, следует ответить на вопрос, чем было обогащено материальное и духовное бытие самим фактом существования данного поколения? Вполне возможно, что о некоторых поколениях можно только и сказать словами Сартра: они совокуплялись и читали газеты.

Следовательно, мы далеки от того, чтобы свести содержание культуры к некоторым характеристикам состояния индивидов, например уровню образования, накопленному овеществленному знанию, к привычкам, нравам, традициям.

Но культура, как некоторая целостность бытия человека, имеет свои аспекты, придавая тем самым специфическую отличность отдельным сферам человеческой жизни. Это дает право на появление таких понятий, как экономическая культура, политическая культура, культура человеческого общежития и т. д.

Экономическая культура есть преломление культуры на сферу экономической жизни общества и индивида в отдельности.

Экономической культуре в большей степени присущ оттенок цивилизации. Объектом науки экономической культуры является способ присвоения (производства), однако предмет здесь, собственно, культурная жизнь сообщества. Субъекты присвоения выступают в персонифицированном виде, своего рода масках, которые есть отражение на персонах всего культурного наследия цивилизации. Существенным моментом для понимания предмета экономической культуры является то, что сама цивилизация выступает, как носитель черт признаков становления истинно человеческого сообщества. Это сообщество гражданское, или гражданское общество. Для него характерно равенство всех перед законом, свобода его граждан, верховенство закона, а не насилия. Это общество, где преодолевается как вечная, так и личная зависимость индивида, где индивид преодолел равенство при полном бесправии. Другими словам, становление экономической культуры связывается нами с процессом становления человека субъектом своих собственных интересов, субъектом своего собственного развития, когда прежде он был не более как объектом этих изменений. С этим нами связывается и критериальный признак становления экономической культуры, мериллом экономической культуры, ее прогресса.

Экономическая культура, следовательно, наследует и социальную память человечества, отбирая из своего прошлого опыта все лучшее, что оставили потомкам предыдущие поколения. Это усвоение знаний, традиций, привычек, способствующих становлению человека. Экономическая культура характеризует адекватность бытия человека экономического человеку целостному. Последний же есть единство становящейся целостности: человека политического, религиозного, волящего, наконец, социального.

Человек всегда оценивал окружающий мир с точки зрения его ценности для своего бытия. Другое дело, видел или нет индивид свои истинные ценности, или его собственные интересы выступали в некоторой превращенной форме. Но, по крайней мере, всегда ближайшие интересы индивид видел. Он мог следовать этим интересам, либо он был объектом реализации каких-то чужих интересов. Тогда соединение производителя со средствами производства осуществлялось внешним по отношению к производителю насилием.

Политическая экономия давно усвоила ту простую истину, что индивид не в состоянии обеспечить не только расширенное, но и простое свое собственное воспроизводство изолированно от других индивидов. Производство всегда предполагает кооперацию. Робинзоны стали анахронизмом и в науке, и в практике. И экономическая культура отчетливо отразила это объективное требование истории.

Однако оставался другой вопрос – переосмысление ценностей человеческого бытия, т. е. исходных положений экономической культуры.

Одним из моментов глубоких изменений экономической культуры, которые в нашем обществе практически еще и не начались, это пересмотр взглядов в теории и практике на становление специализации как формы кооперации. Вся историческая практика убедительно показала процесс разделения труда, его специализацию. Был далее выдвинут тезис, что уровень развития производительных сил определяется степенью разделения труда в обществе. Прогресс же усматривался в росте производительности труда. Более того, сама победа социализма в России связывалась с тем, насколько удастся превысить производительность труда в сравнении с капитализмом. Будучи возведенным в господствующую догму, облеченное воинствующей большевистской идеологией, это требование плоского рационализма деформировало не только сознание и бытие граждан России, но и саму экономическую культуру. Однако большевистская экономика не была в этом особенно оригинальна. Корни этого феномена экономической культуры следует искать в практике прошлого.

Узкое понимание экономики, экономической жизни сообщества заключалось в том, что сообщество видело цель производства исключительно в производстве прибыли. Например, для капиталистического способа производства это беспощадно по форме выразил К. Маркс, когда утверждал о законе капиталистического способа производства. При капитализме производится только то и постольку, что и поскольку производится с прибылью. Другого не дано. Но именно эта убийственная простота видения жизни К. Марксом и стала источником построения крайне упрощенных схем не только экономической жизни, но и политики, и культуры. В.И. Ленин

только довел эти положения до крайностей, которые граничат с откровенным цинизмом.

Не поняли этого и продолжатели марксизма в России. Они не могли критически переосмыслить основные положения марксизма. Величие и одновременно поразительная простота, которая скрывала действительность, гипнотизировали экономистов. К этому прибавлялся и тот существенный фактор, что государство безжалостно обрушивало всю мощь своего карательного аппарата на тех, кто пытался переосмыслить некоторые положения марксизма-ленинизма.

Экономическая культура, если рассматривать наши тезисы на фоне социально-экономического строительства в России, выразила тенденцию к превращению человека в *винтик великого государственного механизма* (И. Сталин). Ибо как винтик он давал наибольшую производительность труда. Однако эта производительность только и могла быть достигнута за счет самого человека, безжалостного пожирания его физических и духовных сил. Если капитализм видел свою цель, по крайней мере, в упрощенном представлении Маркса, в производстве прибыли, то социализм увидел эту цель в производстве материальных благ, а средство для этого – рост производительности труда. Но и в первом, и во втором случаях за рамки рассмотрения был выброшен сам человек. Более того, он превращался в средство этого «люцифера» – государственного способа производства. А если человек и упоминался в официальных документах, то это было прилагательное к государственному способу присвоения.

Однако жизнь показала, что описанный уровень экономической культуры не мог способствовать прогрессивному процветанию индивида в обществе. Экономическая культура, выраженная в формах экономического мышления, экономическом сознании, привычках, нравах, религиозном сознании, состоянии менталитета его граждан стала противоречить истинным интересам индивидов. Это в полной мере отразило и состояние производительных сил, в т. ч. и самого работника. Появление конвейерных линий, значительных объемов тяжелого ручного труда обедняло содержание труда. Труд как потребность никогда не мог стать внутренней потребностью индивида. Он продолжал противостоять индивиду как чужая,

поглощающая его жизненные силы, а, следовательно, и самого человека, необходимость.

Новое экономическое мышление стало только выражать, пусть слабо и непоследовательно, ту объективную потребность, что человек не мог оставаться рабом растущей специализации труда в обществе. В то же время индивид прекрасно осознавал рост качества жизни, рост своих потребностей, что только отразило процесс противоречивого бытия человека в обществе, сделало невозможным объять все богатство материального и духовного бытия человека.

Тем самым экономическая культура своими противоречиями выразила внутреннюю самопротиворечивость существования индивида в обществе. Теория экономики, культура не могут разрешить это противоречие, которое есть противоречие бытия. Но разрешение противоречия в теории может стать фактором адекватной деятельности людей, формой, посредством которой и будет разрешено это противоречие бытия индивида.

Представляется, что общество должно отказаться от упрощенного представления о цели социалистического способа производства. Оно должно в экономической культуре отразить и выразить потребность переподчинения производства материальных благ, или прибыли при капитализме самому человеку. Способ производства, или способ присвоения, только выражает внешним образом на уровне взаимодействия противоречие своего бытия индивида: отношения человека к природе, т. е. к материальным и духовным условиям своего бытия, и к самому себе. Общество должно понять и выразить в формах экономической культуры, что ему нельзя продолжать относиться к человеку как средству для другого. Оно должно относиться к человеку и как к средству и как к цели. Человек начинает представляться как самоцель своего собственного производства. Ни производство материальных благ, ни производство прибыли, а воспроизводство самого индивида. При этом ни производство материальных благ, ни производство прибыли не отбрасываются. Но, вместо того, чтобы претендовать на роль целей, они должны занять место средств.

Тогда человек уже не будет видеть какое-то исключительное благо в росте производительности за счет специализации, превратившей его в частичного работника. Человечеству необходимо

в экономической культуре осознать, что нельзя превращать человека, его рядового члена в частичного работника, приковывать его к станку или конвейеру. Тем самым он лишается свободы. Например, движение конвейера упорядочивают даже движения отдельных органов человека, определяет темп его движений и т. д. Добавим, что упрощенное понимание специализации, попытка найти выгоду, рост производительности труда, рост прибыли за счет самого человека, деформирует не только индивида, но и само общество. Оно не может стать свободным, если его члены – суть винтики. Человек-винтик есть человек-исполнитель. Он не может быть творческой и активной личностью, следовательно, он не более как раб, только в некоторых относительно цивилизованных формах.

Эту потребность преодоления последствий односторонней специализации выразил в свое время П.А. Кропоткин. «Освободив наше мышление от схоластики учебников и рассматривая человеческую жизнь с общей точки зрения, мы неизбежно приходим к выводу, что хотя выгода от временного разделения труда и несомненна, но, что настало время обратиться к той выгоде, которая проистекает от интеграции труда, от его объединения. До сих пор политическая экономия знала только разъединение труда; мы же настаиваем на его объединении» [14. С. 381]. Тем самым экономическая культура в свою основу полагает не абстрактные принципы прогресса, роста производительности труда, прироста прибыльности и т. д. Все это со временем станет пережитком в теории и практике, адекватно такому состоянию развития самосознания человека, когда последний не принимал в расчет своей самооценности как высшего критерия признака действительного становления экономической культуры.

Другой аспект становления экономической культуры на современном этапе заключается в следующем. Примитивные формы экономической культуры всегда отталкивались от простой, на первый взгляд, идеи. Каким образом может осуществляться процесс присвоения человеком условий своего собственного бытия? Робинзонады могут осуществиться только в романах и схоластических схемах экономистов-утопистов. Человек может расширенно воспроизводиться только с помощью других членов сообщества. При этом другой индивид может рассматриваться как средство для первого

индивида. Общество, таким образом, раскалывается на различные слои и классы. Одним начинают принадлежать средства производства, другие лишаются условий своего собственного существования. Первые становятся господами, вторые – рабами, подданными, либо внешне свободными, но экономически привязанными к первым посредством наличия средств их воспроизводства у первых.

И вся история человечества есть история сосуществования этих противоположных сил в процессе собственного присвоения их. Каждая противоположность жила за счет другой с помощью другой. Здесь не допускался выбор. Индивид должен стать либо совладельцем монополизируемых средств существования, либо средством для жизни другого. Но так как община уже стала некоторой целостностью, т. е. сформировался институт государства, то можно, заняв место во властных низах государства, извлекать из этого казенного целого средства для своего воспроизводства. Другого пути не было, вернее, люди не могли его увидеть на ранних этапах становления цивилизации, в нашем понимании экономической культуры. Но так как интересы этих классов были действительно противоположны, то их сосуществование могло выражаться не в мирных формах, а в постоянной борьбе, которая могла то затихать, то принимать характер открытого вооруженного противостояния. Оно не приносило счастья ни работникам, лишенным средств производства, ни собственникам средств производства, ибо, будучи господами, они сами стали зависимы от своих рабов и превращались в несвободных людей общества, где все, казалось, принадлежало им. Они не могли наладить ни счастья, ни покоя, ни внутренней свободы. Каждый жил тем, что стремился урвать кусок изо рта другого. Не быть равным в добывании хлеба насущного, а быть неравным, чтобы, используя свое положение в обществе, в обладании властью, силой, взять больше. Но о какой свободе в этом сообществе может быть речь? Свобода существует лишь там, где каждый признается владельцем собственной личности, как писал по этому поводу Дж. Локк. Лишение собственности и было причиной жизненности несвободных обществ. Ибо собственность есть, в том числе и распространение личности на вещь.

Поэтому далеко не случайно, что Дж. Локк считает всякое провозглашение права собственности сомнительным, если личность осталась несвободной, без гарантий самореализации своей воли.

Это равенство должно дать всем становление каждым индивидуумом собственником. Но так как собственность по своим размерам не равна, то они не могли быть и равными. Однако каждый должен иметь возможность проявить свои природные данные и жить так, как он желает и может.

Всякие привилегии в процессе присвоения должны быть отброшены. Перед правом собственности должны быть все равны, подобно тому, как Лютер всех уравнил перед Христом. Но люди по природе не равны. Но не для того, чтобы одним дать власть, а другим бедность, как учила католическая церковь. Мы понимаем этот тезис Лютера как неравенство в собственности, которое может дать жизнь обществу как целому и одновременно дать возможность жизни каждому в той мере счастья, которую он сам желает и может. Люди не равны касательно размеров собственности. Но они должны быть равны в возможностях проявить себя в обществе. Государство же должно дать каждому возможность самопроявить свои неравные качества помыслов, характера, способностей, желания.

Не нужно следовать неоправдавшимся теориям К. Маркса и В.И. Ленина о государстве как аппарате насилия, и только. Государство как выражение всеобщности обязано проводить такую политику, чтобы ежедневно и ежечасно создавать условия для самореализации индивидов, для увеличения удельного веса состоятельного класса. Последнее только и способно придать системе социальных отношений устойчивость.

Следовательно, нами видятся некоторые признаки, которые отличают формирование нового экономического мышления, т. е. становления нового исторического этапа экономической культуры. Этот этап мы связываем с преодолением форм присвоения, основанным на низведении личности к винтику. Человек должен стать целью своего собственного бытия. Но так как он одновременно и средство самого себя, то более правильно говорить о человеке как самоцели. Человек в концепции новой экономической культуры должен стать собственником, что неотъемлемо от его свободы.

Беда социализма, а точнее той его формы, которая осуществлялась в СССР, состоит не в том, что производство было чрезмерно обобществлено, а в том, что эта модель нивелировала человека, превращала его в средство, винтик чуждого ему государственно-механизма, тогда как в социально ориентированном обществе ни один его член не может быть вассалом, прислужником самого государства.

Сущность экономической культуры не может быть дана непосредственно, ее следует определять через формы самой деятельности членов социально-экономического сообщества по процессу присвоения людьми условий своего собственного воспроизводства. Это же уже опосредованно можно определить по используемым средствам производства, изготавливаемому продукту, формам организации производства, формам принуждения к труду, используемым стимулам, характеру производства, обмену деятельностью, уровню подготовки самого работника, его материальным и духовным запросам, культуре потребления созданного им самим продукта. Следовательно, исследователь располагает достаточными признаками для того, чтобы судить о состоянии экономической культуры на определенном историческом этапе.

Вместе с тем, эти условия, если они берутся только как данные, не могут объяснить природы. Ибо остаются вопросы о причинах их формирования на данном этапе. Проблема может тем самым уходить в далекую историю, но это, видимо, неизбежно, чтобы не судить поверхностно о феноменах экономической культуры в обществе.

За исходную точку отсчета мы возьмем состояние после революции в октябре 1917 года. Страна еще не вышла из состояния войны, государственность старая разрушена, новая пока не создана. В стране идет гражданская война, свирепствует голод, ощущается нехватка продовольствия, парализован транспорт. Культурная жизнь практически замерла. Это только часть того, что касается чисто экономической сферы. Физическое уничтожение наиболее образованной части общества в лице дворянства, культовых служащих, а также рабочего класса не могло привести к общему снижению уровня культуры. Революционный класс очень часто не имел ничего иного, кроме иступленной веры в коммунистические идеалы, которые представлялись в крайне упрощенной форме. Насилие захлестнуло Россию.

Чтобы каким-то образом овладеть обстановкой и сохранить власть воинствующего меньшинства большевизм не мог не возвести насилие по отношению к собственному народу в ранг государственной политики. Итогом стала организация производства по военному образу, для которой специфично подавление интереса индивида, нагнетание психоза, шовинизма, классовой ненависти и нетерпимости. Именно в период военного коммунизма в России были заложены основы административно-казарменного типа социализма.

В период НЭПа механизм государственного присвоения был ослаблен, однако это продолжалось совсем недолго. Большевистская правящая структура, захватив власть и почувствовав некоторую естественность для своего уровня сознания и уровня экономической культуры управления страной, уже не захотела и не смогла отказаться от характерных для милитаризованной экономики методов и приемов управления и хозяйствования. Тем самым объективные предпосылки к переходу страны к административно-казарменному типу социализма трагическим образом наложились на субъективные предпосылки. Это мы усматриваем в существовании немногочисленной, но идейно сплоченной, военизированной структурно оформленной партии, которую возглавили по своему талантливые руководители. Теоретическая платформа построения социализма была уже в своих основах к 1925 году разработана. Основные контуры ее были обоснованы в работах В.И. Ленина.

Исторические условия становления государственного способа присвоения и его дальнейшая эволюция стали фактором формирования некоторых специфических особенностей экономической культуры на последующий период – вплоть до крушения тоталитарной системы в России. Мы представляем себе большие разбросы в отражении некоторых черт экономической культуры его граждан. Тем не менее, опираясь на проведенные в последние годы исследования, можно сделать некоторые выводы [10. С. 189–198].

Так, для экономической культуры казарменного социализма была характерна слабая автономность. Причина этого заключалась в том, что она была тесно привязана к идеологии и политике. Сформировалась некоторая целостность структур экономики, политики, идеологии с господствующими тенденциями идеологии и политики. Теоретическое обоснование черпалось из крайне упрощенного

по своему содержанию лозунга В.И. Ленина о том, что политика не может не иметь первенства над экономикой, что понимание этого тезиса есть азбука марксизма.

Взятые априорно некоторые представления о соответствии тех или иных укладов и форм хозяйствования, форм движения произведенного продукта упрощенным моделям о будущем обществе, как единой фабрике, эти схемы практически реализовались в идеологических догмах большевизма при осуществлении практической политики. Для страны это не прошло бесследно. Был разрушен традиционный для России уклад, репрессировано под маской борьбы с кулачеством крестьянство, осуществлялись меры по искоренению в России товарно-денежных отношений.

Самое трагичное для экономической культуры и формирования определенного менталитета граждан заключается в том, что была подавлена инициативность, изживался сам дух предпринимательства, насаждалась и подготавливалась почва для массового социального иждивенчества. Для руководящих работников стала привычной нормой поведения уход от ответственности, формализм, очковтирательство, потеря инициативы, внедрение мер административного воздействия на остальную управляемую массу людей, моральное разложение и коррупция среди руководителей самого высокого ранга. В итоге начинала оформляться противоположность интересов управляющей верхушки и своего народа.

Следующая специфическая черта в образе жизни людей, их экономической культуры – это преобладание директивности в экономических связях. Директивность есть естественный процесс становления образа жизни, в котором происходит отказ от материального интереса. Система уже не может опираться на интерес, так как она сама его отбросит, сохранив некоторую декларативную шелуху. В итоге в способах соединения производителя со средствами производства стали преобладать нормы запретительства.

Для экономической культуры рассматриваемого периода декларативность стала нормой жизни. Ее суть заключается в отрыве слова от дела. В выбрасываемых компартией лозунгах больше отражалось желание увидеть то, что никогда не могло стать реальностью. Выдвигались лозунги такого плана, что к шестидесятым

годам будет построена материально-техническая база коммунизма, а в восьмидесятых годах вообще будет построен коммунизм в СССР, и т. д.

Желание увидеть то, что никогда при этих формах строительства и не могло осуществиться, привело к массовой показухе, существованию липовых передовиков и героев, потемкинских хозяйств и т. д. Так как инициатива и предприимчивость, если не подавлялись, то, по крайней мере, не поощрялись, для экономической культуры стало характерным однообразие. В обществе стали приобретать господствующие тенденции процессы унификации. Это позволяло как-то облегчить процесс управления народным хозяйством, но ни в коей мере не сделать его эффективным.

Дополнительно можно отметить также формирование ложных ценностей, придание значимости некоторым второстепенным мероприятиям, которые могли быть охвачены еще управлением партийно-бюрократической структурой. Развивались идеи и проводились в жизнь меры по «замазыванию» социальных противоречий в обществе. Ради достижения иллюзорной всеобщности и единства интересы индивидов, социальных групп и целых народов игнорировались или подавлялись. В итоге сформировалась еще одна черта экономической культуры – практическая незащищенность индивидов и социальных групп. Управляющие структуры, будучи не в состоянии разрешать экономические и социальные противоречия, игнорировали их, идя на подавление индивидуального интереса ради эфемерной всеобщности. Индивид оказывался незащищенным перед государством, а последнее, вместо того, чтобы быть гарантом его прав, стало органом его подавления и принуждения.

Можно отметить и такой специфический признак экономической культуры, как ее оторванность от мирового процесса развития. Будучи не в состоянии выдержать соревнования с иными социально-экономическими системами, формировались посылки для искусственного отгораживания экономических культур, возведение некоторых занавесов секретности и закрытости. Все это не могло не наложить отпечаток на состояние экономической культуры в России. Приведенное нами является только частью той целостности признаков состояния экономической культуры, которое было характерно для России. На поверхности экономической жизни это отразилось

в ее нынешнем состоянии: уровне профессионализма, качестве работы, состоянии дисциплины и ответственности, потере интереса, привитии тенденций социального паразитизма в обществе, общей низкой социально-экономической эффективности в обществе, разгуле воровства, расхищении материальных благ, утрате понимания человеком его самоценности, общем уровне состояния духа граждан.

Какими же могут представляться пути выхода из данной ситуации? Налицо противоречие между потребностями расширенного воспроизводства и способностями и состоянием экономической культуры в обществе.

Каков может быть выход из создавшейся ситуации? Каким образом будет разрешаться это противоречие в самой экономической культуре? Можно ли полагать, что следует создать изначально некие предпосылки вне отношений культуры, например, завоевав власть, применив насилие, а потом уже строить культуру?

Подобная схема имела место не только в теории, но и в практике большевизма. Свою теоретическую подоплеку эта идея черпала из крайне упрощенного представления механизма формирования культуры в пролетарском государстве. Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры..., то почему нам нельзя начать с завоевания революционным путем предпосылок для этого уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы [15. Т. 45. С. 381].

Вообще приведенное положение В.И. Ленина является весьма характерным для теории и практики большевизма. Здесь явно усматривается безраздельное господство идеологических догм над всеми сторонами жизни общества. Идеология и политика определяют не только экономику, но и культуру. Далее, в теории разрешения этого обнаруженного противоречия в явной степени обнаруживается роль насилия, завоевание власти, т. е. использование власти как исключительного средства разрешения противоречий и всего обустройства жизни в большевистской России. Теоретическая ущербность большевизма состоит в том, что на примере этого приведенного положения видно следующее. Неразрывное диалектическое целое начинает представляться сосуществующим независимо одно от другого. Экономика получает в этих схемах как бы самостоятельную форму бытия от культуры, психологии, сознания индивида. Между ними

начинают устанавливаться некоторые умоглядные связи детерминации. Экономика определяется политикой, производительные силы определяют производственные отношения, экономический базис определяет формы сознания, другими словами, бытие определяет сознание. Механический детерминизм безраздельно властвует в теории познания экономических явлений. Все просто и ясно (плоский реализм, по-Марксу). Но, как писал по этому поводу М. Хайдеггер, причинность действительна лишь в мире феноменов. На этом уровне многое становится простым и понятным. Но именно здесь, предупреждает Хайдеггер, лежит опасность ускользания истины.

Несостоятельность теоретического подхода состоит в том, что единое целое, расщепляясь сознанием на свои противоречивые моменты и определения, начинает представляться как бы сосуществующем самостоятельно внешним образом. Связь детерминации начинает сводиться к одной из своих форм – причинности, забывая, что в сфере сущности связь осуществляется как противоречие самой сущности.

В этом утилитарном миропонимании большевизм проскакивает даже мимо взаимодействия, хотя и не всегда. Тем самым создается весьма упрощенная картина мира, законов его существования.

Эти упрощенные схемы могли быть восприняты основной непосвященной массой. Более углубленное понимание сути экономической культуры было не только не необходимо, но и ненужно. Сознание, которое только и могло составить для себя упрощенную картину мира, в другом мышлении и не нуждалось.

Однако, как это представляется нам, основания, предпосылки формирования культуры, которые строятся вне принципов культуры, ее отбрасывания, не могут дать культурного плода.

Это несколько созвучно с плодотворностью тезиса. Бог умер – все дозволено – у М.Ф. Достоевского. Но тогда, когда дозволено все вне соотнесения своих поступков с Богом, то это становятся гибельным для самого бытия. Большевизм всей кровавой историей доказал правоту этого тезиса.

Экономическая культура не может представлять собой самостоятельное и обособленное от самой жизни человека, от условий его бытия. Потому строить новые отношения культуры может только человек, который опирается на выработанный и усвоенный им мир

ценностей. Сами люди не выступают в процессе строительства нечто нового как абстрактные положенности – человек экономический, человек религиозный, человек политический и т. д. Это всегда есть человек целостный. Поэтому никакой упрощенный детерминизм в механизме построения и формирования новой экономической культуры невозможен.

Как бытие определяет формы сознания и культуры, так и последние определяют само бытие. Никакое бытие вне сознания или независимое бытие, которое определяет сознание, невозможно. В противном случае, после того, как сформировалась социальная форма движения материи, бытие вне сознания, или некое *безмозглое бытие* не может иметь место.

Переоценка ценностных установок в экономической культуре может осуществляться на основе теоретически разработанных принципов или неосознанно, когда индивид приходит к пониманию этих ценностей как бы произвольно. Но это и не играет особой роли. Главное – понять, что подвижки в сознании осуществляются в непосредственном единстве с подвижками в самих условиях материального бытия людей. Сознательное не выпячивается в этом механизме, как порождающая сама себя субстанция, а есть только момент целостного бытия самого человека.

Библиографический список

1. Бем-Баверк, О. Критика теории Маркса : [пер. с нем.] / О. Бем-Баверк. – Челябинск : Социум, 2002.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель ; пер. с фр. д.и.н. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд. – М. : Весь мир, 2011.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель ; пер. с фр. д.и.н. Л.Е. Куббеля ; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. – М. : Весь мир, 2011.
4. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Ф. Бродель ; пер. с фр. д.и.н. Л.Е. Куббеля. – М. : Весь мир, 2011.
5. Васильева, Т.Е. К постановке проблемы понимания в физике / Т.Е. Васильева, А.И. Панченко, Н.И. Степанов // Вопросы философии. – 1978. – № 7. – С. 1–14.
6. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель. – М. : Мысль, 2001.
7. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 3. Философия духа / Г. Гегель. – М., 1977.
8. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии. Философско-гносеологический анализ / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М. : Политиздат, 1985.
9. Дильтей, В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.

10. Заславский, Т.И. Социология экономической жизни : очерки теории / Т.И. Заславский, Р.В. Рывкин. – Новосибирск : Наука, 1991.
11. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Симферополь : Реноме, 1998.
12. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2 : Критика чистого разума : в 2 ч. Ч. 2 / Иммануил Кант ; под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. – М. : Наука, 2006.
13. Коган, А.М. Деньги, цена и теория трудовой стоимости. Новая парадигма теории трудовой стоимости / А.М. Коган. – М. : Финансы и статистика, 1991.
14. Кропоткин, П.А. Этика : избранные труды / П.А. Кропоткин. – М., 1991.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
17. Маршалл, А. Принципы политической экономии : в 3 т. : [пер. с англ.] / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1983.
18. Менгер, К. Основания политической экономии. Общая часть / К. Менгер. – Одесса, 1903.
19. Мизес, Л. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. Б.С. Пинскера под ред. А.В. Куряева ; коммен. В.В. Кизилова. – Челябинск : Социум, 2009.
20. Мизес, Л. Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес ; пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2005.
21. Останин, В.А. Философия экономики / В.А. Останин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. технолог. ин-та, 1994.
22. Останин, В.А. Воля в структуре смысла / В.А. Останин. – Владивосток : ВФ РТА, 2005.
23. Останин, В.А. Воля к власти денег как ложная парадигма развития мировой экономики / В.А. Останин // Экономические парадигмы развития Дальнего Востока в XXI веке : тезисы докладов студентов, аспирантов и преподавателей ИМиБ ДВФУ. – Владивосток, 2011.
24. Останин, В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы их разрешения / В.А. Останин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992.

25. Платон. Диалоги : [пер. с древнегреч.]. – Харьков : Фолио, 2001.
26. Поланьи, К. Избранные работы / Карл Поланьи. – М. : ИД «Территория будущего», 2010.
27. Поршнев, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М. : Мысль, 1974.
28. Российская школа экономической мысли : в 2 ч. / Г.Н. Со-рвина, ч. 1 ; Ю.В. Яковец, ч. 2. – М. : Изд-во РАГС, 2011. – (Научная библиотека преподавателя высшей школы).
29. Степанов, Ю.С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001.
30. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой ; сост. : А.П. Полякова, П.П. Апрышко. – М. : Республика, 1994.
31. Туган-Барановский, М.И. Социализм как положительное учение / М.И. Барановский. – Изд. 3-е. – М. : Едиториал УРСС, 2010.
32. Тюрго, А.Р. Избранные экономические произведения / А.Р. Тюрго. – М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1984.
33. Флоренский, П. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. Флоренский // Литературная учеба. – 1991. – Кн. 3-я.
34. Франк, С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение / С.Л. Франк. – СПб., 1900.
35. Франк, С.Л. Введение в философию / С.Л. Франк. – 2-е изд. – Берлин : Обелиск, 1923.
36. Фридман, М. Свобода выбирать. Наша позиция : [пер. с англ.] / М. Фридман, Р. Фридман. – М. : Новое издательство, 2007.
37. Шопенгауэр, А. О воле в природе. Мир как воля и представление. Т. 2 / А. Шопенгауэр. – М. : Наука, 1993.
38. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр ; общ. ред., сост., вступ. ст. А.А. Гусейнова и А.П. Скрипника. М. : Республика, 1992.
39. Kautsky K. Das Erfurter Programm. 15 Aufl. Stuhgart, 1919.
40. Marks Karl. Das Kapital. Zweiter Band. Berlin, 1977.

Содержание

От научного редактора.....	3
Введение	5
Человек и общество	9
Воля в структуре формирующегося смысла явлений социально-экономической действительности.....	18
Особенности методологических оснований исследования экономических систем: западный и российский опыт.....	45
Понятие принципов в диалектической логике и их критический анализ.....	67
Принцип объективности рассмотрения	69
Принцип всесторонности рассмотрения.....	71
Содержание принципа определенности в диалектической логике .	74
Принцип конкретного тождества.....	80
Философия собственности.....	89
Общая и частная экономическая политика в присвоении.....	104
Теория стоимости и ее противоречия	109
Отношения собственности и их противоречия	135
Проблемы присвоения и власти	159
Класс бюрократии и его экономическое место в присвоении ..	188

Философия производительного труда и чистого дохода в обществе	215
Экономическая политика: проблемы общего и частного.....	234
Воля к власти денег как ложная парадигма развития современной мировой экономики	238
Природа дохода в обществе: противоречия, формы разрешения	255
Специфика дохода в обществе, построенном на социалистических принципах.....	265
Экономическая культура и экономическое сознание.....	278
Библиографический список	295

Научное издание

ОСТАНИН
Владимир Анатольевич

Философия присвоения

Монография

<i>Редактор</i>	Л.Е. Стрикаускас
<i>Электронная верстка</i>	В.А. Моргунов
<i>Дизайн обложки</i>	Г.П. Писарева

ИД № 03201 от 10.11.2000 г. код 221.

Подписано в печать 20.12.2011. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. 15,6 л. Тираж 100 экз. Заказ 543.
Гарнитура Arial, Times New Roman.
Редакционно-издательское отделение
Владивостокского филиала Российской таможенной академии.
690034, Владивосток, ул. Стрелковая, 16в.